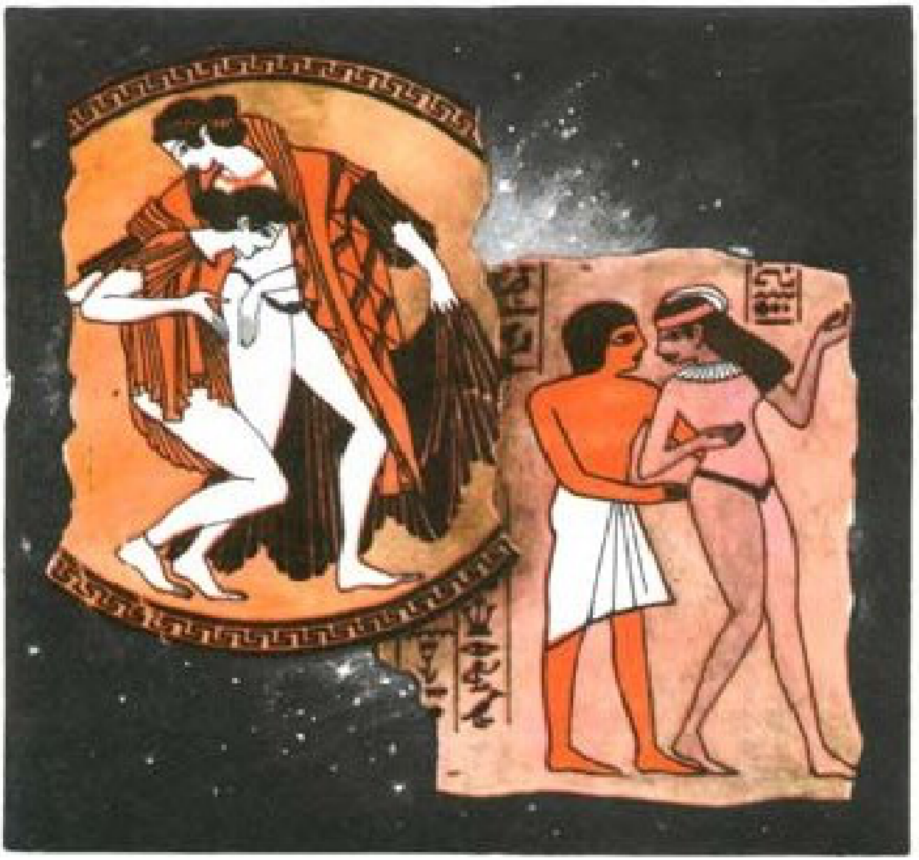
Д-р Е. Дюпуи

ПРОСТИТУЦИЯ В ДРЕВНОСТИ



SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга Дюпуи «Проституция в древности» — фундаментальный труд, вобравший огромное количество фактического материала о развитии этого общественного явления в Древней Индии и Египте, Малой Азии, Греции и Римской империи. Автор повествует о проституции, используя весь культурный опыт Древнего мира. В книге есть анализ религиозных культов, социальных условий, произведений искусства, демографии, моральных представлений, данных медицины, нормативных и законодательных актов, исторических персоналий. Священный культ Лингама и культ Венеры, законы проституции в Древней Греции и Древнем Риме, венерические заболевания, Нерон и Калигула, нетрадиционные формы любви — это далеко не полный перечень тем, раскрытых в книге, автор которой поставил цель дать подробное описание феномена проституции в Древнем мире, показать его сложную этическую и эстетическую диалектику. «К несчастью, — отмечает Дюпуи, — судьбе угодно было, чтобы рядом с прекрасным было уродливое, рядом с Венерой Уранией была Венера Пандемос, рядом с любовью — проституция и болезни». Он рассказывает о прекрасном и противоречивом мире, о юности человечества, полной страстей и гениальных прозрений.

Печатается по изданию: D-r E. Dupouy. Проституція въ древности и половые болезни. С.-Петербургъ, 1907

- Эдмонд Дюпуи
  - Проституция в древности
  - Проституция в Индии
  - Проституция в Малой Азии
    - Культ Фаллуса, Багал-Пегор, Молоха, Атис и Адониса
    - Азиатские Венеры
  - Проституция в Египте
    - Культ Приапа, Изиды и Озириса[16]
    - Алмеи
  - Проституция у евреев
  - Проституция в Греции
    - Культ Венеры
    - Легальная проституция в Греции
      - Диктерионы
      - Законы проституции в Греции
    - Свободная проституция

        - Свободные диктериады
        - Авлетриды
        - Гетеры
        - Знаменитые гетеры
        - Великие люди и гетеры
    - Противоестественная любовь в Греции
        - Педерастия и Содомия
        - Женоложство. Сафизм
  - Проституция в Древнем Риме
    - Священная проституция в Италии
        - Культ Приапа и Венеры
        - Празднества религиозной проституции
    - Легальная проституция
    - Соучастники проституции в Риме
    - Регламентация проституции в Риме
    - Проституция у мужчин
        - Разврат Цезарей
        - Легальная педерастия
    - Распущенность нравов в римском обществе
  - Венерические болезни у греков и римлян
  - Вещественные памятники истории проституции
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22

- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66

- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110

- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154

Эдмонд Дюпуи
Проституция в древности

Проституция в древности

История проституции в древности затрагивает только важных вопросов и соприкасается со столь многими труднейшими проблемами, что для того, чтобы написать ее полностью и добросовестно, потребовалась бы коллективная работа выдающихся знатоков археологии, литературы, философии и медицины; относящиеся сюда данные мы находим в отдельных трудах Дюлора, Бэро, Шосарра, Лашера, Делашо, Феликса, Лайара, Крейцера, Фамена, Сабатье, Розенбаума, Рабюто, Дюфура, Паран-Дюше, Талэ и др. Я надеюсь все же, что философу-эклектику будет по силам собрать воедино труды всех этих авторов, разбросанные в разных местах и имеющиеся только в самых больших библиотеках.

Когда изучаешь эти монографии одну за другой, то невольно приходишь к мысли о необходимости рассмотреть с новой и оригинальной точки зрения историю человеческого духа, начиная с систем древней теологии и восточных религий; невольно приходишь к анализу преемственных цивилизаций, особенно в их отношениях к нравам, законодательствам и гигиене народов.

Прежде всего в истории проституции мы различаем три основных периода: 1) эпоха проституции гостеприимства, т. е. уступление под более или менее благовидным предлогом, женщины-рабыни гостю, которого случай приводит в хижину первобытного человека; это каменный период проституции; 2) эпоха священной проституции, которая возникла на почве

суеверных представлений и грубых страстей азиатских народов; 3) эпоха легальной проституции, которая во имя физической гигиены и морали мирится и санкционирует любострастную торговлю человеческим телом, Указанное деление проституции на три периода принято всеми авторами, писавшими общую историю этого института. Замечательное описание этих трех форм мы находим в сочинении Рабюто:

«Везде в истории, насколько проникает взгляд исследователя, у всех народов и во все времена мы наблюдаем, в виде более или менее общего явления, рабство женщины, которая лишена права выбора и предпочтения одного мужчины перед другим и беспомощна перед грубой страстью ее поработителя. По временам всякий проблеск морали как будто совсем тухнет в истории и в наступающем могильном мраке благородная и нежная подруга мужчины теряет последний остаток своего достоинства, постепенно понижается нравственно и становится совершенно индиферентной к вопросу о том, кто обладает ею; она как бы превращается в вещь, в один из подарков, делаемых во имя гостеприимства; священные отношения, из которых возникают радости семейного очага и нежные семейные узы, не имеют для этих отупевших морально народов никакого значения, никакой цены. В других случаях, напр., у народов древнего Востока, а по мере приближения к нашему времени и почти у всех народов, которые находились под явлением древних традиций, отношения к половым узам становятся еще более отталкивающими, и принесение в жертву женской невинности соединяется с догмами самого чудовищного натурализма, который воспламеняет и обожествляет все страсти; половой акт становится священным обрядом дикого и развращенного культа, и вознаграждение, уплачиваемое распутным жрицам, рассматривается как приношение богам. Наконец, у некоторых народов, именно у тех, которые стоят на самом высоком уровне развития, бедность и порок отдают во власть грубых чувств и циничных желаний целый общественный класс, который загоняется на самое дно жизни; этот класс, терпимый, хотя и отмеченный позором, состоит из несчастных женщин, для которых разврат и стыд стали постоянным ремеслом».

Рассматривая с физиологической точки зрения данные, относящиеся к нравам ранних цивилизованных народов, мы различаем, вообще говоря, два класса женщин: одни предназначены к продолжению рода в браке и живут в условиях более или менее нормальных законов природы; другие же вынуждены отдавать себя для удовлетворения половых функций другого пола, причем это удовлетворение чувства имеет в

результате бесплодие для женщины, а для мужчин — чрезмерное возбуждение полового чувства вместе со всей утонченностью сладострастия; именно у женщин этой последней категории нужно искать причину венерических болезней и тех уродливых уклонений от морального чувства, психическая природа которых остается еще не исследованной. Но история этого отдела патологии тесно связана с вопросом о проституции, этой язвы азиатских народов, этого фатального бича грядущих поколений, — если только будущее человечества будет заблуждаться подобно нам и будет видеть в проституции предохранительный клапан для человеческих страстей и безнравственную охрану общественной нравственности.

Некоторые историки и философы древности видят религиозную причину проституции в боязливости человека древности; стараясь умилостивить гнев могущественных небожителей, они преподносят им первый сбор своей жатвы, своих плодов и стад. И вот появляются какие-то особые существа, которые называют себя служителями богов на земле; жрецы требуют у них для своих алтарей приношений и даров. Пользуясь их легковерием и невежественностью, они внушают им мысль, что милость богов они могут снискать путем проституирования своих дочерей, девственность которых должна быть предоставлена в исключительное и полное владение им, посвященным в таинства хранителям храма. С этого именно времени берут свое начало мистерии и церемонии, в которых проституция начинает играть роль основного правила культа и которые происходят вокруг деревянных или каменных идолов, изображающих из всего человеческого организма только половой аппарат.

Вслед за этой священной проституцией неизбежно должна была начаться эпоха проституции легальной, которая принимает характер ремесла и единственным своим двигателем имеет деньги. Она продолжает дело развращения, начатое священной проституцией, но на общественном здоровье отзывается не так резко, как проституция предшествующего периода. С наступлением этой новой эпохи, мужчины и женщины начинают предаваться эксцессам разврата, но человечество перестает уже погружаться в гибельные мистерии Изиды и Белфегор, которые раньше подчиняли человеческое тело властному влиянию различных противоестественных актов. Культ этих богов оказал очень глубокое влияние на народы Азии и опошлил их цивилизацию. К счастью, культ греческой Венеры вскоре внес в нравы варваров новую умеряющую струю.

Если Венера и воплощалась в виде куртизанки Пирея и островов Архипелага, если она и была покровительницей

развращенных блудниц, то в храмах и в целомудренных теремах греческих женщин она явилась поэтическим символом любви, символом самого пламенного стремления к прекрасному. С появлением культа Венеры человеческий дух снова обрел свободу, греческий гений зажег тот священный светоч, которому суждено было впоследствии бросать лучи на весь мир и пробуждать в нем чувство прекрасного, любовь к искусству и науке.

В честь ее было воздвигнуто множество статуй, и такие произведения, как Venus Aphrodite, Venus Genitrix, Venus Gnide, Venus Victrix (для которой Венера Милосская была только образцом), статуи Адониса и Купидона, Музы и сопровождаемые Венерой грации, — все они доказывают, что культ этой богини в сердцах эллинов был рассвечен прекрасными стремлениями и отмечен возвышенными чувствами. Именно этот культ водил резцами Фидия и Праксителя, он вдохновлял Гомера и Пиндара, Коринну и великого Платона.

Мы видим, таким образом, что существует большая разница между эротическими олицетворениями азиатских богов и этим обожествлением царицы мира, женщины, вызывающей преклонение совершенной красотой своего духа и тела. Венера Урания — это действительно исходный пункт парения человеческого ума в высшие сферы мироздания.

Культ Венеры, чтимой всеми великими людьми древности, разделяемый всеми народами известного нам мира, позднее, в храмах древнего Рима снова возродился и сделался одним из светлых духов латинской цивилизации. Он же, этот культ, в прекрасную пору Возрождения давал вдохновение нашим поэтам, нашим художникам, нашим скульпторам; бессмертна его сущность и всемогущна власть, данная ему природой над сердцем человека. Но, к несчастию, судьбе угодно было, чтобы рядом с прекрасным было уродливое, рядом с Венерой-Уранией была Венера-Пандемос, рядом с любовью — проституция и болезни. Действительно вместе с него роковым образом появляются венерические болезни — сифилис и многообразные проявления его, — что отравляет человека и его потомство и служит, так сказать, орудием общественного подбора.

В исторических памятниках мы находим упоминания о сифилисе у всех народов; он восходит к эпохе первого возникновения общественной жизни у людей и начинает обнаруживать свои свойства на самых первых шагах цивилизации. Но только в самое последнее время геологические изыскания земных наслоений привели нас к открытию англичанами доисторических гробниц с человеческими останками, в которых

антропология нашла явные признаки оригинальной болезни: кость человеческого скелета с неизгладившимися следами третичного сифилиса, экзостозы черепных, голенных, бедренных костей и пр.[1]

Все эти находки являются неоспоримыми свидетельствами и служат историческими документами для антропологии.

Эта предварительные замечания мы считали необходимыми для понимания прилагаемого ниже исторического обзора нравов древности; мы считали нужным приготовить читателей к тем тяжелым картинам, которые пройдут перед их глазами, картинам, составляющим в морали то же самое, что в медицине представляет патологическая анатомия.

Проституция в Индии
Культ Лингама

Придерживаясь хронологического порядка изложения, мы должны начать с изучения священной проституции в Индии, так как социальные формы Индии восходят к самой глубокой древности, и потому в ней именно надо искать первых зачатков священной проституции.

Индийский Лингам совершенно тождественен греческому Фаллу и египетскому Приапу: мужской половой член у всех древних народов служит символом оплодотворения. С культом связан следующий миф, один из популярнейших мифов Индии: На золотой горе живет бог Сива, там, на гладкой площадке стоит дом, украшенный девятью драгоценными камнями; посредине стола стоит лотос; над ним расположен треугольник — в нем первопричина и источник всего на земле. Из него выходит Лингам, превечный бог, вечно обитающий в этом треугольнике. На этой горе, говорит Фр. Крейцер и Д. Гиньо[2], впервые появился древний Фалл, Сива. По другой вариации бог разделялся на 12 сверкающих лингамов, на которых были устремлены очи как богов, так и людей.

Лингамы эти переносились в разные части Индии, где боги и духи всех стран света с благоговением поклонялись им; это поклонение сохранилось там и доныне. Там же, говорят далее вышеуказанные акторы, устраивались фаллические празднества в честь Сивы; на этих празднествах с большой торжественностью носили священное изображение полового члена; здесь же происходили обыкновенно безумные оргии, во время которых поклонники божества, охваченные диким восторгом, покорились стихийной силе, отдававшей их во власть всепожирающего огня страсти.[3] Во всех Индийских легендах Лингам считается самым древним из индусских божеств. Этим первобытным народам с их религией инстинкта половые органы представлялись, конечно, чем-то священным, находившимся чуть ли не под покровительством божества. Божество это изображалось жрецами в виде мужского полового члена, который и служил предметом поклонения под именем Лингама. Культ Лингама был широко распространен среди браминов и привел их к различным половым излишествам, а отсюда и к заразительным заболеваниям детородных органов. Петр Соннера в своем интересном «Путешествии в Индию» приводит другую легенду о культе Лингама, непосредственно относящуюся к происхождению

венерических заболеваний у поклонявшихся богам Сивы и Вишну. Рассказ этот, не отличаясь особой достоверностью, под массой лишнего и ненужного скрывает правдоподобный факт, «согласующийся с некоторыми другими, вполне бесспорными историческими данными». Приведем слова П. Соннера. «Верующие достаточно уже окрепли в вере, благодаря молитвам и жертвоприношениям; но для сохранения чистоты их сердец, жены их также должны были бы обладать чистыми сердцами.

Но злой бог Сива, слыхавший много о красе этих жен, решил покорить их, совратить их с пути истины. Приняв вид молодого, прекрасного нищего[4], он уговорил бога Вишну принять вид прекрасной девушки, чтобы вместе отправиться в места собраний верующих и увлечь их своей красотой, так они и поступили, Вишну пошел к мужчинам и стал бросать на них такие нежные взгляды, что все они влюбились в него, мигом забыли о своих жертвоприношениях и последовали за молодой красавицей. Страсть все более и более овладевала ими, их расслабленные члены стали точно тающий от огня воск. Сива же, как было условлено, отправился к женщинам. Он шел среди них, пел песню нищих и, по обычаю нищих, нес сосуд с водой. Обаятельное пение его скоро собрало вокруг него всех женщин; красота молодого певца довершила его успех. Смятение было так велико, что многие, преследуя певца, теряли свои драгоценности и даже одежды — не замечая этого. Пройдя со всем роем женщин всю деревню, он сделал вид, будто хочет скрыться от них в соседний лес; женщины бросились за ним, он добился от них желаемого. Вскоре после этого верующие заметили, что жертвоприношения их оставались тщетными и сила их веры поколебалась. После благочестивых размышлений они поняли, что причиной их бедствий был Сива, соблазнивший их жен, а что сами они были совращены Вишну, принявшим вид девушки.

В гневе за то, что их честь опозорена, они, не имея возможности отомстить, решили прибегнуть к крайнему средству — единодушно вознести все свои молитвы против Сивы. Разрушительное действие этих молитв было ужасно, и сам бог не мог противостоять им. Его половые органы были точно охвачены огнем, и они отделились от туловища[5]. В страшной злобе Сива решил предать весь мир пламени, сжечь его своим пылающим половым членом. Пожар готов уже был истребить весь мир, когда Брама и Вишну, на обязанности которых лежал надзор за сохранением жизни на земле, придумали средство остановить огонь. Брама принял вид пьедестала, а Вишну — вид женского полового аппарата, который соединился с горящим членом Сивы, и всеобщее бедствие было таким образом прекращено. Всеобщие

мольбы умилостивили Сиву, который обещал не предавать мир огню, если люди снова будут воздавать его половым органам прежние божеские почести».

Внимательно вдумываясь в этот миф, говорит Розенбаум, мы придем к выводу, что он несомненно более позднего происхождения, так как его одного вполне достаточно для констатирования факта тождественности огня в этом мифе и сифилиса. Разве не на этот же миф опирался Шауфус, говоря, что сифилис перешел в Европу из Индии? С другой стороны некоторые черты этого мифа так согласуются с древними верованиями индусов, что если и признать его выдумкой, то в основе его все-таки лежит несомненное знакомств с подлинными историческими данными. Уже около столетия тому назад д-р Ф. Клейн, на основании изысканий на Малабаре доказал, что в восточной Индии не только были знакомы с венерическими болезнями еще до открытия Америки, но что врачи Сангаразиар и Алессианамби, жившие за десять веков до нашего времени, да и некоторые другие еще до них, говорили о сифилисе и о лечении его ртутью. Ролле, в своей статье о сифилисе (Медицинский Энциклопедический словарь), говорит: «Одним из первых очагов сифилиса была, весьма вероятно, Индия — колыбель всего человеческого рода». Этот факт установлен в одной из книг Веды, «Аюрведа», которая представляет собой собрание рецептов индусского Гиппократа — Данвантари. Книга эта содержит много интересных сведений о сифилисе, существование которого восходит за 3000 лет до нашего времени, к временам Суфуты, ученика Данвантари и автора «Аюрведы». Сочинение это недавно переведено на латинский язык д-ром Гесслером, а на французский д-ром Бюро.

О бленоррагии мы находим в этом сочинении следующее: болезнь обусловливается истечением горячей жидкости. Если гоноррея локализуется внизу живота, то заболевание выражается в затруднительном мочеиспускании. Распространяясь на самом члене, заболевание нарушает половые функции этого органа, вызывает венерические заболевания, изменяет выделяемую сперму и т. д. Дальше описывается, как под влиянием этих истечений появляются язвы у заднего прохода, опухоли яичек, мозговых ганглий и пр.

«Заражая половой член, вытекающая испорченная жидкость поражает его мышцы, портит кровь, производя страшный зуд, который позднее вызывает образование язвы. Поражение мышц обусловливает появление в средней части язвы разращений, из которых течет гнойная сукровица. Попадая на яички или во влагалище женщины, истечения эти вызывают и там образование

грибовидных мягких наростов, которые издают дурной запах и тоже дают гнойную сукровицу; попадая на верхние участки тела, эти продукты дают характерные разращения на ушах, на носу, во рту, в горле, на губах и на мягком небе»…

Классическая картина первичных и вторичных припадков бленоррагии описаны здесь так хорошо, что современный врач, работающий в специальных госпиталях, ничего бы к ней не прибавил. Эти же припадки описаны и в следующей цитате из «Аюрведы»:

«Может случиться, что заражение половым путем произойдет и в том случае, если половой член совершенно не был поврежден. Заболевание начинается часто с прыща, — который известен под именем венерической болезни «upadansa». Приведем еще одну не менее интересную цитату: «Существует сорок четыре разновидности позорных болезней: язвы, пустулы, разращения, поражения ногтей, пустулы на голове, бубоны изъязвления на ногах, выпадение волос и т. д. В дальнейшем на ступнях ног, на ладонях рук, в сочленениях и на шее образуются узлы, покрытые изъязвлениями. Постепенно ужасная болезнь проявляется на ушах, далее в разных местах на спине. Пораженные этой болезнью ногти чернеют, теряют свою форму и отпадает кусками»…

В этом описании нам не трудно угадать картину третичных припадков болезни.

Прибавим еще, что в числе употреблявшихся индусами лечебных средств в книгах Веды встречаются и ртутные препараты, киноварь, сулема и каломель. Все сказанное выше дает нам право утверждать, что сифилис и проституция появились на земле почти одновременно с человеком, это — как бы первородный грех человечества, чему мы в дальнейшем приведем еще более несомненные доказательства. В 1863 году французский консул в Китае, Дабри выпустил в свет книгу о медицине у китайцев. В книге этой мы находим описание сифилиса но манускриптам, относящимся к 2600 г. до Р. Хр. Уже 4535 лет тому назад китайский богдыхан Хоанг-ту повелел собрать все, относящееся к китайской медицине. Сборник этот известен под именем Нусикинг. Мы находим здесь описание заразительной бленоррагии (ре-тго), которую автор уже отличает от простого уретрита. С большой точностью описан здесь также мягкий шанкр, вызванном сифилитическим ядом (кан-ту). По китайским источникам, сифилитический яд дает сначала язву на теле, а позднее распространяется не всю массу крови. Болезнь сопровождается образованием опухолей, которые лечат смазыванием мази из масла и ртутного порошка (шуи-ин). Развиваясь дальше, болезнь вызывает на лбу больного небольшие

медно-красные пятна (тан-хонг), боль в горле, зуд, головную боль и ломоту в костях. О сифилисе рта и горла «кеу-яу-ту» китайская книга говорит следующее: последствием шанкра, появляющимся через более или менее продолжительное время, бывает образование довольно глубоких язв на миндалинах у входа в зев, либо на небе, либо в горле. Язва эта белого цвета, с завитыми краями, медно-красного цвета. Прилежащие к ране части имеют необычайный вид и похожи на испорченную кожу (пилан). Иногда также вокруг заднего прохода образуются красные зудящие пятна; иногда края anus'a покрыты ссадинами.

Спустя 30 или 40 дней после нечистого совокупления появляются на различных частях тела небольшие белые или медно-красные бляшки, окруженные красивым венчиком. Под именем пи-тинга вышеуказанное китайское сочинение описывает сифилитический насморк, а под именем пи-инена некроз носовых костей и, наконец, под «тиен-хо-тчоанг» здесь разумеется детский сифилис, т. е. «заражение сифилисом новорожденных». Описания эти дают полный симптомо-комплекс болезни и древний сифилис, несомненно, прямой предок современного.

В 1883 году д-р Шейбе опубликовал в Лейпциге[6] работу, содержащую очень важные, еще совершенно неизвестные в Европе данные о древности сифилиса в Японии. Этот труд, озаглавленный «Дан-до-руи-шиу-хо» или «систематическое собрание периода Дан-до» была составлена в 808 году нашей эры. Японский император Хеизеи-тенно был недоволен тем, что его страна все более и более наводняется китайскими рецептами, и повелел собрать в одну книгу все, что относится к собственно японской медицине. Работу эту он поручил двум своим врачам Абе-Манао и Идзумо Хиросада. Но, к сожалению, труд этот был утерян и снова был найден лишь в 1827 г. в одном храме на острове провинции Бунго. Издал книгу Буде, но, написанная на древнем японском языке, работа эта трудно читается, а потому долго оставалась неизвестной ученому миру. Японский врач д-р Кайяма, ученик д-ра Шейбе, прислал своему бывшему учителю перевод глав, относящихся к сифилису. Правильность истолкования текста этим ученым не подлежит сомнению, так как спорные места переведены им совместно с некоторыми другими японскими учеными.

В 94 главе этого труда читаем:

Ката-шине-хаза — то-есть сыпь в паху. В поперечных складках между бедром и животом появляется сначала краснота, потом припухлость, сопровождаемые мучительною болью и жаром; через несколько дней припухлость нагнаивается, затем нарыв вскрывается и из него вытекает много гноя.

Мара-каза-хиями, сыпная болезнь полового члена. В начале заболеваний — затвердение величиной с просяное зерно и сильные боли. Через несколько дней образование язв и гноетечение.

Физеказа. Сыпь эта, появляющаяся чаще всего летом, локализуется на коже полового члена, на которой показываются водянистые пузырьки. Член припухает и увеличивается в объеме; припухлость распространяется на весь орган и закрывает головку; из кожи течет гной.

Шири-мара-каза, — вторичная сыпь на половом члене. В начале заболевания появляется такая же сыпь, как и при Мара-каза-хиями, затем образуются болезненные язвы. Спустя несколько дней язвы увеличиваются и наконец, головка члена отпадает. Затем изъязвления мало-помалу уменьшаются, половой член весь целиком отпадает и яички разрушаются.

Каскири-каза, летучая сыпь. Ядовитое начало из члена или паха подымается вверх, и сыпь сопровождается разрушением ткани. Появляются жар и холод и в костях конечностей ощущается боль. Через несколько месяцев на туловище и на лице образуется мелкая, безболезненная и не зудящая сыпь, из которой вытекает желтоватая жидкость. Спустя несколько месяцев лицо покрывается гангреной, принимает зловонный запах и из него течет гной.

Вот, далее, глава 95:

Хоне-но-хари-каза, сыпь и припухлость костей. После излечения сыпи на члене появляется болезненность в суставах, настолько сильная, что больной не может ни вытянуть, ни согнуть своих членов. Больной обыкновенно лихорадит. Вслед за тем болезнь переходит на верхние участки тела, кости становятся болезненными и появляется ряд новых тяжелых припадков.

Больной лихорадит весь день, аппетит понижен, наблюдается запор. Моча красная и вытекает с трудом.

Нондо-фуки-каза, сыпь в зеве. Яд сыпи в крайней плоти поражает верхние части тела, лицо и голову. Болезнь тянется целые годы. Разрушаются голова, кожа, кости. Далее, поражаются уши, появляется сыпь в носу или слепота. Иногда также опухают или становятся болезненными нижние конечности, что тянется долгие годы. Наконец, больные подвергаются процессу гниения. Яд разрушает все тело, яички покрываются набухшими и гангренозными пустулами, появляется множество дефектов ткани. Наконец, разрушается вся поверхность тела.

Мими-но-хи-каза, ушная сыпь. Остаток яда достигает верхних частей тела: появляется шум в ушах и ослабление слуха, а через несколько месяцев к этому присоединяются мучительные боли и

истечение желтоватой жидкости. Шум в ушах проходит, но больные совсем теряют слух.

В этом описании симптомов сифилиса, — говорит Жилль-де-ла-Туретт, есть, конечно, много путаницы, тем не менее в них легко узнать первичные, вторичные и третичные припадки этой болезни: язвы на члене, язвы на зеве, боли в костях, сифилиды и гуммы покрытых волосами частей кожи и лица и проч.

Если бы еще оставалось сомнение относительно природы описываемой здесь болезни, то достаточно было бы прибавить, что словно «каза» как в древнем, так и в современном японском языке означает заразительные болезни, происходящие путем половых сношений.

Венерические болезни в странах Азии были несомненно следствием проституции и культа Лингама со всеми сопровождающими его половыми излишествами. Те же болезни, с теми же последствиями, мы находим позднее и у других народов древности, у евреев с их культом Bahhal-Pehor, у египтян с их Фаллусом, у греков и римлян с Приапом. Культ Лингама и естественное следствие его, священная проституция, глубоко вросли в нравы индийца, и путешественники посетившие Индию менее ста лет тому назад, нашли и тот и другой институт столь же распространенными как и на заре истории. Аббат Миньо в своем «Мемуаре о древних философах Индии»[7] пишет: «Этот образ Лингама существует в Индии и теперь, как мы это видим на индийских идолах, посланных маркизу де Мариньи». Еще и теперь в пагодах встречаются барельефы с изображением Лингама в больших или меньших размерах; встречается он также в живописи и скульптуре. В некоторых пагодах мы находим также изображения совокупления, т. н. Pulleior. Наконец, такие же рисунки встречаются на амулетах Taly; после освящения их брамином, мужья в день свадьбы дают их своим женам. Соннера рассказывает поэтому поводу анекдот, показывающий, какую цену можно придавать усердию к прозелитизму, проявляемому миссионерами по отношению к этим невежественным племенам.

Существуют и другие доказательства того, что культ Лингама — коренной культ Индии; в гостиницах и на больших дорогах; везде встречаются изображения бога, то в форме органа человеческого тела, то в виде аллегорическом: на пьедестале ваза и в ней длинный цилиндр. Пьедестал — это Брама, ваза — это Вишну, бог женского начала, цилиндр же изображает Шиву, — бога мужского начала; такова индийская троица. Во время торжественных шествий к обыкновенному Лингаму присоединяли фигуру мужчины: «религиозная идея казалась индийцам столь естественной, говорил Дюлор, что они совершенно не понимали

всего бесстыдства обоих обрядов. Так, в пагоде Элефанта изображена на барельефе группа лиц, совершающих гнусный акт, который у латинян был известен под именем irrumatio. На воротах одного города в Сури-Патнаме Ситта, жена Рама, седьмого воплощения Вишну, окружена шестью стоящими на коленях факирами или кающимися; глаза их всех устремлены на нее и каждый держит в руке Лингам; в пагоде Вилленур отдельные Лингамы различных размеров изображены на всех стенах».

Гравире в своем «Путешествии в Индию» рассказывает, как один морской офицер послал возле Трованкура на берег нескольких матросов за какими-то сведениями. В одной нише матросы заметили Лингам, взяли его с собой и воспользовались им как румпелем.

По поводу религиозного характера Лингама в современной Индии Дюлор, основываясь на показаниях некоторых исследователей, утверждает, что жрецы Шивы каждый день до полудня украшают священный Лингам[8] гирляндами цветов; в Канаре жрецы прогуливаются обнаженными и, гремя колокольчиками, призывают женщин с благоговением обнять их половые части».

Факты, удостоверяющие религиозную проституцию, изучены Дюкеном. Он видел, как в одной пагоде, в окрестностях Пондишери, молодые замужние женщины приносили богу в жертву свою невинность. Их заставляли сесть на деревянный или железный Лингам, но обыкновенно более ловкие жрецы отнимали у богов эту приятную обязанность.

В посвященный Шиве пагоде Тревискаре имеется памятник, посвященный индийской троице; в этом святилище, говорит Дюкен, на священном камне жрецы Шивы посвящали в таинства любви молодых Devadassi, которые нам известны под именем Баядер или Байладер; эти женщины были посвящены божеству и в то же время служили всем для удовлетворения желаний, подобно куртизанкам и проституткам Греции.

Эти индийские женщины исполняли балетные танцы; звуки пения и музыки, ароматы эссенций и цветов, испытываемое зрителями очарование — все это мало-помалу разжигало и опьяняло чувства женщин. Подобно авлетридам Греции, их вдруг точно пронизывал какой-то неведомый огонь. Изумленные, возбужденные, трепещущие, они изнемогали под тяжестью новых неведомых переживаний. Жесты, экспрессивные позы, страстные и заглушенные вздохи, взоры, полные огня или разнеженной усталости, — вот приемы, которыми они выражали сначала стыдливость, потом желание, нетерпение, надежды, наконец,

угрозы и трепет сладострастия. «Индийские танцовщицы Баядеры, говорит Рейналь[9], жили целыми группами в особых учреждениях. Самые лучшие общежития этого рода находились при богатых и многопосещаемых храмах. Назначение баядер было танцевать в пагодах и на празднествах, а также удовлетворять желания браминов. С целью замаскировать их распутный образ жизни, всех этих женщин объявляли служительницами алтарей. Народ тем охотнее соглашался на такой порядок вещей, что для удовлетворения похотей сладостолюбивых монахов служили таким образом одни только баядеры, а жены и дочери граждан были избавлены от преследований. Возможно, впрочем, что, придавая религиозный характер этому виду проституции, родители без всякого негодования представляли себе своих прекрасных дочерей отдавшимися этому занятию. Женщины уходили в эти общежития, а состарившиеся снова возвращались в общество без всякого позора, ибо нет ни одною преступления, которого вмешательство богов не освящало бы, нет ни одной добродетели, которую религиозная цель не могла бы лишить всякого значения. Понятия об абсолютных моральных ценностях таяли под руками ловких жрецов.

Для того, чтобы вполне достигнуть своей цели, браминам оставалось сделать только один шаг: оставалось убедить население, что для богов приятно и здорово оказывать баядерам предпочтение перед другими женщинами, а остаток от своих оргий, в виде особой милости, предоставлять народу. В больших городах имеются и другие, менее аристократические учреждения этого рода; одни из этих последних служат для развлечения богатых мужчин, другие для их жен. Существуют и летучие отряды баядер, предводимые старыми женщинами, которые раньше были ученицами в этих заведениях, а потом сделались начальниками их.[10]

Под монотонные, быстрые звуки tamtam, баядеры сгорают желанием увлечь зрителей; головы их кружатся от благовоний, которыми они надушены. Их танцы — пантомима любви. Характер, рисунок, позы, темп, звуки и каденцы этих танцев, — все пышет страстью, все выражает желание и экстаз. Необычайному успеху этих сладострастных женщин способствует все: изящество и богатство их нарядов, ловкость, с которой они умеют подчеркнуть свою красоту; их длинные, черные волосы, распущенные по плечам, или заплетенные в косу, украшены алмазами и усыпаны цветами. Драгоценные камни украшают их ожерелья и браслеты. Особенную заботливость проявляют они по отношению к своей груди, как к одному из самых драгоценных сокровищ своей красоты. Для того, чтобы груди не толстели и не

теряли красивой формы, они надевают на грудь очень легкий деревянный футляр из двух половинок, которые застегиваются на спине. Снаружи этот футляр покрыт золотым листком, украшенный бриллиантами. Но это приспособление нисколько не скрывает трепетания и колебания вздымающейся груди, нисколько не препятствует сладострастию. Большинство этих танцовщиц подчеркивают свой прекрасный цвет лица и жгучесть своих взглядов тем, что подводят глаза сурьмяным карандашом. Это искусство нравиться составляет всю жизнь, все счастье, все занятие баядер; перед их обаянием трудно было устоять».

Кроме Devadassi, специально занятых священной проституцией, существует много других категорий баядер; таковы Natche, исполнявшие те же функции, но не принадлежавшие к храмам, Vestiaitis и Gancenis, отдавшие себя для удовольствия богачей востока. Они выбираются из самых красивых девушек, их одевают в богатые, пышные одежды и, благодаря влиянию жрецов, их образ жизни отнюдь не считается позорным. В Моголе и Индостане священная проституция и теперь еще находится в руках жрецов, и жрецы страшно злоупотребляют авторитетом, которым пользуются в глазах своей паствы. Бернье в своем описании путешествия по этим странам, рассказывает, что в пагоду Иагрен приводят девушек, которые приносят свою невинность в жертву самому богу Лингаму. Молодую девушку приводят ночью в святилище, говорят ей, что бог придет сочетаться с нею браком, что она должна его слушаться и спросить его об ожидающей ее судьбе. Под покровом ночной темноты жрец исполняет обязанность бога и молодая девушка уходит в уверенности, что она имела сношения с самим божеством. Позднее она сообщает народу полученное ею откровение, т. е. то, что нашел нужным сообщить ей жрец, пользующийся этим для удержания своей власти над паствой.

Хотя официальной религией в Японии является буддизм, но еще недавно в разных частях страны находили следы тайного культа, имеющего связь с генетическими учениями; так, лет двадцать тому назад около Симоносак существовал храм, открыто посвященный Лингаму, да и во всей стране происходили во время равноденствия празднества, на которых самые красивые из проституток выступали перед толпой с атрибутами женского и мужского детородных органов. Этот факт установлен Тиллье. Очень много лингамистов на Малабарском и Коромандельском берегах. Они составляют здесь по крайней мере половину всего населения. По их воззрениям Лингам делает равными всех людей; жрецы, т. н. «Courous», пользуются у них большими преимуществами, и когда жрец объезжает какую-нибудь область,

каждый считает для себя честью предоставить ему свой дом. Как только выбор жилища сделан, все мужчины уходят из дому, и жрец и днем и ночью остается один с женщинами, которые все наперебой стараются удовлетворить его желания, причем мужчины не обнаруживают никакой ревности. «При выборе, говорит аббат Дюбуа, жрец ищет такой дом, где имеются молодые красивые женщины. Эти «Courous» имеют кроме того специальных наложниц, — т. н. «жен богов»; это — класс, отличный от баядер, но испорчен он не менее, чем эти последние; они носят на бедре отпечаток Лингама[11]. Такова была священная проституция в Индии. Очевидно, языческие жрецы древности отлично умели использовать в своих интересах благочестие народов[12].

Приблизительно то же мы встречаем и в других странах, где жрецы толкают людей в пропасть ничем не сдержанной чувственности, отупляют их ложью, развращают мужчин, растлевают девушек, живут проституцией и развратом, воздвигают храмы гнусных идолам, в их честь требуют пышности и золота. В угоду своей гордости они требуют повиновения и заставляют женщин и девушек удовлетворять их похоти.

Проституция в Малой Азии

Культ Фаллуса, Багал-Пегор, Молоха, Атис и Адониса

Все эти культы в сущности — все тот же культ Лингама, но у Ассириан, Халдейцев, Хананеян и Финикиян он получил приведенные выше особые наименования.

Фаллу был особенно почитаем в Гиерополе, на берегах Евфрата. Там существовал огромный, обставленный с неслыханной роскошью храм, над портиком которого высились два Фаллу 170 фут вышины; надпись на них гласит, что они были воздвигнуты одним ассирийским богом в честь своей тещи. Храм Bahhal-Pehor или Bel-fegor был расположен на горе Pehor; отсюда и название. По халдейски Bahhal значит владыка. Молох — мужской идол моавитян, сирийцев, лидийцев и аммонитян. Его статуя изображала человека с головой быка, была вся бронзовая и огромных размеров; его вытянутые руки ждали приношений, и служители брали дары и опускали их в семь огромных ртов, выдолбленных в его чреве. Для жертвоприношений Молоху служили домашние животные, а иногда и дети. Основание статуи покоилось на огромной печи, на которой изжаривали жертву под звуки исполняемой жрецами дикой музыки. Когда бронза раскалялась, поклонники Молоха начинали кружиться вокруг него, испуская дикие крики и приходя в неистовое бешенство. Через некоторое время пляска прекращалась и начинался самый разнузданный разгул содомии. Таинства культа Bahhal-Pehor были те же, что и Молоха, за исключением жертвоприношений, которых первые не знали. У Мидийцев бог изображался то в виде гигантского мужского члена, то в виде гермафродитической статуи.

Его храм служил для разврата мужчин, женщин и девочек; последние отдавали ему свою невинность, едва только достигали половой зрелости.

На основании исследований археологов и комментариев отцов церкви, Пьер Дюфур признает главным элементом культа Bahhal священную проституцию. Относительно сопровождавшей жрецов свиты (аколиты) он говорит: это были красивые безбородые юноши, которые, для удаления волос со всего тела, натирались благовонными маслами; они занимались в святилище гнусным противоестественным развратом. Vulgate называет их женоподобными (effeminati), по-еврейски Kedeschim, т. е. святые, посвященные. Они принимали более или менее активное участие в постыдных таинствах; они продавались почитателям своего бога

и отдавали храму все, что зарабатывали проституцией. Но это не все: у них были собаки, дрессированные для той же преступной цели и то, что они выручали от продажи или от отдачи этих собак, «плату собаки», они также отдавали храму. Наконец, во время некоторых происходивших ночью церемоний, когда сами звезды точно прятались от стыда и смущения, жрецы и посвященные хватались за ножи и покрывали друг друга рубцами и неглубокими ранами; потом, изнеможенные от порока, до крайности возбужденные своей музыкой, они падали в лужи собственной крови. Женоподобные, говорит тот же автор, составляли секту, имевшую свой особый ритуал и свои тайны: происхождение этой секты стоит в очевидной связи с распространением венерических болезней, которые портили кровь женщин и делали близость к этой секте очень опасной. Помимо этого, с целью увеличить доходы культа, при храмах были также группы женщин, которые занимались проституцией в пользу алтаря, и эти женщины, Kedeshott, помещались в пестрых палатках у входа в храм Bahhal; они занимались проституцией, курили благовониями, готовили любовный напиток и играли на разных инструментах. Вслед за периодом священной проституции мы встречаем тех же женщин предающимися проституции легальной.

Культ Bahhal-Pehor, Молоха, Астарты и других богов этого рода носит в различных странах различные названия, но сущность культа остается все та же и сводится к проституции женщин и мужчин и к содомии. Таков же этот культ и в Египте, в таинствах Изиды и Озириса, но больше всего это страшное извращение чувственности было распространено среди финикиян, сирийцев и лидийцев, которые разнесли свои пороки во все посещаемые ими страны. Апостол Павел пишет об этих народах следующее: «Их тело полно вожделения. Бог отдал их во власть распутства, для того, чтобы подвергнуть их тела позору. Женщины заменяют естественные половые радости противоестественными актами, а мужчины отвергают общение с женщиной и заменяют его позорным общением с лицами своего пола».

В Азии к культу Венеры относят не только естественные половые сношения, но и педерастию также.

Эта проституция мужчин была причиною возникновения кастрации у восточных народов. Лукиан очень подробно говорит об этом. (Amores cap.20–21).

«Когда мораль древних еще пользовалась авторитетом, когда существовало еще уважение к дщери богов — добродетели, люди согласовали свою жизнь с законами природы, и те, кто вовремя

вступал в брак, рождали крепких детей. Мало-помалу люди все ниже спускались с высот морали и падали в пропасть разврата; половые радости стали удовлетворять постыдным и грубым путем. Порча нравов разлилась повсюду, и законы природы были затоптаны в грязь. Нашелся человек, который первый принял подобного себе за женщину, и путем ли насилия или хитрости воспользовался им для удовлетворения своей низменной страсти. И два индивидуума одного и того же пола вступили в половое общение, и не стыдились того, что они делали и что позволили над собой делать. Они сеют, так сказать, на бесплодном камне и в награду за каплю удовольствия пожинают целое море стыда и несчастий. Некоторые из них доходят до крайней степени озверения, посредством огня удаляют те части, которые делают их мужчинами, и видят в этом высшее торжество сладострастия. Но эти несчастные, желая как можно дольше оставаться мальчиками, недолго останутся мужчинами; двуполость скоро лишает их основных черт их природы; они, наконец, сами не знают, к какому полу они принадлежат. Сила молодости истощалась у них очень быстро и когда другие считали их еще юношами, они были уже стариками; среднего возраста они вовсе не знали. Сладострастие в одном удовольствии искало другого; толкая людей на все самое позорное и извращенное, оно приводило их к неслыханным порокам и ни один род разврата не оставался им неизвестным».

Эта распущенность мужчин и женщин, которые отдавались культу восточных божеств, не могла не вызвать у них появления некоторых болезней половых органов; научно обозначить эти болезни было бы трудно, но существование их не подлежит сомнению. Геродот говорит об этом, по поводу похода скифов в Азию и их пребывания в Сирии; они вернулись на родину с новой болезнью, полученной ими в общении с сирийцами. Эту болезнь, Nosos Theleia, легенда считает местью Милитты, храм которой в Аскалоне разрушили скифы; о ней же упоминается также у историка Евсебия Памфилия, который описывает храм Венеры на горе Либан: «Там, говорит этот автор, была школа разврата для кутил, которые всячески покрывали позором свое тело; женоподобные мужчины унижали свое достоинство и предметом поклонения объявляли поразившую их болезнь. Между прочим, здесь же практиковались преступные объятия между женщинами; здесь происходили самые отвратительные формы полового общения».

Авторы дают описание и других болезней, которые поражали рот и половые органы (Morbus phrenicus, scclerala lues); эти болезни несомненно венерической и заразительной природы и их

можно рассматривать как признаки сифилиса. Впрочем, некоторые комментаторы и особенно Розенбаум полагают, что болезнь скифов, Nosos Theleia, не есть заразительное венерическое поражение, а состоит в ослаблении мужской силы, оканчивающемся страстью к пассивной содомии. Не может быть сомнений на счет этого вида мужской проституции в древности: идол храма в Аматонте представляет собой женщину с бородой, в женском костюме и с атрибутами мужчины; она же была изображена в виде конуса из простого белого камня в Пафосе в честь богини Киприды.

Азиатские Венеры

Ассирийская Венера носила имя Милитты или Милидаты, что по Скалигеру обозначало «рождающая», так как она считалась первоисточником всего живого на земле. Согласно свидетельству Геродота и Сельдена, персы называли ее Митра, а арабы Алитта. По свидетельству аббата де-ла Шо ей поклонялись халдейцы под именем Делефат, вавилоняне называли ее Саламбо, а сарацины — Кабар. В Сирии и Финикии ее называли Астарта или Ассера, в Армении Анаитис или Анаис, наконец, в Аскалоне и в Иоппе — Дерцето. Эту последнюю изображали в виде женщины, туловище которой заканчивалось рыбьим хвостом.

По существу Митра или Милитта ничем не отличалась от Венеры, от любви, как основы деторождения. Действительно, на некоторых наречиях Востока слово «Митра» обозначает свет и любовь. По Геродоту персы заимствовали этот культ у жителей Индии и передали его киликийцам. Гаммер считает Митру гением солнца, Ised. Настоящее имя гения солнца, которое греки пишут Mitbras, есть Mihr, и это имя на персидском языке также обозначает солнце и любовь. Впервые культ Милитты возник в Халдее, и оттуда распространился по соседним народам. Везде он освящал религиозную форму проституции и скоро выродился: циничные оргии совершались публично в воздвигнутых богине храмах. Отец истории, Геродот оставил нам описание приемов культа Милитты, которые дают представление о сущности религиозной проституции; он пишет:

«Девушки Вавилона были обязаны один раз в жизни в храме Милитты отдаваться за деньги чужестранцу. Знатные женщины, гордые своим богатством, не хотели смешиваться с другими и приезжали в храм в закрытых колесницах. Они останавливались перед храмом, окруженные большим количеством слуг, которые оберегали их от жрецов. Но большинство женщин оставались в окружающих храм аллеях, с венком из цветов на голове. Протянутыми веревками аллеи эти разделились на отдельные участки, по которым прогуливались чужеземцы и выбирали себе какую-нибудь из женщин. Когда женщина заняла здесь место, она не смеет уходить отсюда раньше, чем не отдастся какому-нибудь чужестранцу, последний дает ей денег, говоря: «Я призываю богиню Милитту». Как ни скромна была бы предлагаемая им сумма, он не получит отказа; закон защищает его, так как это золото священно. Она следует за первым, кто бросит ей деньги, так как отказываться она не вправе. Отдав таким образом дань богине, она удаляется и после этого ни обещания, ни самые

крупные дары не могут побудить ее вновь отдаться чужестранцу. Стройные и красивые женщины остаются в храме недолго, некрасивые же остаются там долгое время, так как не могут выполнить закон. Бывает даже, что женщины остаются там в продолжение трех и четырех лет!»[13] Обычай этот существует не только у Вавилонян, но и у всех народов Малой Азии, знакомых с культом Милитты. Философы и историки пытались определить происхождение этого обычая безнравственной продажи женской невинности чужеземцам. Эту форму священной проституции относили в верованию, распространенному у всех народов Азии и состоящему в том, что всякое благо вкушает бог первым, раньше людей, и потому женская девственность должна быть использована в интересах богини любви. Но если это был акт религиозный, то почему приглашали на эту церемонию чужестранцев и предупреждали их о необходимости дать денег девушке, которая отдаст им свою девственность? И вот для объяснения дефлорации азиатских девушек привлекли мысль о нечистоте крови, вытекающей после разрыва hymen'a. Но это мнение никогда не получило подтверждения в подлинных текстах. Если кровь первого совокупления религия считает действительно нечистой, то почему жрецы брали на себя столь неподходящую обязанность?[14] Разве не было Phallou и деревянных приапов, предназначенных для разрыва hymen'a?

По нашему мнению, здесь вся суть в денежной выгоде, и приезжие купцы, жившие в приморских городах, щедро платили за эту невинность, которая была главным источником для храмов и бедных семейств. Доказательство этому мы находим в свадебных церемониях у некоторых племен: «у Назамонов, маленького народа Лидии, — рассказывает Геродот, — новобрачная принадлежит всем гостям и получает от каждого подарок, который тот приносит с собой из дому». Торговля девственностью имеет давнишнюю и несомненную связь с приданным для бедных девушек. Девушки же привилегированных классов имели достаточно средств для того, чтобы содержать в храме богини рабынь, так наз. hierodules permanentes, которые отдавали вместо них дань священной проституции.

На большой таблице, приобретенной из королевской библиотеки в Ниневии, приведены различные магические заклинания, из которых одно употреблялось священными проститутками, которые преступили закон, покинув святилище.

Таким образом Венера потеряла свой характер богини деторождения и превратилась в покровительницу бесстыдной страсти. Храмы и рощи уже перестали быть местом, где оба пола соединились в целях произведения потомства, и стали местом

необузданного разврата. Жертвоприношения превратились в простую дань проституции: храмы сделались настоящими публичными домами, в которых жрицы Милитты или Астарты открыто играли роль проституток на глазах у жрецов и под маской религии.

Вообще проституция девушек была только прелюдией к проституции женщин, и храм Милитты в Вавилоне скоро не вмещал уже всех поклонников богини. Но в окрестностях храма была большая площадь с бассейнами, рощами, садами и вот она-то, по словам Пьера Дюфура, сделалась центром проституции. Женщины, которые уходили в это священное место, находились здесь в безопасности, ибо глаз отца или мужа не мог их здесь застигнуть. Геродот и Страбон ничего не говорят о том, какую часть приношений, делаемых благочестивыми поклонницами Милитты, забирали себе жрецы, по пророк Барух описывает их как людей, которые «ни от чего не отказываются».

Священная проституция вскоре вызвала сильную порчу нравов в Вавилоне. Этот колоссальный город с населением в несколько миллионов человек, весь отдался самому неслыханному разврату. Квинт Курций в своей «Истории Александра Великого» дает следующую картину развращенности Ассирийской столицы: «Нельзя себе представить ничего более распутного, чем этот народ; не может быть большей утонченности в искусстве утех и сладострастия. Отцы и матери мирились с тем, что их дочери за деньги продавали гостям свои ласки, мужья спокойно относились к проституированию своих жен. Вавилоняне были погружены в пьянство и во все бесчинства, связанные с этим. Женщины на пирах снимали свои верхние одежды, потом остальное платье, одно за другим, мало-помалу обнажали свое тело и наконец оставались совершенно нагими. И так распущенно вели себя не публичные женщины, а самые знатные дамы и их дочери».

Культ Милитты не замедлил распространиться по всей Западной Азии и все народы с восторгом принимали этот принцип священной проституции, эту тайну открытого разврата. В зависимости от местных обычаев культ этот в различных странах слегка видоизменился и получал различные названия. Так в Армении Анаитис имела храм, в котором служили молодые девушки, посвятившие себя ее культу. Чужеземцев, которые посещали их, ожидали ласки армянских женщин, большие или меньшие, — смотря по вознаграждению. Страбон прибавляет, что с целью угодить богине старались подбирать посетителей более или менее подходящих по возрасту, фигуре и общественному положению[15].

Девушки оставались в храме некоторое время и затем родственники забирали их и выдавали замуж, причем найти для них мужа было тем легче, чем большим успехом они пользовались в качестве жриц любви. Мы уже знаем, что в Сирии и Финикии богиня носила имя Астарты или Ассеры; равным образом Фаллу носил имя Адониса, ее возлюбленного, который изображал мужское начало и был предметом поклонения для женщин; у Астарты же на статуях имелись атрибуты обоих полов. На ночных празднествах «Доброй Богини» проституция носила характер сатириазиса и нимфомании; разнузданность этих оргий не поддается описанию. Мужчины и женщины под звуки музыки и тамбура доходили до крайних пределов разврата, причем церемониями руководили сами жрецы.

На печальных празднествах в честь Адониса женщины были с обрезанными волосами; некоторые в течение целого дня отдавались чужеземцам. Все это совершалось в честь богини, в присутствии статуи божества, которая для этого случая украшалось огромным количеством фаллусов различного размера. По словам Лукиана, женщины отдавались этой позорной торговле столько раз, сколько раз находились желающие платить им, и все деньги, выручаемые от разврата, считались жертвой, принесенной на алтарь Анаитис. Этот культ, обожествляющий наслаждения любви, постепенно охватил все страны древнего мира; он был занесен финикийскими купцами, имевшими торговые сношения с городами Востока. Мы встречаем его в Понте, Зеле, Коммоне, Сидоне, Аскалоне, в Карфагенской области и особенно но берегам морей. Везде строили Венере данной местности храмы, которые старались воздвигать на высотах, чтобы их было видно с моря и проезжающие мореплаватели знали, что здесь обиталище богини, — что здесь ждут их молодые девушки, которые проходят искус любви; эти девушки добывают себе приданое, которое их малощепетильные мужья охотно примут.

Мало-помалу проституция теряет свой священный характер, что мы впервые наблюдаем у лидийцев. Здесь разврат девушек и женщин своей единственной целью имел приобретение денег. Макроб и Атеней дают описание лидийских нравов, описание, которое Пьер Дюфур излагает в следующих словах:

«Лидийскую армию всегда сопровождала толпа танцовщиц и музыкантш, которые обладали большим опытом в искусстве сладострастия. Музыка была у них возбуждающим средством для распутства и на пирах они разжигали пьянство и разврат звуками инструментов, непристойными песнями и бесстыдными танцами. От этих позорных зрелищ, служивших прелюдией к необузданным

оргиям, древние персы не старались оберечь даже своих жен и дочерей, которые без покрывала, увенчанные цветами, приходили на пиршества. Разгоряченные вином, опьяненные музыкой, возбужденные сладострастной пантомимой музыкантш, эти девственницы, эти матроны и жены быстро теряли всякую сдержанность и с чашей в руке, тут же в присутствии своих отцов, мужей, братьев и сестер давали простор самым низменным своим инстинктам. Возраст, пол, общественное положение, — все тонуло и смешивалось в одном круговороте. Песни, крики и танцы становились все громче и необузданнее. Всеобщее смешение овладевало пиршественной залой, которая превращалась в постыдный dicterion. Пир и любострастные интермедии продолжались до той поры, когда с наступлением зари бледнели факелы, и полуобнаженные гости падали куда придется и засыпали потом на своих украшенных серебром и слоновой костью постелях».

Геродот довольно подробно описывает легальную проституцию у лидийцев. Образ жизни лидийских женщин он рисует в следующих, очень выразительных словах: «cnerga stomaticos paidiskai», которые Генрих Гейне переводит так: «эти женщины занимаются своим ремеслом лежа».

То же самое говорит об армянских женщинах Страбон. О женщинах же Финикии вот, что мы находим у блаженного Августина (по Антенагору): Veneri etiam Phoenices donum dabant de prostitutione filiarum, antequam jungerent eas viro.

Такова история проституции в западной Азии, как она нам вырисовывается на основании памятников древней письменности. В главе, специально посвященной археологическим данным по проституции в древности, приведенные выше свидетельства древних авторов найдут себе новое подтверждение; это подтверждение, как мы увидим ниже, заключается в тех фигурных памятниках, какие сохранились от той эпохи.

Проституция в Египте

Культ Приапа, Изиды и Озириса [16]

Жрецы древнего Египта учили, что весной когда бог солнца Озирис возвращает природе жизнь, а земле и животным плодовитость, он входит в созвездие быка. На том наречии, на каком говорят в Мемфисе, эмблемой Озириса служил, по-видимому, бык, Апис, а эмблемой земли, Изиды — корова. Если к слову «Apis» прибавить приставку «pre», которая придает слову значение чего-то священного, то получится «Priape», слово, обозначающее священные части Озириса. Это объяснение принадлежит Дюлору и опирается на тщательное изучение предмета, в подробное изложение которого мы не будем входить здесь.

Геродот же прибавляет, что «у египтян существовали человеческие фигуры, половые части которых были такой же величины, как и все тело, и такой колоссальный приап был изображением быка».

Аббат Миньо в своих «Recherches sur les antiquites religieuses des Assiriens et des Pheniciens» выражает мнение, что культ Приапа занесен из Ассирии и Халдеи, где он был известен под именем Фаллу; отсюда он проник в Египет, где он существовал еще в четвертом веке нашей эры.

На празднествах Озириса носили Приапа по полям и верили, что это дает обильную жатву; жрецы держали Приап высоко над толпой и приводили его в движение с помощью пружины. Такую церемонию наблюдал еще в 1787 г. Гранпре в стране Конго, о ней же упоминает Плутарх в следующих выражениях: «Во время весеннего равноденствия праздновали рождение бога солнца Озириса. Над торжественным шествием высилась фигура божества, фаллус которого был в три раза больше его тела ибо этот бог есть первоисточник деторождения, а всякий первоисточник, благодаря своей производительной силе, увеличивает и усиливает все, что исходит от него».

Египетские женщины, по свидетельству того же Геродота, публично обнажали свое тело пред вновь избранным священным быком, и божество, которому они таким образом выражали свое благоговение, оберегало их от бесплодия.

С этой же целью женщины, по словам М. Монтеня, носили амулеты с изображением Приапа: «Египетские дамы во время вакханалий носили на тисе большую деревянную, искусно сделанную, тяжелую фигуру, у которой Приап своими размерами превышал все остальное туловище». Для того, чтобы понять эти нравы, нужно вспомнить, что когда люди выходят из дикого

состояния, то первое религиозное чувство, какое у них возникает, — это благоговение пред теми загадочными силами, которые обусловливают продолжение рода. Они поклоняются солнцу, а солнце у всех народов древности считалось началом огня, огонь рассматривали, как начало деторождения, а на детородные органы смотрели как на атрибуты божества, оплодотворяющего природу. Все эти идеи входят между собой во взаимодействие и служат фундаментом для одинаковых культов.

Религиозная проституция была принесена в Египет халдейцами и народами Западной Азии[17]. Она вполне согласовалась как с пылким темпераментом египтянок, так и с их ненасытной жадностью, а ее распространение облегчалось еще тем, что она находила в жрецах могущественных и непосредственно заинтересованных покровителей. Жрецы же обоготворяли солнце или Озириса, как представителя мужского начала и землю, т. е. Изиду, как представительницу начала женского. «Во время этих церемоний, говорит Пьер Дюфур, жрецы богини носили мистическую веялку, в которую попадают и чистое зерно и отруби, но которая удерживает только первое и отбрасывает второе. Жрецы имели с собой священный «tau», ключ, который открывает все самые недоступные двери. Этот tau имел форму мужского, а веялка — форму женского полового органа. Сбоку от tau в атрибутах Озириса помещали еще глаз, с бровями или без них, в котором символизируются отношения между обоими полами. Кроме того на празднествах Изиды тотчас же вслед за коровой шла группа молодых девушек, Cystophores, с мистическим пузырем в руках; тут же шла жрица с золотой урной на груди, а в урне находился Фаллус, который, по выражению Апулея, был священным изображением верховного божества и орудием тайных наслаждений. В культе подобного рода священная проституция играла, конечно, очень видную роль, но эта проституция, по крайней мере вначале, касалась одних только жрецов, которые делали из нее один из самых выгодных источников дохода для своих алтарей. Она открыто царила в тех обрядах посвящения, которым предшествовали омовения, отдых и воздержание. Боги и богини всю полноту своей власти вручили своим служителям, которые умели вполне реально ее использовать. Эпифан прямо говорит, что эти тайные церемонии являются полной аналогией тем нравам, какие господствовали в первобытные времена, до возникновения общества; здесь происходило полное смешение полов и самый грубый разгул страстей». Эта развращенность нравов вполне подтверждается изучением письменных памятников древности и вообще остатками старины.

По Страбону, красивые девушки предоставлялись египетскому божеству, которому они отдавались чрез посредство его слуг; впоследствии девушек выдавали замуж. Но этим не ограничивались дары, получаемые жрецами Изиды: последние посвящали в тайны самого утонченного разврата неофитов обоего пола, причем церемонии этого рода происходили в окрестностях храмов и в подземельях, имеющих сообщение с храмами. Геродот рассказывает, что в Бубастис на празднества Изиды ежегодно приходили на посвящение до 700 000 паломников. Эта священная проституция или, вернее, безумие священного разврата, было источником значительных доходов для алтаря богини, причем доходы делили между собой только жрецы, которые одни лишь и обладали всеми тайнами посвящения в таинства. Естественным следствием религиозных церемоний культа Озириса была страшная порча нравов египтянок; проституция стала таким обыденным явлением, что Рамзес с целью открыть вора, укравшего ею драгоценности, имел сношение с собственной дочерью в одном вертепе, где кутили всякие воры и разбойники, и куда его дочь приходила со шпионскими целями. Другой царь, Хеопс, также сделал проституткой свою дочь, с целью добыть средства для окончания постройки пирамиды. Вот что рассказывает об этом Геродот:

«Разорившись от двадцатилетних колоссальных затрат на постройку пирамиды, Хеопс поместил свою дочь в притон и велел ей вытягивать от своих любовников как можно больше денег. Я не знаю, как велики были эти суммы; жрецы мне этого не сказали. Девушка не только исполняла приказание отца, но сама задумала воздвигнуть памятник, и каждого из своих посетителей просила приносить ей хоть по одному камню для постройки. По словам жрецов, одна из трех пирамид была построена именно из этих камней».

По числу камней в этих памятниках можно составить себе понятие о числе ласк, которыми дочь Хеопса одаряла подданных своего царственного отца; достаточно сказать, что ее пирамида имела 147 метров в вышину.

История сохранила нам имена некоторых известных куртизанок Египта и, особенно, города Наукратис; назовем Родопсис, которая воздвигла Мицеринскую пирамиду. Благодаря своей красоте, она приобрела огромные богатства от своих многочисленных любовников, из которых отметим Харакса из Митилен, брата знаменитой Сафо. Далее идет Архидика, которая оценивала свои ласки так дорого, что для того, чтобы обладать ею, нужно было целое состояние. Об этой женщине мы находим у Ларшера следующий рассказ. Один молодой египтянин, очень

небогатый, так увлекся ею, что предложил ей за одну ночь любви все свое состояние. Архидика отвергла его предложение. Несчастный влюбленный умолял Венеру, чтобы она дала ему увидеть хоть во сне те ласки, в которых красавица ему отказывала, и его мольбы были исполнены богиней. Жадная куртизанка узнала об этом и привлекла своего вздыхателя к суду, требуя уплаты ей денег за это сладострастное сновидение. Но судьи прогнали Архидику и посоветывали ей выпросить у той же богини чтобы она дала ей увидеть во сне то золото, которое она требует от своего любовника.

Как мы видим, легальная проституция всегда признавалась в Египте и к ней относились с такой же терпимостью, как к проституции священной. Птоломеи же пошли еще дальше и при Птоломее Филадельфе, например, знаменитые куртизанки играли даже известную роль при дворе. Приняв во внимание покровительство богов с одной стороны и корыстную помощь жрецов с другой, мы не найдем ничего удивительного в том, что эти египетские куртизанки с их необыкновенным талантом возбуждать страсти приобрели ту громкую репутацию, какую признают за ними все историки.

Впрочем, они имели соперниц, именно, в лице нескольких греческих гетер, которые, как мы это увидим в главе о гетерах Афин и Коринфа, пользовались большим успехом и приобретали целые состояния у владык Египта. Кроме того, королевы и самые знатные дамы Фив и Мемфиса не чуждались проституции и даже находили вполне естественным извлекать доходы из своей красоты, из своих царственных ласк. Такова царица Клеопатра, которая была столь же прекрасна, как и преступна. Цезарь оплатил ее ласки тем, что отдал ей египетский престол. Антоний же за обладание ими отдал ей несколько восточных провинций Рима. Можно себе представить, чего бы она потребовала от Октавия, если бы победитель при Акциуме согласился быть преемником Цезаря и Антония в обладании прелестями прекрасной дочери Лагида! Но в это время ей было уже 39 лет, — возраст, когда женщине редко удается увлечь победоносного полководца. И она поняла это, когда отдала свою грудь смертельному жалу змеи.

Египетские письменные памятники медицинского содержания очень немногочисленны и сводятся к нескольким редким папирусам и к неопределенным иероглифам на граните. Но из этого не следует делать вывода, будто сифилис пощадил этот народ, столь широко отдававшийся проституции.

Папирус Эберса, времен Рамзеса II, был истолкован известным французским египтологом Шаба, и некоторые части

его разработаны достаточно полно для того, чтобы оценить важность знакомых египтянам симптомов сифилиса. Действительно, на этом папирусе мы читаем: «Болезнь, которая поражает живот, члены, сочленения, глаза, десны встречается очень часто и очень гибельна… эта болезнь помещается иногда во рту… она поражает также задний проход». На том же папирусе говорится о средствах против «влагалищных прыщей, болей срамных губ, воспалений и трещин влагалища».

Шаба не был медиком, а потому не мог уловить патологический смысл слов, которые он разработал на папирусе: Axat, которая обозначает болезнь влагалища, Asit, проказа, Anut, рана или язва, Bentet, разращения у женщин, Setet, бубоны и пр. Кроме того, медицину в Египте монополизировали жрецы, и ее тайн они никому не сообщали. Но мы знаем из сочинений других, неегипетских авторов, что именем «египетская язва» и «египетская чума» обозначали венерические припадки сифилитического характера.

Алмеи

Известно, что на востоке и, в частности, в Египте существовал особый класс женщин, которые, подобно баядерам Индии, представляли собой корпорацию певиц, танцовщиц и музыкантш. Это были алмеи, от арабского Almeh, что значит «ученый». Песни их были, большей частью, эротического содержания и хотя они допускались на семейные торжества, но были, в сущности, куртизанками высшего полета. Те из них, которые показывались народу, назывались Cawasi. Жениться на них можно было без всякого стыда; против этого не протестовала ни мораль, ни, тем более, религия. Никакие празднества не обходились без них, не было пиров, которых они не украшали бы своим присутствием. Савари[18] пишет:

«Гибкость их тела была удивительна. Поразительно подвижны были черты их лица, которым они умели по произволу придавать то выражение, какое соответствовало исполняемой ими роли. Непристойность их поз иногда переходила всякие границы, их взгляды, их жесты были так выразительны, что не понять их было нельзя. Едва начинается танец, они сбрасывают вместе со своим плащом и стыдливость своего пола. Длинное платье из очень легкого шелка спадает к их ногам; роскошный пояс мягко охватывает их талию; длинные заплетенные черные полосы, надушенные ароматными благовониями, спадают с их плеч; прозрачная, точно газовая, сорочка едва прикрывает грудь. Вместе с началом танца формы и контуры их тел выделяются особенно ярко. Звуки флейты, тамбура и кимвалов замедляют или ускоряют темп их движений. Подходящие к случаю слова еще больше воодушевляют их, они пьянеют, точно обезумевшие вакханки и, отбросив всякую сдержанность, всецело отдаются разгулу чувственности».

Были алмеи у евреев, которые, в силу своего долгого пребывания в земле Misraim, вполне усвоили себе вкусы египтян; кажется даже, что в Иерусалиме, как и в Каире, алмеи давали уроки женщинам. Св. Марк сообщает факт, показывающий, как сильно восточная пляска овладела сердцами сынов Израиля:

Ирод праздновал день своего рождения пышным пиром, на который созвал вождей народа, трибунов и правителей Галилеи. Когда гости сидели за столом, дочь Иродиады, Соломея вошла в зал и исполнила перед гостями восточный танец. Все аплодировали искусству Соломеи. Очарованный царь поклялся, что он даст ей все, чего она пожелает, хотя бы она потребовала половину его царства. По наущению своей матери, Саломея

потребовала головы Иоанна Крестителя и действительно получила ее[19]. Алмеи еще в настоящее время присутствуют на брачных обрядах. Они с музыкой проходят шествием мимо новобрачных. Более известные алмеи живут только у правителей и богачей и свою благосклонность оценивают очень дорого. Один поэт посвятил им следующие стихи, являющиеся вольным переводом одной восточной оды:

Приди же, небесная Алмея,
Моя возлюбленная гурия,
Приди на закате дня
К старой смоковнице.
Сладкие ароматы и песни мавра
Заставляют меня, о Фатьма, грезить о любви.

Воспитывали алмей сообразно той роли, какую они играли в обществе. Их выбирали из числа красивейших и знатнейших девушек страны. Соломея была родная племянница Ирода, и все же у нее не было другого имени, как Соломея-танцовщица. Эти куртизанки получали широкое образование: в основе их образования были положены пение, музыка и литература. Они импровизировали стихи, — настоящие песни любви, дышавшие страстью и чувственностью, — единственные, кажется, вещи, которые незачем было вводить в программу их обучения: они и без выучки были учеными в искусстве Венеры!

Проституция у евреев

Совершенно справедливо замечает Бэро, что проституция восходит ко времени возникновения мира, и что она связана с самыми древними религиозными обрядами. В Книге Бытия мы читаем об Агари, которая была наложницей Авраама уже женатого на своей сестре по отцу, Сарре; последняя с согласия мужа, отдавалась с корыстной целью фараону; две дочери Лота напоили своего отца пьяным и разделили с ним ложе; Лия и Рахиль отдали своих служанок в наложницы Якову; Бала, одна из жен Якова, отдалась своему сыну, Рувиму[20], Тамара — своему тестю Иуде, и т. д. Патриархи примитивной простотой своих нравов первые подали своим потомкам пример разврата и сладострастия.

И, опьяняемый небом востока и теми течениями, какие приходили из Азии, побуждаемый примером своих предков, народ Израиля быстро направился к искушениям плоти, ко всем чарам физических радостей. Последние сделались единственной целью и смыслом его жизни. И вопреки слову пророков, говоривших именем Иеговы, вопреки заповедям священной скрижали, таинственная сила роковым образом влекла избранный Богом народ в страшную пропасть ненасытных страстей и извращений, перед которыми философ в бессилии немеет, ожидая их объяснения от науки. Быть может, это объяснение следует искать в фаллическом культе, который распространялся здесь тем быстрее, что у семитов не было никакого литературного или художественного идеала, который бы поглощал их энергию. Инстинкт деторождения господствовал над всеми сторонами их души и приводил их к самым чудовищным извращениям. Разнузданные божества прославляли безумие плоти и безпрерывное сладострастие.

«Вакханка с распущенными волосами, — говорит Бенье, — входит взад и вперед, и пьет и поет перед лицом Израиля, охраняемого священным ковчегом и пророками. Но, увы! В стене внезапно образуется брешь, и оргия врывается внутрь храма. Астарта напивается допьяна из чаши Иеговы, Ассера превращает скинию в альков. Пришедшая из Индии Кемош, подобно Вакху, поет свои гимны во славу плоти в святилище. Народ Божий сгорает подобно факелу, нечестивый культ врывается всюду: в галереях святилища выдалбливают ниши; словно мадонны, сидят там красивые девушки, это — Iukkoth Benoth. В другом месте водружают гнусные эмблемы. Похоть богини Bahhal-Pehhor удовлетворяется только длинным рядом изнасилований. В чаще

лесов раздаются нечеловеческие крики бьющихся в судорогах женщин. Камни, дерево, пещера, гора, — все служит самому необузданному приапизму».

Ничего нет удивительного в том, что эти люди предались противоестественным инстинктам: ведь закон не запрещал этого, а боязнь Иеговы была бессильна против этих обитателей азиатского Пантеона, перенесенных в Иудею вместе с их символами, мужским и женским детородным началом. Прочтите, например, это место из книги Бытия XXIV 2: «Клянусь, возлагая мои руки на твои половые органы (Iereki)», сказал Элиэзеру Авраам, уезжая для исполнения важного поручения. Здесь божество взято в свидетели торжественного обещания, здесь патриарх пользуется им для клятвы. Что касается принесения в жертву крайней плоти, которая всегда носила у евреев чисто религиозный характер, то это, быть может, одна из тех многих жертв, какие посвящались Гению-Производителю, Elohim; так, по крайней мере, думает Бенье, (Archeologie medicale), судя по следующим словам Иезекииля, в которых раскрываются таинства Bahhal Pehhor:

XVI 17. Ты взяла мои дорогие перстни, мое золото, мое серебро, которое я тебе дал; потом ты сделала себе «искусственный член», tzelem-zakar, и ты блудодействовала с ним.

Этот tzelem-zakar — не что иное, как драгоценный фаллус римских куртизанок. Это «золотая шпора» (L'eperon), какую греческие гетеры посвящали Венере; — это, наконец, тот же лингам из смолистой камеди, какие уже целое тысячелетие приготовляются в Индии для нимфоманов; их с необыкновенным цинизмом изображали индийцы на барельефах своих античных храмов[21]. Иеремия, свидетель этих бесчинств, относится к народу Израиля с глубоким отвращением, обрушиваясь на него за то, что он «блудодействует с деревом и с камнем».

Есть и много других доказательств того, что проституция у евреев не считалась позором. Главнокомандующий израильскими войсками, Иефте, был сын куртизанки и он мог, не вредя своим интересам, посвятить девственность своей дочери богине Bahhal.

Историки с полным правом утверждают, что язва проституции была постоянной болезнью иудейского народа. Исторические факты показывают, какой степени бесстыдства достигла у них проституция. Пророчества Иезекииля полны упоминаний о «местах публичного разврата, о домах терпимости, о палатках сладострастия, разбросанных по всем направлениям; только и встречаешь куртизанок, разодетых в шелк и вышитые ткани, сверкающих драгоценностями и надушенных благовониями; только и видишь, что сцены блуда»… (Дювур). Уже

тогда, когда Моисей вывел евреев из Египта, они были развращены общением с поклонниками Изиды и Озириса. В течение сорокалетнего странствования по пустыне они находились в общении с другими народами, еще гораздо более развращенными, чем египтяне: все это были поклонники азиатских культов Bahhal и Милитты. Тогда Моисей понял, как трудно положить предел дурным инстинктам Израиля. Во имя своих диктаторских и религиозных прав, которые он получил от самого Бога, он принимал все меры к тому, чтобы положить предел этому росту распутства, которое прививал евреям культ идолов. На горе Синай он сказал им: «Не прелюбы сотвори, не желай жены ближнего своего». Но вместе с тем он был вынужден сказать им и следующее:

Левит XVIII, 22. Ты не должен лежать с мужчиной, как лежат с женщиной, ибо это позорно. Ты не должен возлежать с каким-нибудь животным для того, чтобы осквернить себя с ним, и женщина не должна прелюбодействовать с животным, ибо это thesel (кровосмешение), противоестественный акт. Не оскверняйте свое тело никаким предметом, как это делают другие народы. 27. Люди, которые занимали эту сторону до вас, делали все эти гнусности и осквернили ими землю. 28. Чтобы земля не извергла вас за это осквернение, как она извергла народ, живший здесь до вас.

Левит XX, 11. Человек, который лежит с женой своего отца, открывает наготу своего отца. Оба они должны быть преданы смерти; кровь их падет на них. 12. Если человек лежит со своей снохой — смерть и ему, и ей! Они совершили кровосмешение; кровь их падет на них. 13. Если один мужчина имеет сношение с другим мужчиной, смерть им обоим! Они совершили гнусный поступок; кровь их падет на них. 14. Человек, который берет к себе свою жену и свою мать, совершает страшное преступление; они все трое должны быть сожжены, чтобы подобные преступления не совершались больше среди вас. 15. Кто осквернит себя с животным — смерть ему! И животному также. 16. Если женщина прелюбодействует с животными, смерть женщине и животному, смерть! Кровь их падет на них.

О том же говорит и история гостей Лота в Библии:

Бытие XIX, 5. «Эти люди, которые приходили к тебе в эту ночь, — прикажи им выйти, чтобы мы их узнали». Тогда Лот направился к ним к порогу дома и запер дверь. (7) и сказал: «я прошу вас, братья, не делайте им зла (8). Вот у меня две дочери, которые еще не знали мужчин, делайте с ними, что вам угодно, только не делайте зла этим людям, которые находятся под моей кровлею».

Приведем еще историю Эфраима: «когда они сели за стол, жители, люди крайне развращенные, окружили дом, постучали в дверь и сказали старику, хозяину дома: пусть этот человек, который у тебя, выйдет к нам для того, чтобы мы его узнали» (23). Но хозяин дома обратился к ним, говоря: «нет, братья мои, не делайте зла, я прошу вас; так как этот человек вошел в мой дом, — не делайте этого бесстыдства» (24). Вот у меня есть дочь и у него есть наложница: я их приведу к вам; вы ими воспользуйтесь, сделаете с ними, что захотите. Но не делайте столь бесстыдного дела с этим человеком (25). Эти люди не хотели ничего слушать. Тогда человек взял свою наложницу и привел к ним; они узнали ее и были с нею до утра. Потом же, когда взошла заря, они отослали ее (26). Эта женщина возвратилась, когда наступил день и легла у порога дома, где был ее муж (27). Он же, вставши утром, отодвинул задвижку двери, чтобы продолжать путь. И вот, его наложница лежит распростертой у двери с руками, протянутыми на пороге (28). Он сказал ей: «встань и пойдем». Она хранила молчание. Тогда муж взвалил ее на спину осла и отправился в путь.

Св. Павел, который бичевал противоестественные пороки Рима и Коринфа, видел самые отталкивающие, самые отвратительные примеры этого порока в своем родном городе Тарсе. Вот, что он пишет о своих согражданах:

Послание к римлянам. 1–2. «Бог отдал их во власть позорных страстей, и их женщины заменили естественные отношения полов отношениями, противными природе (27). Также и мужчины, покинув естественные отношения с женщиной, загорелись желанием к мужчинам, совершали между собой гнусность и впоследствии получали справедливое возмездие за свой грех.»

Посл. к Кор. V-1. «Не давайте этому увлечь себя: ни блудники, ни идолопоклонники, ни прелюбодеи, ни педерасты, ни женоподобны[22] не войдут в царство небесное.»

Предвидя нечестивое влияние, какое хананеяне окажут на нравы евреев, Моисей в книге Левита именем Бога заклинает их: «Не следуйте заблуждениям этих народов, ибо они совершают гнусность, которую я вам запрещаю. Не оскверняйте ложа вашей дочери для того, чтобы земля не была осквернена этим». Во Второзаконии же читаем: «да не будет блудниц среди дочерей Израиля, да не будет блудников среди сынов его». Но его слова были гласом вопиющего в пустыне; как будто с целью ограничить размеры зла, он допустил легальную проституцию с чужеземными женщинами и даже сам подал пример этому, имея наложницу из Эфиопии.

Предписаниями, которые он давал евреям, он имел в виду не

только защитить религию Авраама, но и охранить иудейскую расу, уже начинавшую вырождаться от разврата. Столько же в интересах гигиены, сколько и для ограждения догмата запретил он половые отношения мужчины с кровными родственницами, с матерью жены, с сестрой, свояченицей, дочерью, внучкой, падчерицей, с теткой по отцу и по матери, с племянницей и двоюродной сестрой; подобные связи между кровными родственниками способствуют вырождению народов.

Гигиеническими же соображениями руководился Моисей, когда запретил сношения с женщинами во время менструации, так как в этом случае сношение вызывало заболевание полового органа мужчины. Женщины Иудеи, говорит Пьер Дюфур, были очень красивы: черные миндалевидные глаза, чувственный рот с коралловыми губами, белее жемчуга зубы, тонкая, стройная талия, крепкая и пышная шея, роскошные формы, все это делало их красавицами, но вместе с тем, они, если верить Моисею, были подвержены тайным недугам, в которых некоторые ученые не без основания усматривают симптомы венерической болезни.

В самом деле, нельзя отрицать венерического характера тайных недугов иудейских женщин, если прочесть гл. XV Левита[23], где говорится об истечениях у мужчины: Vir dui patitur fluxum sem nis immundus erit; et tunc indicabitur huic vitio subjacere, cum per singula momenta adhoeserit carnis ejus atque concreverit foedus humor.

Все эти симптомы и являются характерными для бленоррагии; мужчинам, которые, по выражению правоверных переводчиков Библии, страдали истечением, Моисей также рекомендовал совершать омовения и очищать запятнанные ими одежды. Несмотря на все эти законодательные меры, венерическая болезнь так распространилась среди них, что Моисей был вынужден прогнать из лагеря всех заболевших. (Числа, гл. V).

С сильным предрасположением к специфическим заболеваниям половых органов пришли евреи в обетованную землю, населенную поклонниками Bahhal-Pehhor, Молоха, Милитты, Астарты и других богов и богинь священной и легальной проституции. Проходя страны моавитян, амонитян и сирийцев, они до известной степени восприняли нравы, верования и пороки этих народов. И Моисей еще раз делает попытку удержать их от увлечения идолами разврата, к которым они обнаруживали сильное тяготение.

Он говорит: «кто из сынов Израиля даст семя Молоху, да будет предан смерти, и народ забросает его камнями. Не давайте в храме Божием платы за разврат и «платы за собаку» не давайте

даже по обету, ибо и то и другое ненавистно перед лицом Бога вашего».

Но все угрозы, запреты и обличения Моисея оставались тщетными. Евреи познали культ Bahhal и болезни, которые роковым образом с ним связаны[24]. Раскроем еще раз Ветхий Завет и мы найдем драгоценный документ по истории проституции и сифилиса в древности:

«Израильтяне жили в Ситтиме, где они вскоре предались разврату с дочерьми моавитян. Они побуждали народ приносить жертвы их богам, и израильтяне ели с ними и поклонялись тем же богам. И Израиль отдал себя богине Bahhal-Pehhor и гнев Иеговы пал на него. И Иегова сказал Моисею: «собери всех вождей народа и, чтобы умилостивить мой гаев, повесь их лицом к Востоку, для того, чтобы отвратился от Израиля гаев мой». И Моисей сказал судьям Израиля: пусть каждый убьет тех из своего рода, которые привержены богине Bahhal-Pehhor. И вот один из сынов Израиля привел к своим братьям женщину Мидии, которая начала рыдать в присутствии Моисея и всего собрания. Видя это, Пинхас, сын Элеазара, встал, взял копье, вошел в дом, где была мужчина и женщина, и убил их обоих. И после того, как были умерщвлены 23 000[25] человек, язва была отвращена от сынов Израиля. Убитый иудей был Симри, сын Салуса, старейшины рода симеонитов; имя убитой женщины было Казби, дочь Цура, начальника одного из племен мидийских.

И Иегова сказал Моисею: «пойдите войной на мидийцев и уничтожьте их, ибо они стали вам врагами, вследствие своего коварства и вас обманула их богиня Bahhal-Pehhor и одна из женщин, дочь военачальника, которая была убита в день бедствия, принесенного вам Bahhal-Pehhor».

И они пошли против мидийцев, как Иегова приказал Моисею, и умертвили всех мужчин и овладели их женщинами и стадами. И Моисей разгневался против военачальников и сказал: «вы оставили в живых всех женщин! Не ведь именно они, наученные Билеамом[26], являются причиной того, что сыны Израиля согрешили против Иеговы и приносили жертвы Pehhor; именно женщины были бичем, поразившим Иудею. И теперь умертвите всех детей мужского пола и всех женщин, уже познавших мужчину. Но оставьте в живых детей женского пола, которые еще не имели сношений с мужчиной.

Семь дней оставайтесь вне лагеря, вы, которые убили мужчин и прикасались к мертвым, и очиститесь от греха на третий и на седьмой день, вы и ваши пленники. И очистите все одежды, все медные сосуды, все, что сделано из козьей шкуры и всю деревянную утварь.

Затем жрец Элеазар сказал воинам следующее: «так повелел господь Моисею. Золото, серебро, медь, железо, олово и свинец, все, что не разрушается огнем, да будет очищено им; то, что не выносит огня, очистите водой. И на седьмой день вымойте ваши одежды и вы будете чистыми и возвратитесь в лагерь».

Этих предосторожностей оказалось, по-видимому, недостаточно, так как в другом месте Ветхого Завета, спустя 17 лет после исполнения воли Моисея, снова идет речь о Pehhor.

Болезнь распространилась, главным образом, благодаря войскам. Иосиф, историк и полководец, из секты фарисеев, очень удачно, отмечает[27], что «блуд был распространен тогда во всем войске и от древних нравов не осталось и следа. Следствием разврата евреев с моавитянскими женщинами была заразительная болезнь, которая передавалась родственникам заболевшего». Очевидно, эта заразительная болезнь была, именно, венерической природы, так как, судя по законам Моисея, она происходила от половых сношений евреев с моавитянскими женщинами. Общение же с девственницами он разрешал им. Очевидно также, что зло было очень велико, если великий законодатель Израиля приказал умертвить 23 000 пленников и приговорил к смерти всех пленниц (их было 32 000), которые имели уже сношения с мужчинами, и только девственницам Моисей разрешил оставить жизнь.

Болезнь Pehhor, характеризуемая нечистыми истечениями и язвами на половых частях, сделалась в Иудее эндемичной, так как она поддерживалась проституцией женщин. Они продавали свое тело не только в храмах, как это делали моавитянки, и занимались проституцией не так, как женщины других народов Азии, исповедовавшие культ Милитты; еврейские женщины, как мы это видим из некоторых мест Ветхого Завета, насчитывали в своей среде многих, занимающихся проституцией, как ремеслом.

В книге Царей (II-17) говорится, что в Иерусалиме вблизи храма существовали домики, наподобие келий, украшенные изображениями Астарты; здесь еврейские женщины в честь богини занимались проституцией за деньги.

Ничего нет удивительного поэтому, что Моисей с такой точностью устанавливает взаимоотношение между проституцией и венерическими болезнями; в предписаниях, данных им народу, он прибавляет, что всякий, страдающий уретральным истечением, (Zab) есть существо нечистое, tameh. Но подобное истечение он отнюдь не смешивает с истечением семени, сопровождающимся эрекцией, Keri. Zab встречается только при отсутствии эрекции, и истечение при этом похоже на «ячменное тесто, разбавленное водой». Жидкость вытекает из расслабленного, не напряженного члена, похожа на белок яйца без зародыша и, высыхая, оставляет

струпья, тогда как семя вытекает из напряженного члена и похоже на белок яйца с зародышем.

Д-р Бенье, на основании этих данных, с полным правом, признает в «Zab» свойства бленоррагии, в доказательство чего приводит следующие тексты Моисеева законодательства:

Левит 15.

1. Иегова сказал Моисею и Аарону, говоря:

2. Скажите сынам Израиля, говоря: всякий, у кого есть истечение из мочевого канала — Zab mibbescharo — существо нечистое в силу этого истечения.

3. И перелой осквернил его, и, видимый или тайный, он — tameh.

4. Постель, на которую ляжет человек, пораженный истечением, tameh; то же и со всяким предметом, на который он сядет.

5. Кто прикоснется к этой постели, должен вымыть свои одежды, омыть свое тело водой и будет tameh до вечера.

6. Кто сядет на то же место, где пораженный Zab человек обмывал свои одежды, должен обмыться водой и считается tameh до вечера.

7. Кто коснется тела больного, пусть вымоет свои одежды и обмоет тело водой. Он tameh до вечера.

8. Если больной плюнет на человека чистого, то последний должен вымыть свои одежды, обмыть себя водой и считать себя tameh до вечера.

9. Всякое животное, на котором больной ехал верхом — tameh.

10. Кто прикоснется к предмету, на который опирался Zab — tameh. Кто держал эти предметы в руках, должен вымыть свои одежды, обмыть свое тело водой и считается tameh до вечера.

11. Кто испытан прикосновение Zab и не вымыл себе руки, тот совершает омовение одежды и тела и считается tameh до вечера.

12. Глиняный сосуд, которого коснулся больной, должен быть разбит в куски. Деревянная ложка должна быть вымыта в воде.

13. Когда же Zab избавится от болезни, он должен семь дней посвятить очищению, вымыть свои одежды, вымыть свое тело холодной водой, тогда он становится чистым.

14. На восьмой день пусть возьмет он двух молодых голубей или горлиц, придет в назначенное для этого святилище и отдаст их Cohen'у.

15. И Cohen предаст их закланию, одного в качестве искупительной жертвы за грех, другого в качестве жертвы всесожжения. Таким образом Cohen вымолит умилостивление

Zab'y, по причине его истечения.

Следующие 15 параграфов тождественны с предыдущими и относятся к женщине, последние же имеют в виду и мужчину и женщину.

31. Этим путем вы отделите детей Израиля от их постыдных поступков, и они не будут гибнуть от гниения, не будут осквернять моего святилища, которое среди них.

32. Таков закон для мужчины, который имеет истечение жидкости, оскверняющей его.

33. То же самое и с женщиной, у которой нарушены регулы; со всяким человеком, мужчиной или женщиной, который страдает истечением, или имеет общение с нечистой женщиной, tameh.

Очевидно, таких же нечистых женщин имел в виду Соломон, когда сказал «оберегайся Zarah, ее губы точно мед, ее небо слаще масла, но оно составляет следы, более горькие, чем полынь, и более острые, чем сталь».

Под этими словами можно подразумевать острое уретральное истечение, являвшееся следствием одной из многочисленных эротических церемоний, на которых Соломон[28] присутствовал во время празднеств Астарты и Молоха.

Из числа венерических болезней у евреев только одна бленоррагия описана так формально. Сифилис же, который поражает все ткани организма, половые органы, слизистые оболочки и кости, — сифилис с его первичными, вторичными и третичными припадками, заразительный и передающийся по наследству, — обо всем этом мы встречаем упоминания почти на каждой странице Библии.

Приведем несколько типичных примеров. В следующих словах пророк грозит иудеям, имеющим половое сношение с куртизанками:

Второзак. XXIX 27. Иегова пошлет на тебя египетскую язву[29], опухоли заднего прохода и чесотку и не будет тебе исцеления.

35. Иегова ниспошлет тебе злокачественную язву колен и голеней, и ты не сможешь излечиться, с ног до головы.

59. Иегова поразит тебя ранами, а твое потомство большими и упорными ранами, злокачественными и упорными болезнями.

61. И Иегова пошлет на тебя всякую болезнь и всякую рану, которая не вписана в книге закона, и ты погибнешь.

Приведем еще несколько отрывков из Псалмов Давида:

> 4. Нет ничего здорового в моей плоти
> Вследствие твоей ярости.
> Нет отдыха моим костям,

Днем я не знаю покоя.
6. Вследствие моего греха
Мои раны зловонны и дают истечение;
Вследствие моего безумия
Хожу согнувшись и подавлен до крайности;
Я весь день пребываю в печали.
8. Моя поясница горит, как в огне,
Нет здорового места в моем теле.
11. Мое сердце трепещет, сила покидает меня
И свет уходит из глаз моих.
Мои близкие, мои товарищи останавливаются,
Мои друзья держатся от меня в стороне.

Итак, что же мы можем заключить из исторических документов, которые в своей совокупности и составляют Библию? Очевидно, речь идет о всегда заразительной[30] эпидемической болезни, которая бывает следствием совокупления с куртизанками, и представляет собой серьезную опасность для общества; с этой опасностью безуспешно боролся своими драконовскими мерами Моисей. Болезнь характеризуется образованием гнойных язв, сначала на половых частях[31], потом в заднем проходе и во рту. Далее, появляется высыпание по всему телу, выпадение волос[32] и, наконец, кожные и костные гуммы, боли головы и ночные боли в костях. Болезнь наследственна, и дети гибнут от нее через несколько дней, как погиб, напр., сын Бат-Шевы и Давида. Accidit autem die septima ut moriretur infans (18).

Это есть несомненно конституциональное заболевание, totius substantiae, по мнению всех новейших сифилидологов, — сифилис со всеми его различными проявлениями; это болезнь, которой еврейская терапия не умела лечить, против которой царь Давид знал только одно средство: призвать Иегову.

Miserere mei, Domin quoniam infirmustsum: sana me, Domine quoniam couturbata sunt ossa mea. CVI3.

Et dispersa sunt onmia ossa mea. 15.

Все эти документы логически приводят к выводу, что еврейский народ, как и все вообще народы Азии, сыграл одну из самых видных ролей в деле распространения сифилиса и проституции в древности.

Поэтому де-ла-Меттри с полным правом, пожалуй, писал (1744 г.):

«Вместе с Гюи Патеном я склонен думать, что не только Иов, Давид, Соломон и Адам имели сифилис, но что последний

существовал и при хаосе до начала мироздания». Но де-ла-Меттри забывает отметить, что проституция, как и сифилис, несомненно существовала еще до хаоса, — оба природные факторы величайших человеческих бедствий.

Проституция в Греции

Культ Венеры

Греки больше других народов, быть может, обожествляли производительную силу; в их представлении таинственным покровителем любовных наслаждений должно было быть божественное существо, обладающее наряду с совершенной физической красотой и обаянием духа. И действительно, они повсюду воздвигали храмы в честь Венеры, которую поэтический и вместе с тем сладострастный дух народа признавал и почитал под различными именами. Культ ее прославлял любовь, воплощенную в пластически совершенном образе женщины и был эмблемой плотских вожделений. Этим раздвоением представления и можно объяснить существование двух Венер у Ксенофонта: Венеры небесной, Урании, культ которой был целомудрен, и Венеры порочной, земной.

Венера эллинов рождается из пены морской, что, по словам Булье, означает занесение культа ее чужеземными мореплавателями из Греции. И действительно, все греческие авторы вообще и Гомер в частности приписывают культу Венеры азиатское происхождение. Геродот и Павзаний оба полагают, что в Грецию он был занесен финикиянами и жителями Кипра; дошедшие до нас предания также подтверждают совпадение героических времен с установлением таинств Астарты. Вполне понятным является для нас тот факт, что Венера была древнейшей но времени из богинь, что культ ее был установлен даже раньше, чем культ Юпитера: в ней воплощалась идея жизни, первопричина всего живущего.

Греческое предание повествует о том, что судьбой был отдан во власть Венеры остров Кипр; это предание есть несомненно поэтическая легенда о занесении священной проституции финикиянами на острова Средиземного моря. Материалистический характер культа Венеры, заметный в морских городах Греции, следует объяснить его азиатским происхождением. Но этот грубый культ не гармонировал с духом греческого народа, который и установил весьма заметное различие между Афродитой — Уранией, безпорочной богиней и матерью богов, покровительницей целомудренной любви, и Венерой — Пандемос других народов, которая царила в портах, на островах и особенно на Кипре, то есть, говоря другими словами, с вульгарным Эросом. Культ Венеры азиатской, подвигаясь с Востока на Запад, держался главным образом морского берега. Чтобы проследить ход его постепенного распространения, следует ознакомиться с теми городами, в

которых существовали храмы богини. Из них наиболее знаменитый храм был в Пафосе, куда ежегодно стекалось много народу на праздник Афродиты, затем в Самосе был храм, построенный на деньга гетер, и в Гермионе храм, куда приходили главным образом девушки и вдовы перед свадьбой.

Страбон[33] говорит, что на острове Хиосе в храме Эскулапа находилось изображение Венеры Анадиомены. По словам Павзания[34], в Эпидавре, в лесу подле храма Эскулапа была молельня в честь Афродиты. Эти исторические указания дают нам право предположить, что врачи Хиоса обладали некоторыми познаниями в сфере половых болезней. Боттингер и полагает, что древнейшая медицина у греков заимствована из больниц и лазаретов, устроенных финикиянами на острове Хиосе, в Эгине, на Пелопонеском берегу. Весьма вероятно, что в начале все эти учреждения состояли под покровительством венерического божества, впоследствии же оно было заменено покровительством Эскулапа. Таково по крайней мере мнение Розенбаума. Впоследствии Венеру стали обожать во всей Греции, но сначала это поклонение ей сосредоточивалось на острове Кипре, в Пафосе и в Цитере; отсюда и названия ее Киприда, Пафейская и Цитерейская. Ее называли также Анадиомена, т. е. выходящая из воды, и Генетилида, т. е. покровительница производительной силы. Венера-Урания была богиней платонической любви и наук, в отличие от Венеры-Пандемос, т. е. общественной или публичной, так как она была олицетворением проституции. Любовь у греков, как мы увидим впоследствии, не отличалась большим целомудрием.

Статуй Венеры было очень много; каждый город нередко насчитывал их по нескольку. Своим прозвищем они напоминали какую-нибудь привлекательную черту богини или особенности ее культа. Так, нам известны следующие из этих названий:

Венера Peribasia, что означает в переводе «с раздвинутыми ногами», в позе человека, садящегося верхом.

Венера Melaina, или черная, которая считалась покровительницей таинства любовных ночей.

Венера Mukeia, богиня самых потаенных уголков дома.

«Венера с оружием», с каской на голове и с копьем в руке; она напоминала Спарте историю лакедемонянок, защищавших родной город против жителей Мессены в то время, как мужья их осаждали Мессену. Врага, обманув бдительность осаждавших, напали ночью на Спарту, рассчитывая застать ее врасплох. Но женщины, предупрежденные об их нападении, вооружились и отбили атаку. Они были еще вооружены, когда вернулись домой спартанцы; место сражения заняла любовная борьба между

победителями и победительницами; отсюда «Венера с оружием».

Венера Callipyge, с прекрасными ягодицами. Вот что говорит о ней Вилльбрюк, руководясь данными Атенея: храм этой Венеры возник благодаря одному спору, который не приобрел, впрочем, такой громкой известности, как суд Париса, так как спорящие не были богинями и судье пришлось остановить свой выбор на одной из двух только женщин. В окрестностях Сиракуз две сестры, купаясь, заспорили друг с другом о преимуществах красоты каждой из них; один юноша из Сиракуз, проходивший мимо и видевший купающихся, будучи сам незамеченным, преклонил колено, точно перед самой Венерой, и заявил, что старшая одержала верх. Обе соперницы убежали, полунагие. Молодой человек вернулся в Сиракузы и, еще взволнованный всем происшедшим, рассказал, что он видел. Его брат, восхищенный его рассказом, объявил, что он удовлетворился бы младшей. Наконец, собравши все, что у них было драгоценного, они отправились к отцу этих двух сестер, прося у него руки его дочерей. Оказалось, что младшая, огорченная и оскорбленная нанесенной ей обидой, заболела; она просила произвести снова осмотр, и тогда оба брата, по общему согласию, заявили, что обе вышли победительницами из этого испытания, так как судья в первый раз видел одну с правой стороны, а другую — с левой. Обе сестры вышли замуж за этих братьев и стали известными в Сиракузах своей красотой, которая с течением времени все расцветала. Их осыпали дарами, и вскоре они собрали такое большое состояние, что построили храм в честь богини, которая была причиной их счастья. Статуя, стоявшая в этом храме, совмещала в себе сочетание скрытых прелестей обеих сестер; сочетание этих двух образцов в одной фигуре и послужило основанием для изображения Венеры Callipyge, т. е. материальной красоты женского тела с совершенными, с точки зрения скульптуры, формами.

Храмы Венеры воздвигались часто на средства куртизанок, которые поэтому в эпоху священной проституции считали себя истинными жрицами богини; но главные доходы алтаря поступали в руки жрецов, для которых они (куртизанки) были только помощницами. В коринфском храме роль священнослужительниц исполняли куртизанки, которых содержали правоверные и поклонники божества. Они назывались гиеродулами или посвященными и исполняли все обязанности священнослужительниц (публичные молитвы богиням, процессии и т. д.), что служит неопровержимым доказательством существования религиозной проституции. С культом Венеры они соединяли культ Адониса, который был обожествлен любовью к

нему богини. Празднества их до тех пор, пока они не смешались с приапическими, обставлялись весьма торжественно: они привлекали большое число чужеземцев, которых гиеродулы грабили с неподражаемым искусством во славу Венеры и в пользу духовенства.

Греция заимствовала из Азии не один только культ Венеры: культ мужского божества также проник к ним, когда пелазги покорили страну и принесли с собой свои божества. Один из этих богов представлял собою мужскую голову, лежавшую на колонне, окруженной мужскими половыми органами: это был Гермес. Другой получил имя Бахуса греческого, который, по словам Аристофана, «излечивает афинян от очень серьезной болезни половых органов».

Египетский Приап также перешел в Грецию. По пути своего распространения он излечил обитателей Лампсака от какой-то болезни вроде только что упомянутой афинской болезни, и народ стал ему поклоняться. По словам Геродота и Лукиана, женщины городские и жительницы деревень носили с собой его фигуру из воска, Neurospasia, огромный половой орган, который можно было приводить в движение; этим органом бог, согласно мифам, обязан Юноне, покровительнице беременности. Фаллус в Греции происходил от Фаллу ассирийского, как равно Приап ведет свое происхождение из Египта. Болезни, которые поражали половые органы мужчины и женщины при функциональных излишествах, и заставили Греков, — как раньше это было с другими народами — предположить существование добрых и злых гениев, покровительствующих всякого рода ощущениям. И эта та идея необходимого покровительства со стороны этих сверхъестественных существ через посредство жрецов естественно и сделалась, здесь, как и в Азии, исходным пунктом для возникновения священной проституции. Сначала дефлорация девушек производилась Фаллусом статуи или жреца, причем на это смотрели, как на жертву, которую они приносили мужскому богу. Потом придумали торговлю телом девушки в пользу храмов; подчас деньги делились пополам между храмами и семьями проституток. Относительно введения культа Фаллуса в Греции существует масса легенд. Но все они не представляют большого интереса и относятся к области содомии, с которой познакомили население первые жрецы, поселившиеся в стране.

Дюлор, передавая их со всеми их грязными подробностями, совершенно справедливо замечает:

«Такими бесстыдными рассказами, характеризующими безнравственность эпохи, в которую они были созданы, жрецы вводили народ в заблуждение относительно истинной причины

введения культа Фаллуса; очевидно, они находили такую ложь более выгодной для религии, чем те простые истины, которые известны были лишь немногим избранным из высших слоев общества». У них, естественно, возникает мысль о том, не может ли священная проституция мужчин и женщин послужить их интересам и обогатить праздных священнослужителей. И вот в Греции происходит то же, что имело место в Египте, в Индии и западной Азии: половые органы женщины приобретают характер ценностей, которыми спекулируют безнравственные охранители храмов, увеличивая доходность алтарей; те, которые будут писать историю религии, не должны забывать об этом.

Легальная проституция в Греции

Диктерионы

Культ священной проституции, однако, удержался в Греции недолго: непристойные церемонии, сопровождавшие его, и циничные таинства эротического характера не согласовались со страстными, но вместе с тем артистическими, художественными наклонностями греков. Презрение их к культу азиатской Венеры привело их к адюльтеру, конкубинату и к противоестественной любви.

Чтобы охранить честь женщин и целомудрие греческих девушек и наряду с этим устранить распространение педерастии среди молодых людей, Солон создал институт легальной проституции и отдал ее под контроль государства. Он купил за счет республики азиатских рабынь и заключил их в особые учреждения, называемые диктерионами и расположенные в Афинах в окрестностях порта, недалеко от храма Венеры Пандемос, где они должны были обслуживать нужды публичной проституции. Заведывание ими было поручено pornoboscos, заведывавшим отчетностью и таксой, которую могла требовать каждая из девушек от посетителей. Эта такса, так называемая misthofora (жалованье) или empolai (заработок), колеблется между 8 calcoi, 16 сантимов до 31 calcoi, 12 сантимов. Поэт Филемон, проникнутый сознанием полезности такого института, говорит следующее об афинских диктерионах:

«О Солон, ты был истинным благодетелем рода человеческого, так как, говорят, ты первый подумал о том, что так важно для народа или вернее для спасения народа. Да, я говорю это с полным убеждением, когда вижу многочисленную молодежь нашего города, которая под влиянием своего жгучего темперамента стала бы предаваться непозволительным излишествам. Вот для чего ты купил женщин и поместил их в такие места, где они имеют все необходимое и доступны всем тем, кто в них нуждается».

Успех государственных диктерионов и нужды мужского населения города вызвали появление свободных диктерионов, которые принадлежали частным лицам и имели целью конкурировать с первыми. В предместьях Пирея, в его порте появляется большее число диктерионов с разрешения администрации, под названием kapaileia. В кабачках, расположенных в окрестности порта, также было много женщин

для посетителей. Так как проституция считалась торговлей или промыслом, то и учреждения эти подлежали уплате налогов. Каждый год арендная плата за содержание свободных диктерионов (telos pornicon) устанавливалась в аукционе эдилами рынка, под наблюдением которых находились женщины (диктериады) и посредники.

Вход в эти дома был обозначен особой вывеской, помещенной над дверью; она представляла собой ни что иное, как красный приап, столь же заметный, как большие номера наших домов терпимости.

Конечно, с постепенной порчей нравов диктерионы устраиваются уже в самом городе и набирают персонал не из одних рабынь, говорящих только на своем родном языке, как это было в порту: их пополняют уже греческими женщинами низших классов. В этих учреждениях, которые все же подлежали ведению муниципальной полиции, все было к услугам посетителей; здесь с готовностью показывалось все, что было особенно привлекательного в обитательницах этих домов. Кседарк в своем «Penthale» и Эвбулид в своем «Pannychi» изображают этих женщин нагими, стоящими гуськом в этом приюте разврата; на них нет никакой одежды, кроме прозрачных вуалей, так что глаз не встречает никаких препятствий. У некоторых из них, особенно утонченно развращенных, лицо было закрыто вуалем, груди тесно облегала ткань, обрисовывавшая формы их, вся остальная часть туловища оставалась открытой. По сообщению некоторых авторов, диктерионы выставляли напоказ все свои прелести не только ночью, но и днем при ярко светящем солнце (inaprico stantes). Эта выставка обнаженных тел была удобнее для домов терпимости, чем раскрашенные или изваянные фаллусы, украшавшие дверь; по сведениям же других археологов, эти сладострастные зрелища происходили во внутренних дворах. Вход был открыт днем и ночью, но занавеси ярких цветов не давали возможности нескромным взглядам прохожих проникнуть внутрь. За занавесью сидела старая фессалийка, продававшая жидкости и благовония; она впускала посетителей, давала им необходимые указания и получала деньги за вход.

Условия платы здесь были несколько иные, чем в государственных домах терпимости; она изменялась в зависимости от роскоши дома и женщины, которую посетитель выбирал; в общем, цена была довольно высокая и достигала часто одного статера золота, 18 фр. 54 сант. Вообще, большие диктерионы в Греции приносили большие доходы их содержателям и домовладельцам. Общественный разврат во все эпохи обогащал людей, которые не слишком щепетильны в

вопросе о происхождении денег, нужных им для удовлетворения их корыстолюбия.

Греческие диктерионы считались столь важным для охранения общественной нравственности учреждением, что законодатели признавали за ними право убежища: они считались неприкосновенными. Под их кровом женатый мужчина не мог быть обвиненным в адюльтере, отец не смел искать там своих сыновей, а кредитор-преследователь своего должника. В одной из своих речей Демосфен говорит по этому поводу следующее: «Закон не разрешает обвинить в адюльтере тех, которые пойманы с женщиной в доме терпимости юга на публичной площади, где проститутки занимаются своим промыслом». Словом, диктерионы находились под покровительством закона, как учреждения общественно-полезные, отвечающие физиологическим потребностям чужеземцев и вообще молодых людей.

Это был предохранительный клапан для общественной нравственности и гигиены. Здесь, говорит Дюфур, никто не подвергался опасности, точно предусмотрительный Солон при самом основании обезопасил их от всяких вредных случайностей; мнение это вполне подтверждается следующей цитатой из философа Эвбулида: «У этих прекрасных девушек ты можешь получить удовольствие за несколько золотых монет, и к тому же без малейшей для себя опасности[35]. Тайная же проституция представляла опасность!

Чтобы понять значение этого института, созданного Солоном, следует ознакомиться со нравами Спарты, где легальной проституции не было. Согласно законам первого законодателя, все женщины признавались почти общественной собственностью, стыдливость была изгнана из игр молодых лакедемонянок; вместо публичного разврата, существовавшего у других народов, разнузданность господствовала во всех классах общества.

Ликург, занятый исключительно воспитанием сильных солдат, заботился только о военных упражнениях, об атлетических играх, о военном спорте (да будет мне разрешен этот неологизм) и совершенно не думал об упорядочении поведения женщин. Впрочем, женщины в Спарте, безразлично добродетельные или развратные, имели очень мало влияния на мужчину-солдата, который признавал честь только на поле битвы и потому мало был склонен к женским чарам.

Под влиянием таких идей в Спарте народился особый вид проституции, который можно было назвать каллипедическим или патриотическим. Мужья, по словам д'Арканвиля, приводили к постелям своих жен здоровых мужчин, чтобы иметь крепких, хорошо сложенных детей[36].

Этот социальный блуд, царивший в Спарте, явился роковым, тяжелым последствием отсутствия регламентированной проституции; он подчеркивает полезность Солоновских законов с точки зрения общественной морали и гигиены. Это понято было всеми законодателями; моралисты высказались в этом же смысле относительно важного вопроса социальной гигиены. Святой Фома говорит: «Избавьте общество от публичных женщин и вы увидите, что разврат будет врываться повсюду. Проститутки в стране то же, что клоака во дворце; уничтожьте клоаку и дворец загрязнится и станет смрадным».

Когда зло неискоренимо, надо стараться ограничить его и уменьшить его дурные последствия[37].

Законы проституции в Греции

Если можно с одной стороны упрекнуть Солона в излишней снисходительности к человеческой слабости и даже считать безнравственным институт легальной проституции, то все же, взявши с другой стороны все его законы, касающиеся нравов,

охрана которых была вручена суду Ареопага, можно легко найти для него оправдание. Эти законы имели целью ввести хотя бы некоторую закономерность в общественное зло, чтобы таким образом избежать дальнейшего развития его, и узаконили проституцию для борьбы с развратом.

Благодаря строгости этих законов замужняя женщина была защищена от испорченности. Она оставалась чистой в этой среде, насыщенной всякими половыми излишествами. Для большей верности она была всегда под наблюдением особых властей, которые назывались gynecocosmes и обязаны были следить за ее поведением. Зато мужчина был свободен: «У нас есть куртизанки для наслаждений, говорил Демосфен, наложницы[38], которые заботятся о нас, и супруги, которые рожают детей и верно охраняют внутренний строй наших домов». Современная мораль, конечно, не могла бы примириться с мыслью афинского оратора. Но если мы примем в расчет общую тенденцию древних народов к деморализации, чисто восточную чувственность их натуры и остатки культа Венеры азиатской, то мы найдем, что весьма важным успехом было уже то, что матрона, мать семейства была защищена от пороков, которые были причиной разрушения предшествующих цивилизаций. Закон разрешал мужчине все: конкубинат, куртизанок и даже публичные дома, но требовал от него почета супруге, уважения ее домашних и супружеских добродетелей, которые вменялись ей в обязанность.

Афинский закон о прелюбодеянии гласил следующее: «Если мужчина заставал жену свою прелюбодействующей, то он не мог дольше жить с ней под страхом бесчестья. Женщина, застигнутая на месте преступления, лишалась права входа в храм; если же она входила, то к ней можно было безнаказанно применять всяческое дурное обращение, кроме смерти».

У Платона сказано: «Имя честной женщины должно быть заперто в стенах дома»; она не могла присутствовать ни на публичных играх, ни в театре. На улицу она выходила укутанная покрывалом и со скромным видом. Ее воспитывали в полном неведении относительно событий внешней светской жизни, она была безграмотна и без всякого почти воспитания. Поведение мужа вне стен дома не касалось ее. Вся ее роль была в материнстве, все ее прерогативы исчерпывались исключительным правом иметь законных детей и носить титул гражданки.

Судьи были всегда неумолимы, когда проститутки хотели присвоить себе права, принадлежавшие честным женщинам, или занять место, отведенное этим последним в жизни народа. Закон клеймил бесчестьем всех куртизанок, будь то гетеры или диктериады, свободные или рабыни; он отказывался кормить их

детей, когда они были бедны. Солон говорит: Очевидно, что та женщина, которая презирает честность и святость брака, забывает о его возможных естественных последствиях, она думает только об удовлетворении своей страсти. Поступая таким образом, она не может требовать никаких прав для тех, которые явились последствием ее поступка, жизнь и рождение которых обрекают их на вечный позор, дети считаются незаконнорожденными, не могут носить звание гражданина, не имеют права произносить публично речи и говорить в суде перед судьями[39].

Им запрещен был вход в общественные храмы, запрещено было участие в торжествах культа рядом с матронами. Если же они являлись, то их можно было оскорблять как прелюбодеек, срывать с них украшения, оскорблять их словами и даже действием, но не наносить им ран. Впрочем в Коринфе и в Афинах куртизанки могли участвовать в качестве жриц на празднествах Венеры, но их присутствие в храме считалось осквернением божества[40].

Закон о проституции, изданный Солоном, был весьма суров в отношении распутных женщин. В одной из своих речей Эсхин говорит: «если кто-нибудь сыграет роль сводника по отношению к молодому человеку или женщине, принадлежащей к классу свободных людей, то он должен быть наказан смертной казнью». На практике смертная казнь заменялась денежным штрафом, так как преступления эти находились в ведении эдилов или полиции, которая могла применять только легкие наказания. Зато наложение денежной пени распространялось широко не только на преступивших закон, но зачастую и на целую корпорацию, которая считалась ответственной за всякие нарушения, чинимые ее членами.

С гетерами, особенно если они были греческого происхождения, обращались с меньшей строгостью, чем с диктериадами и авлетридами, танцовщицами и музыкантшами. Впрочем иногда, когда их поведение резко нарушало дух закона, судьи не колеблясь призывали их к скромности.

Для примера укажем речь Демосфена на суде против Нээры, простой куртизанки, которая вышла замуж за афинского гражданина Этиенна. Великий оратор, напомнив о законах, обусловливающих получение звания гражданина, заканчивает речь красноречивым заключением, представляющим достоверный документ закона о проституции:

«Вы не можете оставить безнаказанными оскорбления наших нравов женщиной, которой предки не передали в наследство знания гражданки и которой народ не даровал его. И где только она ни промышляла своим позорным ремеслом! Где только ей ни

платили за ее преступные ласки! Разве она не объехала всего Пелопоннеса? Разве ее не видели в Фессалии и в Магнезии в сопровождении Симуса, сына Лариссы и Эвридама, сына Мидия? Или в Хиосе и в большей части Ионии в сопутствии критянина Сотада? И если женщина отдается мужчинам, если она следует повсюду за тем, кто ей платит, то на что она только ни способна? Разве ей не приходится приноравливаться ко вкусам всех тех, Кому она принадлежит? И назовете ли вы гражданкой женщину, которая открыто развратничала во всей стране? И если вас спросят, сможете ли вы утверждать, что совершили справедливый поступок, оправдавши ее? Сделав это, вы навлечете на себя вину позорного и бесчестного поступка! До тех пор, пока она не находилась во власти правосудия, пока всем гражданам не стало известно, что она собой представляет и какие беззакония она творила, до тех пор все ее прегрешения оставались на ее совести и только город можно было обвинить в небрежности: из вас одни не знали о ее проступках, другие, которым все было известно, выражали свое негодование речами, но не имели возможности действовать открыто, потому что никто не вызывал ее на суд и не вынуждал вас вынести свой разговор. Но теперь, когда вы знаете все, когда в вашей власти назначить ей наказание, то вы будете преступны пред лицом богов, если не накажете ее. По возвращении домой — что сможете вы сказать вашим женам, дочерям и матерям, если вы оправдаете Нээру? Кого? — спросят они вас тотчас. Нээру, — придется вам ответить.

Почему она оказалась перед лицом суда? Потому что, будучи чужеземной, она сделалась противозаконно женой гражданина; потому что она отдала свою дочь, торговавшую собой, развратному Феогену, потому что эта самая дочь приносила тайные жертвоприношения в честь Афин, она отдана была в жены Бахусу и т. д. Вы им расскажете обо всех обвинениях, скажете им, с каким старанием, с какими подробностями, с какой точностью собраны были все эти жалобы. И что же вы сделали? — спросят они. Мы ее оправдали, — ответите вы. Честные женщины будут оскорблены тем, что вы заставляете их разделять свои гражданские и религиозные права с Нээрой и ее дочерью, порочные же станут по прежнему свободно предаваться страстям, так как законы и судьи обеспечивают им безнаказанность. Если наш приговор будет небрежным и мягким, нас самих станут обвинять в соучастии в совершенных ею преступлениях; тогда лучше было бы совсем не судить ее, чем вынести оправдательный приговор. Отныне развратные женщины будут свободно брать в мужья тех, кого они захотят, и считать отцом своих детей первого попавшегося. Ваши законы будут бессильны и куртизанка своими

ласками сможет добиться всего, что ей захочется. Имейте уважение к нашим гражданам и не препятствуйте дочерям бедных граждан честно выходить замуж.

И в самом деле, теперь, как бы ни была бедна девушка, все же закон дает ей достаточное приданое, если у нее от природы лицо, которое нравится. Но если вы попираете ногами этот закон, если вы уничтожаете силу его, оправдывая Нээру, тогда позор проституток падет на голову дочерей ваших граждан, которые не могут выходить замуж без приданого, а достоинство честных женщин станет достоянием куртизанок, которые безнаказанно будут рожать детей когда им вздумается, будут принимать участие в жертвоприношения, в таинствах храма, словом во всех почестях, которыми пользуются гражданки. Так пусть же каждый из вас помнит, что свой приговор он произносит во имя своей жены, дочери, матери, во имя интересов Афин, законов, храмов и жертвоприношений, во имя того, чтобы честные женщины не стояли рядом с проституткой, чтобы гражданки, воспитанные старательно и мудро их родителями и выданные замуж согласно требованиям закона, не смешивались с чужеземкой, которая по несколько раз в день имела сношения с несколькими мужчинами, всяческими самыми гнусными способами, как кому этого хотелось».

Эта речь Демосфена, личный взгляд которого на супружескую верность граждан нам уже известен, с очевидностью свидетельствует о том, что на куртизанок сначала смотрели в Греции как на простое орудие удовольствия, или же это были маленькие подруги, которые должны были увеселять обаянием своего ума, обольстительностью роскоши и сладострастными ласками. Но они не пользовались никакими правами: общество безжалостно приносило их в жертву суровому уложению о наказаниях.

Так, до тех пор пока законы Солона не были выведены из употребления, свободные куртизанки обязаны были носить особый костюм, которого назначение было отличать их от честных женщин. Костюм этот сделан был из пестрых тканей кричащих цветов, к которым были приколоты букеты цветов. В качестве головного убора разрешался венок из роз. Тунику и пеплум из одинаковой ткани, золотой венок и драгоценности имели право носить только замужние женщины и позднее, в виде особого снисхождения, знаменитые гетеры.

Полиция требовала кроме того, чтобы волосы их были окрашены в желтый цвет, который получался с помощью шафрана или других растений. Впрочем, многие из них предпочитали носить белокурый парик, который приобретался в Германии. Как

все проститутки прежних и последних времен, они охотно пользовались гримом, они раскрашивали лицо румянами и белилами, чтобы казаться молодыми; старые замаскировывали бороздки морщин рыбьим клеем. Наиболее выдающиеся гетеры и диктериады призывали художников (pornotrophoi), которые занимались специально декоративными украшениями статуй и придавали красу лицу куртизанки.

«Когда старые гетеры, говорит Дюфур, были раскрашены и разодеты, они усаживались у высокого окна, выходившего на улицу. Отсюда они зазывали прохожих, держа в руках миртовую ветку, которую они помахивали как палочкой чародейки или прикладывали к губам. Если какой-нибудь мужчина останавливался, то женщина делала известный знак, приближая большой палец к безымянному, так что с рукой наполовину зажатой получалась форма кольца. В ответ на этот знак мужчина должен был поднять вверх указательный палец правой руки и тогда женщина исчезала, чтобы пойти ему навстречу».

Сводничество, несмотря на строгие законы, существовало в Афинах открыто. Как всегда этим делом занимались старые куртизанки, которые, привыкли к разврату: они развращали молодых девушек и посвящали их в тайны своего ремесла. Вместе с тем они изготовляли любовные напитки и в качестве акушерок оказывали помощь при родах и, главным образом, занимались устройством выкидышей[41]. Чтобы иметь представление о любовных похождениях у древних Греков, следует прочесть диалога Лукиана[42] и письма Альцифрона, переполненные любопытными подробностями о нравах и обычаях; написаны они в форме переписки между куртизанками и паразитами.

Эти документы свидетельствуют о том, что строгость закона прогрессивно убывала. Свободная женщина в Греции уже чаще отдается проституции и нередко роль развратительницы и сводницы играет собственная мать. Благодаря большей пронырливости и образованности сравнительно с чужеземками, они стали прибегать к проституции, которая давала средства для роскошной жизни; правда, этой роскоши хватало только на молодые годы, за которыми следовала старость и жестокая нужда. Но за это время она приобретала страсть к кокетству, безумным тратам, к игре и пьянству. И, несмотря на свои пороки и алчность, она подчас умела внушать сильную страсть и нередко бывала причиной разорения и бесчестья семьи. Полная суеверия и корыстолюбия, она отправлялась в храмы, где приносила жертву богам в надежде получить богатую добычу, встретить щедрого любовника, которого можно было бы «ощупать» сколько угодно, составить себе состояние на счет какого-нибудь благородного

юноши новичка или богатого развратного старика.

Такое извращение ума свойственно еще и в наше время вульгарным куртизанкам в Испании и Италии.

Из всех проституток Греции наибольшей известностью по своей продажности пользовались Коринфские женщины, у которых культ проституции достиг высокой степени развития. В этом городе, который был главным складочным местом для всей торговли Востока, почти все женщины занимались проституцией; все дома представляли собой в большей или меньшей степени диктерионы: все население приносило жертвы Венере. Искусство, с которым они обирали чужеземных купцов и мореплавателей, стало просто легендарным. Гораций описывает его в знаменитом стихе из послания его к Сцеве:

Non cuivis homini contingit adire Corinthum (Не всем смертным можно отправляться в Коринф).

И действительно, надо было запастись большим количеством денег, чтобы побывать в этой столице священной и легальной проституции, которая гордо величала себя высшей школой разврата и сладострастия, академией, куда приходили для совершенствования нее гетеры и диктериады Греции. Эротические поэты передают нам эту программу взаимного обучения; это было искусство внушать любовь, искусство увеличивать ее и делать продолжительной, искусство извлечь из нее возможно больше денег. Здесь они изучали теоретически и практически науку хитрости и обольщения: вызывающие позы, вздохи, развратный смех, взгляды, полные томности и обещания, игру физиономии для выражения безразличия или страсти; все искусные уловки женщины, которая хочет пленять, все физические и моральные ухищрения, способные возбуждать желания и чувственность, разжигать чувственные порывы, поддерживать и удовлетворять их.

Афинские куртизанки получали образование в Коринфе. Но их не удовлетворяли все ухищрения кокетства, умение притворяться экзальтированными, меланхолично настроенными, играть роль жертвы любви. Чтобы лучше убедить в своей любви того, кого им хотелось соблазнить, они начертывали его имя подле своего на стенах Керамики.

Несмотря на законы Дракона о прелюбодеянии, все же было значительно число замужних женщин, которые предавались разврату и конкурировали с куртизанками. Ласки их оценивались гораздо дороже, чем ласки греческих диктериад. Но пойманные на месте преступления, они подлежали смертной казни или наказанию плетьми по желанию обманутого мужа. Иногда это улаживалось мирно, неосторожный любовник уплачивал крупную

сумму обвинителю и таким образом избавлялся от позорного публичного наказания плетьми и неизбежно с ним связанной черной редиски[43].

Иногда диктериады выдавали себя за замужних женщин и при содействии сводника эксплуатировали наивного человека, который принимал за чистую монету мнимую сцену адюльтера.

Свободная проституция Куртизанки

Свободные диктериады

Свободная проституция в Греции не исчерпывалась женщинами, которые содержались в разрешенных диктерионах, и в общественных диктерионах, созданных Солоном. В состав ее входили также свободные куртизанки, которых можно подвести под три резко различные категории: диктериады, подобные билетным проституткам нашего времени, занимались проституцией за свой риск; авлетриды, танцовщицы и флейтистки, которые давали представления на дому и показывались в публичных местах, и, наконец, гетеры, изящные женщины полусвета высокого или низкого ранга. Некоторые из этих последних играли известную роль в истории греческой литературы, искусства, философии и политики.

Вообще диктериады жили в предместье, Пирее. Одни из них нанимали комнаты в гостиницах и кабачках гавани, другие жили в небольших домиках вне городской черты. По законам Солона им запрещено было до захода солнца появляться внутри города, но вечером они свободно приходили туда и занимались своим ремеслом. Они наполняли улицы, общественные площади и тенистые аллеи Керамики[44], те самые, в которых некогда бывали гетеры и их любовники из афинской знати. Они сделали из этого сада место публичной проституции, которой они не переставали заниматься ни днем, ни ночью; сад превращался как бы в отделение площади Пирея; здесь они или старались «подцепить» прохожих, или приняв неподвижную позу сфинкса, старались возбудить их желания. Здесь громко торговались о цене и публично отдавались мужчинам под портиком храма, на тех самых лужайках, где некогда читал лекции Платон… Здесь же на надгробных камнях героев Греции, начиная со времен упадка Афин, мы замечаем, что только некоторые из диктериад продолжают носить установленное для них Солоном яркое платье. Большинство же одето в газовые плащи, которые их почти совершенно обнажают. Диктериады самого низкого разряда посещали дома свиданий (tegos или kamaleunas), конуры, вся обстановка которых состояла из брошенной на пол постели.

Свободные диктериады были из вольноотпущенниц и греческих девушек низших классов; большей частью это были приезжие из Азии и Египта. Большинство этих женщин влачило

еще более жалкое существование, чем те, которые были заключены в диктерионах; всех их более или менее эксплуатировали сводники и они имели дело только с преступниками, матросами и вообще с подонками населения. Те, которые старела и теряли привлекательность от разврата и болезней, скрывались целый день, а ночью шныряли по улицам предместья и по темным аллеям кладбища. Их называли lukaina, волчицы. Они удовлетворялись платой в несколько монет, куском рыбы или стаканом вина. Несколько драхм получали те, которые сохранили остаток привлекательности и были еще молоды.

Наряду с этими несчастными существовал и другой класс диктериад, нечто вроде бродячих гетер, которые, благодаря красоте и оригинальности своего ума, пользовались большой известностью. Их требования были гораздо выше чем у рядовых диктериад. Они очень ловко умели использовать неопытность юношей и похоть стариков. Некоторые из них получали особые прозвища, напоминавшие о какой-нибудь привычке или недостатке их обладательницы. Таковы были прозвища: оленья самка, курица, муха, бородатая, коза, ворона, рыбачка. Были также: «Кормилица», которая содержала своих возлюбленных, «Лампада», которая пахла маслом, «Часы», которая предоставляла своим клиентам время (около 1/4 часа), за какое песок успевал опуститься в ее часах. Наконец, «Девственница», название, придуманное философом Тимоклесом. Эти прозвища — то же, что современные «баронесса», «обжора» или «решетка для стока» (la grille d'egout) и проч.

Ибо народы вымирают, цивилизация уничтожается, а проституция остается, как неизбежный выделительный аппарат человечества.

В смысле физическом проститутки эти представляли значительное разнообразие. Ксенах говорит о диктериадах следующее: «среди них встречаются фигуры стройные и толстые, высокие и низенькие; есть молодые, старые и женщины среднего возраста». С духовной же точки зрения можно сказать, что все они были настоящими диктериадами, хотя история и сохранила память о некоторых из них, игравших столь же видную, как и трудную роль Манон Леско или Маргариты Готье.

Авлетриды

Другой разновидностью куртизанок были авлетриды. Как и диктериады, это были чаще всего чужестранки. Они были артистками, музыкантшами и танцовщицами и выступали на больших публичных балах и в тавернах; можно было также

приглашать их на дом[45]. Они танцевали, аккомпанируя себе на флейте, что приносило им немалый доход, но они смотрели на свои танцы и игру только как на средство для еще большего очарования, еще большего привлечения к себе мужчин. Этот вид проституции несколько напоминает современную нам проституцию маленьких театральных и кафе-шантанных артисток, хористок и фигуристок в балетах и феериях. Они охотно дарили свою благосклонность тем, которые делали им выгодные предложения, но это не были проститутки в обычном смысле этого слова. Часто, правда, в конце пира они отдавались тому, кто больше платил — продавались как бы с аукциона.

Авлетриды обладали несравненным даром внушать страсть и будить чувственность сладострастными звуками своей музыки, позами своих танцев и выражением своего лица. Но еще больше влияли они на чувственность своими ласками и поцелуями. Они пользовались большим успехом у греков, которые в силу своего темперамента предавались особенно утонченному разврату. Некоторые из древнегреческих историков, как Геопонт и Эпикрат, упоминают об авлетридах. П. Дюфур, ссылаясь на этих историков, приводит несколько интересных выдержек, — из которых можно заключить, что страсть к женщинам, была одинаково могуча как у афинян, так и во всей Греции вообще, от края до края. Надо отдать им справедливость: это были наиболее любящие и наименее жадные из всех куртизанок. «Они вызывали такие взрывы восторга своей опьяняющей музыкой, что слушатели в исступлении срывали с себя кольца и ожерелья и отдавали их авлетридам. Искусная флейтистка не успевала собирать дары, преподносимые ей за один вечер, когда она приводила всех в восторг своей музыкой. Случалось, что во время пира они получали в подарок всю золотую и серебряную посуду дома. Каким дождем цветов, драгоценных камней и золота осыпалась флейтистка за каждый новый, еще более опьяняющий мотив, танцовщица за каждое новое, особенно выразительное па или телодвижение, и с какой удивительной ловкостью ловили они на лету эти дорогие приношения! Таким образом, куртизанки этого рода обогащались особенно легко, и потому им не трудно было скопить себе солидное состояние — стоило только войти в моду.»

«Лучшие семьи в Александрии носили имена Миртионы, Мнезис и Потинии, говорит историк Полибий, несмотря на то, что Мнезис и Потиния были флейтистками, а Миртиона была одной из тех покрытых позором публичных женщин, которых мы называем диктериадами». Миртиона, как и Мнезис и Потиния, были любовницами Птоломея Филадельфийского, царя Египетского. Обаяние, которое внушали танцовщицы и

музыкантши, заставляло забыть об их возрасте, звании и профессии. «Афиней рассказывает, что аркадийские послы были отправлены к царю Антигону, который принял их с большими почестями и устроил в их честь блестящее празднество. Послы эти, суровые и почтенные старцы, уселись за стол, пили и ели с суровым видом, не говоря ни слова. Но вдруг фригийские флейты подали знак к началу танцев; танцовщицы, закутанные в прозрачные ткани, вошли в залу, тихо покачиваясь на концах пальцев; затем движения их понемногу ускоряются, они снимают покрывала с головы, плеч, и наконец, обнажают все тело. Теперь они совершенно нагие, если не считать крохотных панталон, которые едва прикрывают среднюю часть туловища; танец делается все более сладострастным и жгучим[46]. Послы мгновенно воспламеняются при виде этого необычайного зрелища и, не считаясь с присутствием царя, покатывающегося со смеху, бросаются на танцовщиц, не ожидавших такого приема, но готовых выполнить долг гостеприимства». Любовь авлетрид не всегда была продажна. Женщинам этим были присущи некоторые возвышенные чувства, которыми они были обязаны благородству своего искусства (музыки, танцев) и независимости, какой они благодаря ему пользовались; заражаясь сами возбуждением празднества, на которое их приглашали, они переживали те же ощущения, какие сами вызывали у зрителей, возбужденных одухотворенностью их музыки и танцев, — и они пылали огнем неподдельной страсти в потому не позволяли третировать себя как обыкновенных проституток. Эти, обыкновенно красивые молодые флейтистки, всегда беззаботные, смеющиеся и увлеченные своим искусством, пользовались большой любовью афинского населения, которое шумными криками восторга встречало их появление на празднествах. Многие из них сделались особенно знамениты.

Боа была матерью евнуха Филетера, который был сначала правителем Пергама, а потом и воцарился в нем; Партениза, подала в суд жалобу на одного гражданина, который ее ударил, но жалоба ее была оставлена без последствий, так как выяснилось, что она во-первых куртизанка, а во-вторых чужестранка. Пиралис танцевала так легко, что получила прозвище птички; Сигея, против чар которой не могла устоять самая неприступная добродетель; Формезия, умершая в объятиях своей подруга-любовницы. Но самой знаменитой среди всех их была бесспорно Ламиа. Флейтистка родом из Египта, она покорила Птоломея, которому принадлежала вплоть до морского поражения, нанесенного ему царем Димитрием Полиоркетом. Попав в плен к победителю, она сразу же становится его

любовницей и госпожой в полном смысле этого слова, всецело подчинив себе царя Македонии. Только смерть царя во время одной оргии прекратила это господство. Автор «Истории проституции» описывает по Афинею и Макону любовные уловки, к которым прибегала эта знаменитая флейтистка, чтобы покорить своего царственного любовника. «Она пользовалась с удивительным умением как днем, так и ночью: ночью она заставляла его признать, что равных ей нет на свете, днем она писала ему милые письма, забавляя его живыми и остроумными оборотами; она опьяняла его звуками флейты, но всего больше действовала на него лестью: «Могущественный государь, писала она ему, ты позволяешь, чтобы гетера писала тебе, ты не считаешь унизительным для твоего достоинства уделять несколько минут времени моим письмам, и ты отдаешь мне самого себя. О, мой повелитель, когда вне дома я слышу голос твой, когда я вижу тебя, украшенного короной, окруженного стражей, войском и послами, тогда, клянусь Венерой Афродитой, — тогда я дрожу и страшусь тебя; тогда я отвращаю от тебя свои взоры, как я отвращаю их от солнца, чтобы не быть ослепленной, тогда я узнаю в тебе, о Димитрий, победителя городов. Как взгляд твой ужасен и дышит воинственностью! Я едва верю глазам своим и говорю себе. — О Ламиа, неужели с этим человеком ты разделяешь свое ложе».

Плутарх в своей «Жизни знаменитых людей» очень подробно рассказывает историю любви Димитрия и Ламии. Он описывает македонского царя человеком такой совершенной красоты, с такой благородной, величественной осанкой, что ни художники, ни скульпторы не могли уловить черты его лица. Лицо его выражало одновременно мягкость и суровость, жестокость и притягательность; живость, гордость и пыл юности соединялись в нем с видом героя, с геройским величием и истинно царским блеском. Таков был герой Афин, победитель Ефеса, покоритель городов, супруг нескольких королев, но всего более развращенный любовник флейтистки. «В своем эротическом экстазе Димитрий доходил до того, что лежа ночью на ложе своей любовницы, галлюцинировал, слыша ее музыку, слыша вновь те мотивы, которые она играла ему во время ужина, восхищаясь особенно чарующими отрывками. (Ait Demetrium ab incubante Lamia concinne suavitergue subagitatum fuisse) — Нечистые испарения тела Ламии были Димитрию во много раз приятнее лучших благовоний Азии, cum pudendum manu confricavisset ac digitis contrectavisset». Плутарх приводит также несколько любопытных случаев, ярко рисующих нам власть Ламии над сыном Антигона. Впрочем, Ламиа была не единственной его

любовницей — их у него было много. Так, например, великий греческий биограф и моралист приводит следующий случай. Однажды, узнав о болезни Димитрия, старик отец пришел его проведать. На пороге он столкнулся с прекрасным юношей, выходившим из покоев Димитрия. Войдя к сыну, старик сел у его постели и хотел измерить его Пульс, но Димитрий уверил отца, что жары у него больше нет. Я знаю об этом, сын мой, сказал Антигон; я даже, видел, как он выходил из твоей комнаты. Ламиа хорошо знала все порочные страсти знаменитого полководца и с большим умением удовлетворяла их. Впрочем, порочностью своей они стоили друг друга.

Поэт Филипид в нижеследующих словах описывает, что Димитрий и его любовница сделали с Партеноном.

Он принял Акрополь за трактир.
Он ввел куртизанок в жилище Девы.

Ламиа действительно заставила своего любовника устроить ей спальню в храме Минервы. Сама афинянка, она широко пользовалась властью победителя над своими соотечественниками.

Так, по ее настоянию Димитрий тотчас же по взятии Афин, потребовал с покоренного города контрибуцию в 250 талантов, т. е. 1 300 000 франков. Когда после неимоверных усилий сумма эта была собрана и принесена к ногам победителя, он презрительно отвернулся от золота, сказав: «отдайте его Ламии, это ей на туалетное мыло»! Позор от сознания, что их золото будет истрачено таким образом, был для афинян гораздо тяжелее, чем самый факт уплаты контрибуции, обиднее же всего был самый тон слов Димитрия. И тем не менее после смерти этой куртизанки афиняне воздвигли статую в честь Венеры-Ламии, — лишнее доказательство того, что безнравственность правителей есть не более, как гипертрофированная безнравственность подданных.

Гетеры

Самыми знатными греческими куртизанками были гетеры. В смысле социальном они играли роль теперешних дам из так называемого «высшего света».

Гетеры, как показывает само название (Etaira от корня Ethes — друг, товарищ), были подругами всех выдающихся людей, знаменитых в области философии, литературы, искусства, в военной сфере или, наконец, знаменитых своим богатством. Отношения гетер к знаменитым современникам были достоянием всего общества, и историки очень подробно останавливаются на этих отношениях. Куртизанок, подобных гетерам, мы не встречаем нигде кроме Греции — разве только Франция имела Нинон де Ланко и Марион Делорм, но ни римская культура, ни настоящее время не знает таких. Этих гордых фавориток отнюдь не следует смешивать с обыкновенными проститутками. Первые прикрывают позор своей торговли страстями — нежной дымкой изящества и облагораживают, чуть ли не обожествляют эту торговлю. Благороднейшая страсть, нежное обаяние и блестящий ум — все это объясняет неодолимое обаяние, внушаемое всем гетерам.

Автор «Празднеств куртизанок в Греции» пишет: «Обыкновенные проститутки играют только на чувственных струнах человека, стремясь мгновенно воспламенить его, вызвать в нем обманчивое опьянение скоропреходящей страстью. Чаще всего гетеры были родом из Коринфа, высшей школы всех видов проституток; там научались они не только искусству любви, но и искусству нравиться, музыке, философии и ораторскому искусству. Подобно всем куртизанкам вообще, они посвящали себя культу Венеры и приносили на ее алтарь доходы от своей

«первой любви». Но проституция, прикрытая такой религиозной дымкой, существовала недолго. Скоро гетеры появились в Афинах и других городах Греции. Там они прежде всего добывали средства на окружение своей особы достаточной роскошью, что было необходимо для успеха гетеры. Затем она старалась окружать себя роем поклонников из высшей аристократии крови и ума, так как именно в их среде гетера находила почву для приобретения столь желанного могущества и власти. Таков путь, которым шла гетера, добиваясь видной роли в истории греческой цивилизации. Для достижения своей цели гетеры пользовались не одной только чувственностью, они придавали большое значение как утонченной роскоши окружающей их обстановки, так и гибкости своего ума, что составляло резкую противоположность с простотой, целомудренностью и невежеством греческих жен. Одним — суровые обязанности жены и матери, другим — утехи красивой, удовлетворяющей страстям светской жизни: так установился греческий быт со времен Перикла, который будучи правителем, сам подавал пример чисто царской щедрости и сам отдавался незаконной любви, заражая таким примером своих знаменитых современников Софокла, Эврипида, Аристофана, Фидия, Калликрата и др. Гетеры служили также моделями для художников и скульпторов; они приветствовали поэтов в театре и ораторов в академиях. Они были украшением всякого праздника, всякой военной и гражданской церемонии. Их постоянным местопребыванием были сады Керамики; там критиковали они одних, превозносили других, — стараясь поощрять самые небольшие успехи таланта. В местах общественных прогулок они появлялись обыкновенно на роскошных колесницах, закутанные в драгоценные ткани Востока, блистая красотой и грацией, сверкая драгоценными камнями, напоминая всем видом своим и осанкой неограниченных повелительниц фанатически преданного им народа.

Своим оригинальным, обаятельным и изысканным умом, говорит Дюфур, они создавали вокруг себя атмосферу соревнования в искании красоты и добра, облагораживали вкусы и, зажигая в сердцах огонь любви, содействовали развитию науки, литературы и искусства; в этом была их сила и обаятельность. Очарованные ими, влюбленные поклонники старались сделаться достойными предмета своего поклонения. И вместе с тем именно гетеры были нередко причиной позорных кутежей, расточительности и целого рода других безумств. Под их же влиянием портились нравы, бледнели гражданские доблести, расслаблялись характеры, развращались души; в то же время, именно они внушали благородные мысли, побуждали к

доблестным подвигам патриотизма, вдохновляли поэтов и художников. Перед чарами гетер были бессильны и поэты, и философы, храбрые полководцы, и даже цари. Гетеры приобщались к их славе, к их громкому имени, к их правам на бессмертие в истории. Иногда они, пренебрегая общественным мнением и принципами морали, отдавались охватившей их страсти и сочетались с гетерами законным браком. Философия учит нас, что любовь всегда и везде имела на людей огромное влияние, история же показывает, что никогда сила этого влияния не проявлялась с таким деспотизмом, как тогда, когда предметом любви была какая-нибудь из великих жриц богини любви. Особенно легко поддавались неотразимому влиянию гетер люди выдающиеся — вероятно, потому, что как те, так и другие обладали особенно нежной психической организацией.

Знаменитые гетеры

Аспазия родилась в Милете, этом царстве веселья и куртизанок. Она прибыла в Афины, чтобы распространять там свою философию, свое свободомыслие. Природа наделила ее обаянием, от рождения она имела неисчислимое множество талантов. Она везде появлялась окруженная целым роем прекрасных молодых греческих девушек, принадлежащих к ее школе, богато одаренных умственно и физически, исключительно воспитанных — но таких же гетер, как и она сама. Одаренная редким умом и несравненной красотой, Аспазия со своей свитой прелестных неофиток имела, конечно, огромный успех. И Жоссар вполне прав, говоря, что с появлением этих прелестных, выдающихся во всех отношениях женщин, Афины стали главным центром удовольствий и вообще украшений жизни. В доме Аспазии встречались все выдающиеся люди Греции. Там они обменивались мыслями по самым возвышенным вопросам, разбирали вопросы философии, литературы и искусства. Там можно было встретить не только Сократа, Перикла, Алкивиада, Фидия, Анаксагора и вообще всю мужскую часть высшей афинской аристократии, но даже и самих матрон с дочерьми, забывших ради Аспазии нравы и обычаи своей страны. «Они шли туда, чтобы слушать ее речи, выводить по ним заключения о ее нечестивой жизни, — нечестивой потому, что и она и окружавшие ее девушки торговали своим телом»[47]. Никогда характер королевы не отражался так сильно на поданных, как характер Аспазии отразился на афинянах. Она управляла всеми делами народа, решала мир и войну, разрешала все спорные вопросы искусства и литературы, задавала тон жизни мужчин, была

законодательницей мод для женщин. В ней гетеризм получил свое лучшее выражение, свое высшее торжество. Поэтому историк, говоря о веке Перикла, с полным правом может называть его веком Аспазии. Своей легкомысленной философией она настолько подчинила себе Перикла, блестящего героя Микале, всеми признанного главу республики, что этот последний развелся с женой, чтобы жениться на Аспазии. И вот, куртизанка добилась активного участия в политике Греции и побудила греков ради чисто личных своих интересов пойти войной на Самос, Мегару и Пелопонес. Этими кровавыми войнами греки были обязаны исключительно Аспазии. Жителям Самоса она мстила за их вражду к ее соотечественникам, жителям Милета; с Мегарийцами у нее другие счеты: Алквиад, один из ее любовников, похитил двух гетер из свиты Аспазии. Для того чтобы примирение не состоялось случайно без ее ведома, она лично следила за всеми перипетиями войны, присутствуя на полях битвы со своим летучим отрядом из куртизанок. Эти последние служили Аспазии для сообщения своих приказаний греческим военачальникам, осыпавшим прелестных посланцев золотом и драгоценными камнями. Деспотический характер Аспазии создавал ей очень много врагов, особенно среди женщин. Философия ее была признана безнравственной, а она сама предстала перед ареопагом по обвинению в оскорблении богов. Она неминуемо была бы осуждена, но Перикл лично явился в судилище и слезами и мольбами смягчил сердца судей и спас ее таким образом от жестокой кары. После смерти Перикла она не оставила своей профессии куртизанки и сохранила еще достаточно сильное влияние для того, чтобы дать возможность одному из своих любовников, богатому и молодому Лизаклу занять видное положение в республике.

Фрина была родом из беотийского города, Фесписа, посвященного музам. Тогда как Аспазия искала успеха в широких массах, дорожила своими триумфами в общественных собраниях, — Фрина держалась вдали от света и жила уединенно. Горячо любя искусства, она посещала, однако, исключительно студии Апеллеса и Праксителя, благодарной любовницей которых она была в одно и то же время; благодарной за то, что только создание этих великих художников Греции сделали известной дивную красоту Фрины.

Она гордилась тем, что позировала великому художнику и служила моделью не менее знаменитому скульптору для его лучших статуй Венеры. Тело ее было совершенным образцом женских форм по чистоте и гармоничности линий. «На Елевзинских мистериях, говорит Дюфур, появлялась она как

богиня на портике храма, спускала с плеч свои одежды перед лицом всей восхищенной, замиравшей от восторга толпы; затем она скрывалась за пурпурной завесой. На празднествах в честь Нептуна и Венеры она также сбрасывала свои одежды на ступеньках храма, и прикрывая наготу своего сверкавшего на солнце прекрасного тела длинными, черными как смоль волосами, она шла по направлению к морю, среди расступившейся с благовением толпы, приветствовавшей ее единодушными криками восторга. Затем, в честь Нептуна Фрина погружалась в волны и выходила из воды, как рожденная из морской пены Венера. Она ложилась на минуту на песок, чтобы осушить воду, стекавшую с ее упругого тела, выкручивала влажные волосы — и была так прекрасна, что казалось, это вторично родилась сама Венера. Проходил момент триумфа и Фрина, провожаемая шумными кликами восторга, незаметно исчезала и снова надолго уходила в свое обычное уединение. Но тем эффектнее было каждое ее появление, тем более восторженны были рассказы об успехах куртизанки, переходившие из уст в уста. И с каждым годом увеличивалось число любопытных, исключительно ради Фрины желавших присутствовать на Елевзинских таинствах и на празднествах в честь Нептуна».

Успехи феспийской гетеры были слишком громки для того, чтобы несчастье, как удар грома, не подстерегало ее. И действительно кто-то из отвергнутых обожателей обвинил ее в нечестии — и она предстала перед судом неумолимого ареопага. Смертный приговор был уже предрешен в принципе, обвинитель кончал уже свою речь, в которой обвинял Фрину в профанации елевзинского культа, в развращении граждан, как вдруг подымается молодой оратор и протягивает руку по направлению к Фрине, желая этим показать, что он принимает на себя ее защиту. Это был Гиперид, когда-то пользовавшийся расположением Фрины; он пылко доказывает невинность своей бывшей любовницы. Но бесстрастный трибунал непреклонен и готов уже вынести смертный приговор. Тогда Гиперид быстрым движением подводит знаменитую куртизанку к барьеру, срывает с нее одежды, и она обнаженная предстает во всей своей художественной дивной красоте пред лицом изумленных судей. Он требует оправдания для Фрины во имя эстетики, во имя совершенства формы, которое греки всегда высоко ценили. И обвинение было отвергнуто, и преследование Фрины прекращено.

Надо ли прибавить, что Фрина не замедлила представить несомненные знаки благодарности своему красноречивому защитнику. С того времени она начинает вести себя осторожнее и не отказывает в благосклонности разным представителям высшей

власти в Афинах, — предосторожность, безусловно необходимая для того, чтобы никогда больше не быть обвиненной в нечестии и неуважении к богам. Богатства ее были тогда неисчислимы, она воздвигает несколько храмов и других зданий в Коринфе. Она предлагает феспийцам восстановить их разрушенный город на свой счет, с одним лишь условием, именно, чтобы на стенах его было начертано: Александр разрушил Феспис, а Фрина выстроила его вновь. Но соотечественники ее гордо отказались от предложенного золота, на том основании, что оно было приобретено Фриной путем проституции. После ее смерти Праксителем была высечена из чистого золота ее статуя, которую поместили в храме Дианы в Ефесе[48].

Лаиса прославилась как своим умом, так и своей несравненной красотой. Еще ребенком она была захвачена в плене Никием во время одного из его походов, привезена из Сицилии в Афины и продана в рабство художнику Апелессу, который первый посвятил ее в тайны любви. Через несколько лет, освободившись от рабства, Лаиса отправилась в Коринф, постигла там науку гетеризма и поселилась в этом городе навсегда; сюда отовсюду стекались к ней жаждущие ее благосклонности богатые чужеземцы, платившие ей за любовь баснословные деньги. Демосфену случилось узнать об этом по ее безумным тратам. Несмотря на репутацию знаменитого оратора, какой заслуженно пользовался Демосфен, Лаиса потребовала с него 10 000 драхм за одну ночь.

«Я не покупаю раскаяния такой дорогой ценой», отвечал ей знаменитый Афинянин, в кошелке которого не было и десятой части этой суммы. Назло Демосфену Лаиса предложила себя Ксенократу, одному из учеников школы Платона, но тщетно пыталась она прельстить сурового философа всеми своими чарами, напрасно пыталась она пробудить его страсть своими ласками и сладострастными объятиями. Ксенократ не поддавался никаким чарам. «Я взялась пробудить страсть в человеке, а не в статуе», сказала Лаиса. Не более повезло Лаисе и у Евбата, одного из победителей на олимпийских играх. Этот молодой человек решил остаться верным своей любви к одной девушке из Сирены и отклонял все настойчивые домогания Лаисы. В своей любви Лаиса была очень капризна: она очень любила контрасты. Одновременно она была любовницей изящного спиритуалиста Аристиппа и грубого циника Диогена, которому она отдавалась чуть ли не публично. В ее присутствии оба философа старались обратить друг друга в свою веру, но безуспешно. Их аргументы только еще сильнее укрепляли в Лаисе жажду эклектизма в любви.

Плутарх рассказывает о ее смерти следующее. Лаиса покинула Коринф, чтобы последовать за любимым ею юношей в Фессалию; но там завидовавшие ее красоте фессальские женщины умертвили ее. Коринфяне, в благодарность за ее чисто царскую щедрость к их городу, воздвигли в ее честь памятник, изображавший львицу, разрывающую на части барашка. Говорят также, что на ее могиле, на том самом месте, где она была убита, была построена гробница с следующей эпитафией: «Славная и непобедимая Греция была покорена божественной красотой Лаисы. Дитя любви, воспитанная Коринфской школой, она отдыхает на цветущих полях Фессалии». Было бы странно, конечно, если бы никто из французских поэтов не увековечил Лаису в своих стихах, и у Вольтера мы находим перевод обращения Лаисы к Венере, к подножию статуи которой она кладет свое зеркало, чувствуя наступление старости. В своем сборнике эпиграмм, известном под именем «Греческой Антологии», поэт вкладывает в уста Коринфской гетеры такие слова:

> Я даю его (зеркало) Венере, потому что она всегда прекрасна,
> Оно слишком усиливает мою печаль,
> Я больше не увижу себя в этом верном зеркале
> Ни такой, какой я была, ни такой, какова я теперь.

Великие люди и гетеры

Большая часть гетер обязана своей славой знаменитым своим современникам, которые оказывали им покровительство. Среди таких гетер мы назовем следующих:

Герпилис была любовницей Аристотеля, от которого у нее родился сын. Родоначальник философии сделал ее еще при жизни своей единственной наследницей.

Лагиска. Учитель красноречия Исократ, друг Филиппа, царя Македонского и соперник Демосфена, не сумел противостоять чарам этой прекрасной девушки.

Мегалострата — восприняла эротическую философию Алкмана, предшественника Гомера, который злоупотреблял половыми наслаждениями и впоследствии заболел питириазисом.

Леонция. Афинская гетера, последовательница и любовница Эпикура, прославилась своим красноречием; ею страстно увлекся поэт Гермасианакс; пользуется известностью ее горячая полемика с философом Теофрастом.

Таиса. Когда Александр взял Афины, Таиса, афинская гетера, покорила его своей красотой и последовала за ним в Азию. Она участвовала в знаменитой оргии Александра, после которой победитель предал Персеполис огню. Затем Таиса стала любовницей Птоломея, впоследствии царя Египетского. Птоломей включил ее в число своих законных жен и прижил с ней троих детей.

Вакхис. Эта верная любовница оратора Гиперида была известна своим бескорыстием и добротой. Ее называли «добрая Вакхис». Гиперид пишет, что Вакхис облагородила имя куртизанки.

Теодетта нежно любила блестящего Афинского полководца Алквиада и благоговейно воздала ему погребальные почести.

Гликерия. Менандр посвятил ей лучшую из своих комедий. Она часто говорила: «Я предпочитаю быть королевой Менандра, чем владычицей Тарза» — города, в котором она, окруженная царской роскошью, жила на содержании у правителя азиатских провинций.

Агафоклея безраздельно владычествовала над Птоломеем Филопатором и перевернула вверх дном все его государство.

Археанасса подобно Нинон пользовалась любовью до глубокой старости. Платон любил ее, забывая ради нее суровые принципы своей философии. Говорят, что он посвятил ей следующие стихи:

Прекрасная Археанасса достойна любви,
Лицо ее покрыто морщинами,
Но рой амуров играет в них.
Вы, которые видели ее, когда жестокое время
Не причинило еще такого урона ее красоты,
Да не будет вам теперь тягостен ее вид.

Аристагора — коринфская куртизанка, любовница Димитрия Фалерского. Этот последний, назначенный гиппархом на празднества Панафиней, приказал воздвигнуть для своей любовницы трон выше статуи Гермеса. На открытии Елевзинских таинств он поместил ее у самого входа в святилище. Димитрий за свою расточительность был вызван на суд ареопага: «Я живу, как и подобает жить человеку благородного происхождения, сказал он. Если моя любовница одна из прелестнейших женщин Греции, это еще не оскорбляет ничьей чести. Я пью хиосское вино, веду рассеянный образ жизни, но я трачу только свое состояние. Я не занимаюсь ни мздоимством, ни прелюбодеянием, как некоторые из вас, господа судьи», и он назвал при этом некоторых из судей

трибунала. После этой речи Антигон назначил Димитрия тесмотетом.

Бедион — разорила поэта Антагара и очень разбогатела. Симонид написал на Бедион и двух ее подруг следующую едкую эпиграмму:

Бегите, бегите,
Нимфы, от этих опасных берегов,
У которых живет сирена,
Жадная, как морской разбойник.
Любовники Бедион и Таисы
Могут рассказать вам о том, как они их обобрали;
Они плачут, они разорены,
Идите, взгляните на картину их ужасных бедствий!..

Клеонисса написала несколько, не дошедших, впрочем, до нас работ по философии. Она погибла случайно, пораженная кинжалом Павзания, в покой которого она пошла ночью без предупреждения.

Мания — ее называли пчелкой за необыкновенно тонкую талию. Вся внешность ее и осанка отличались необыкновенной грацией, голос — мелодичностью. Ее окружало множество поклонников, как соотечественников, так и чужеземцев. Греки называли ласки ее любви «сладким безумием». Димитрий попросил ее однажды дать ему возможность взглянуть на ее скрытые прелести, которым могла бы позавидовать сама Венера. «Любуйся, благородный сын Агамемнона», сказала она, оборачиваясь к Димитрию и пародируя стихи Софокла, «прелестями, которые всегда были предметом особого твоего поклонения». Она изменила своему любовнику Леонтику ради двух молодых людей, приняла их в одну и ту же ночь и отдалась одному вслед за другим, так чтобы они этого не знали. «Мне любопытно было узнать, говорит она по этому поводу, как в эту ночь поведут себя со мной два молодых атлета — оба победители на олимпийских играх».

Мильто, которую называли восточной Аспазией, родилась в Фокиде и отличалась в такой же мере красотой, как и скромностью. История ее такова: она была похищена одним Сатрапом и отвезена в Сарды во дворец: Кира, где евнухи поместили ее в отделение царских жен. Плачущая Мильто ясно представляет себе ожидающую ее судьбу. С негодованием отвергает она принесенное ей в дар ожерелье; она с молитвами обращается к богам и родителям своим, умоляя о мщении. Ее схватывают и ведут в залы пиршества. Кир находится в состоянии

полного опьянения. Мильто борется со всеми покушениями на свою честь, но затем, когда Кир для достижения своей цели прибегнул не к насилию, а к ласке — она уступила. Кир предложил ей щедрые дары, но она ответила ему следующими, необычными в устах куртизанки, словами: «эти щедрые дары принадлежат твоей матери Парисатиде, эти деньги и ценности — твоему народу. Мне же принадлежат сокровища твоего сердца». Мильто воздвигла золотую статую Венеры, которую считала своей покровительницей. После смерти побежденного Кира Мильто попала в плен к победителю Артаксерксу, который пленился ею и сделал ее своей любовницей, но Мильто не сумела полюбить своего нового властелина который одновременно пылал страстью к прелестной Мильто и к отвратительному евнуху.

Леена — гетера-философ, любовница Гармодия, составила с ним заговор против тирана Гиппия. Пытками хотели вырвать Леены имена ее сообщников. Не чувствуя в себе достаточно сил, боясь выдать тайну, Леена зубами перегрызает свой язык и бросает его в лицо своим мучителям. В ее честь был воздвигнут возле афинской крепости медный памятник, изображающий львицу с раскрытой пастью, без языка.

Таргелия отказалась предать свою родину Ксерксу. Она была любовницей чуть ли не всех греческих полководцев и как пишет Плутарх, стала, благодаря своему уму и красоте — королевой Фессалии.

Пигарета — была любовницей знаменитого философа Стильпона из Мегары. Сама отличный математик, она питала особую склонность ко всем, занимающимся этой наукой.

Теорида — отдала свою любовь престарелому Софоклу. Демосфен с целью отомстить ей за пренебрежение, добился того, что она, в качестве жрицы храма Венеры и Нептуна, была приговорена к смерти по ложному обвинению в оскорблении божества.

К Теориде же относился написанный престарелым Софоклом «Гимн Венеры»: О, богиня, внемли моей мольбе! Сделай Теориду нечувствительной к ласкам юношей, которым ты так покровительствуешь. Удели часть своего обаяния моей седине, сделай, чтобы Теорида предпочла им всем старца. Силы его, правда, уже истощены, но уму его не чужды еще юные порывы.

Теодота пылко любила Сократа, который называл себя мудрым советником в любви, sophos ta erotica, и другом женщин. Влюбленный в Теодоту, Аристофан, желая отомстить своему счастливому сопернику, обвинил его в том, что он развращает юношество и вводит новые божества. Сократ был присужден к смерти и погиб от цикуты, но его смерть нисколько не подняла

шансов Аристофана у прекрасной куртизанки.

Гнатена, замечательная своим умом и красноречием, долго была тиранической любовницей поэта Дифила. По примеру философов, вывешивавших в своих школах программу своих философских учений, Гнатена вывесила в своей передней шуточные правила в стихах о законах любви и о том, как вести себя в ее доме.

Питиониса знаменита царской роскошью, которой окружил ее Гарпал, представитель Александра в Вавилоне.

Сциона, **Сатира**, **Ламиа** и **Наниона** — впрягались однажды в колесницу Фемистокла. Можно назвать еще целый ряд куртизанок, охотно даривших свою благосклонность как знаменитым поэтам, ораторам и ученым, так и просто людям знатного происхождения и богачам.

Противоестественная любовь в Греции

Педерастия и Содомия

Испорченность азиатских нравов, выразившаяся в противоестественной любви мужчин и женщин, распространилась в Греции вместе с культом идолов и приняла характер извращения человеческих чувств и чувственности. Культ Венеры и женская проституция отчасти задержали склонность греков к этому пороку, свойственному восточным народам, и в частности, лидийцам, сирийцам и финикиянам. Первые законодатели Греции, Дракон, Солон и др., прилагали все старания к подавлению гибельных последствий противоестественной любви и особенно заботились о защите детей от покушения взрослых. В своей речи против распутного Тимарха Эсхин обращается к судьям со следующими словами:

«Мы обязаны вверять своих детей только таким учителям, которые отличаются чистотой нравов и мудростью. Но законодатель не удовлетворяется такой предосторожностью и точно обозначает час, когда свободнорожденное дитя должно отправляться в школу и возвращаться оттуда. Закон, оберегая детей от хождения по улицам в потемках, запрещает учителям и начальникам училищ открывать школу до восхода солнца и закрывать их обязывает до заката. Для участия детей в празднествах Вакха закон устанавливает возраст не менее 14 лет, т. е. возраст наступления зрелости. По мысли законодателя ребенок должен получить хорошее воспитание и дать полезного отечеству гражданина. Но если природные свойства с самого начала испорчены порочным воспитанием, то, выросши, дети могут превратиться только в испорченных граждан, подобных Тимарху. Законодатель установил еще одну меру, имеющую целью защиту детей, — я разумею закон о проституции. Установлены самые суровые наказания за проституирование свободнорожденного ребенка или женщины. Что еще существует у нас в этом отношении? Существует еще закон об изнасиловании, — выражение, объединяющее всевозможные преступления этого рода. Закон гласит совершенно определенно, что всякий, кто тяжко оскорбит (растлит, купит для своих удовольствий) ребенка, мужчину, женщину, свободнорожденного или раба, всякий, кто воспользуется другим человеком для преступных наслаждений, подлежит телесному наказанию».

Далее, Эсхин напоминает судьям закон против мужчин,

которые сами занимаются проституцией; закон этот гласит: «Кто из афинских граждан занимается развратом для удовольствия других, не может быть избран в число архонтов; он не может быть жрецом, не может выступать на суде, не может быть должностным лицом ни в городе, ни вне его, ни по жребию, ни но избранию, он не может быть вестником или послом на войне. Он лишен права участия в сенате и права голоса в народном собрании». Все эти предосторожности, принятые законодателем, показывают, как сильно было тяготение греков к противоестественному пороку. Действительно, несмотря на всю суровость законов, Афины почти в такой же степени прославились своей педерастией и педофилией, как Коринф своими трибадами. Аристофан всвоей написанной против Сократа комедии «Облака», говорит: «Прежде мальчикам разрешалось приходить в театр только в длинном, доходящем до ляжек платье, которое не показывало бы посторонним ничего нескромного; вставая, он никогда не забывал позаботиться о том, как бы не обнажить какой-либо часта своего тела и не вызвать этим в ком-либо желаний». Греческие историка рассказывают, что вблизи гимназий и палестр нередко находились лавочки цирульников, pogonokouureion, парфюмеров, muropoleia, менял, trapedzai, ремесленников, ergateroi, а также бани, balaneia; все эти заведения служили для свиданий активным и пассивным педерастам. Судя по речи Эсхина, педерастия и содомия практиковалась публично в глухих и отдаленных частях города, а особенно на площади Пникс, расположенной перед Акрополем. Этот порок за который в Спарте, по свидетельству Платова и Ксенофонта, подвергали бесчестию, изгнанию и смерти, далеко не везде встречал подобное отношение; так в Эолии и Беотии он не только допускался, но вполне признавался законом. Порок этот был настолько распространен в Халкиде, Эвбее, Хиосе и на островах Архипелага, что названием этих местностей иногда пользовались для образования синонимов глагола paiderastein, заниматься содомией. По Розенбауму, греки видели в педерастии не более, как необычную страсть, особую форму распущенности, akolasia. Для некоторых педерастов находили, быть может, доводы, которые как будто даже оправдывали их странные вкусы, и в подобном способе наслаждения видели не более, как средство утолить страсть, нечто вроде figura veneris, которая приближалась к онанизму. Но по отношению к пассивному педерасту подобного оправдания не было, потому что тогда еще не знали, что prurigo ani impudicus является физической причиной пассивной педерастии. По-видимому, на пассивных педерастов смотрели как на людей, поддавшихся болезненному влиянию извне.

Противоестественные отношения встречались не только среди низших классов, но также среди аристократии. Одна гетера, по имени Нико, известная ироническим направлением своего ума, беседовала однажды с Демофоном, «мальчиком» Софокла. Демофон попросил у нее позволения удостовериться в том, что она сложена как Venua Callipyge. «Какое ты хочешь сделать из этого употребление, презрительно спросила его гетера: не нужно ли тебе это для Софокла?»

Другой пример противоестественной любви мы находим в истории страсти Сократа к Алкивиаду, которую некоторые комментаторы считают чувством чисто платоническим и в которой они видят только проявление неумеренной педофилии. Но, как бы мы ни смотрели на эти отношения, во всяком случае в диалоге Платона между Аспазией и Сократом вовсе не подтверждается мнение о полной целомудренности и чистоте отношений философа к Алкивиаду. Вот что мы читаем в этом диалоге:

«— Сократ, я ясно читаю в твоем сердце: оно горит любовью к сыну Диномаха и Линии. Послушай, если ты хочешь, чтобы прекрасный Алкивиад ответил тебе взаимностью, доверься моим дружеским советам.

— О, дивные речи! О, восторг! — воскликнул Сократ: — холодный пот выступил на моем теле, мои глаза наполнились слезами.

— Перестань вздыхать, — прервала его она; — проникнись священным энтузиазмом; пусть поднимется твой дух на божественные высоты поэзии: это чарующее искусство откроет тебе двери его души. Поэзия очаровывает душу; ухо есть путь к сердцу, а сердце открывает путь ко всему остальному.

Что же ты плачешь, дорогой мой Сократ?

Неужели вечно будет смущать твою душу эта любовь, которой, точно молнией, обжег тебя этот бесчувственный юноша?

Верь мне, я вымолю у него более благосклонное отношение к тебе».

Как следует назвать эту любовь мужчины к юноше? Моралисты говорят что противоестественные пороки возникали в Греции из известного рода связей, которые вначале не заключали в себе ничего дурного, но впоследствии неизбежно приводили к бесчестным поступкам. Приписываемый Лукиану «Диалог любви» дает другое объяснение любви к мальчикам. Здесь два лица, в окрестностях храма Книде, спорят друг с другом: один говорит о любви к женщинам, другой о любви к мальчикам. Каждое из действующих лиц, Харикл и Калликратид, приводят аргументы в доказательство своего мнения. Мы рассмотрим те и другие:

— Харикл. Твоя жертва страдает и плачет в твоих ненавистных объятиях; если разрешить подобные гнусности между мужчинами, то надо разрешить и женщинам Лесбоса их разврат.

— Калликрадит. Львы не совокупляются со львами, говоришь ты? Это потому, что львы не занимаются философией.

Утром, вставши с постели, женщина похожа на обезьяну; старухи и служанки, одна за другой, точно в процессии, приносят ей принадлежности и косметики для туалета, серебряный таз, кувшин, зеркало, щипцы для завивки волос, притирания, стеклянки с зубным эликсиром и мази для зубов, карандаши для ресниц, духи для волос; можно подумать, что здесь лаборатория аптекаря. Одна половина волос вьющимися кольцами спускается на лоб, другая рассыпается по плечам.

Обувь ее стянута так тесно, что шнурки врезываются в тело; она не столько одета, сколько плотно облечена в прозрачное платье, которое позволяет видеть все; она навешивает на уши драгоценный жемчуг, надевает браслеты в виде золотой змеи; украшает голову короной из алмазов и индийских драгоценностей; длинное ожерелье спускается с ее шеи; на ней красные башмачки с позолоченными каблуками, свои бесстыдные щеки она красит румянами, чтобы скрыть их бледность. Нарядившись таким образом, она уходит на поклонение богиням, неведомым ее мужу и гибельным для него. Это поклонение сопровождается очень подозрительными обрядами и таинствами. Потом она возвращается и после продолжительной ванны выходит к роскошному столу; она обедает яствами, она пробует решительно все блюда. Потом ее ждет пышная постель; она предается не сну, а скорее каким-то неизъяснимым сновидениям, а когда она встает с своего мягкого ложа, нужно уже спешить в ближайшие термы.

Теперь посмотрим что делает юноша.

Он встает до зари, окунается в чистую воду, изучает правила мудрости, играет на лире, упражняет свою силу ездой верхом на фессалийском скакуне или метанием дротика. Можно ли не быть другом подобного юноши? Любовь была посредницей в дружбе Ореста и Пилада; вместе плыли они по житейскому морю: как это прекрасно — находить побуждение к героическим подвигам в троякой общности: удовольствия, опасности и агавы! Души тех, кто любит такой небесной любовью, обитают в царстве божества и любовники этого рода получают после смерти высшую награду за свою добродетель. По выражению Шатобриана, Калликрадит выразил здесь мнения Платона и Сократа, считавшегося мудрейшим из людей.

Интересно отметить, как Лициний отнесся к спору Харикла и Калликрадита: он полагает, что женщин нужно предоставить людям обыкновенным, для философа же существует любовь юношей. Другой из присутствующих при споре судей, Тефмнест, «смеется над мнимой чистотой любви философов и заканчивает свои слова столь откровенной картиной разврата, которую неловко читать даже на греческом языке». Все это приводит Шатобриана к следующему выводу: величайшие люди Греции находились во власти этой дикой страсти к мальчикам. Солдаты Александра краснели от того, что этот царь делал с евнухом Багоасом. Другой факт. В диалоге Лукиана «Куртизанки» Хелидонион предлагает Дрозу написать углем в стене Керамики: Aristenet corrupit Chnias. Этот Аристенет — философ, похитивший Клиния и Дроза. Таковы были нравы у греков! Поэты воспели противоестественные связи богов, любовь Миноса к Тезею, Лайля к Хризиппу. Философ — перипатетик Иерононим восхвалял педерастию и «фивский легион», а Агнон — считал вполне естественным существование в Спарте проституции обоих полов до брака.

Следующий любопытный отрывок из Диона Хризостома покажет нам, какое громадное распространение получила педерастия у жителей Тарса; из этого же отрывка мы можем судить, какой ужас представлял собой этот порок на Востоке. Вот что пишет Дион: «Небезынтересно будет упомянуть о следующем важном обстоятельстве: очень многие подверглись болезни, которая раньше, кажется, встречалась гораздо чаще у других народов, чем у вас. Вы спросите, что это за болезнь. — Я не мог бы выразить это ясно, но тем не менее вы конечно легко угадаете ее…

«Но не думайте, что я говорю о чем-то таком, что держат в тайне, скрывают; нет, факты говорят сами за себя. Иногда люди ходят и разговаривают и в то же время спят, хотя кажется, что они бодрствуют. В данном случае совсем другое; это люди храпят, — лучшее доказательство, что они в самом деле спят. Я не могу выразиться яснее, если хочу остаться приличным. Впрочем кто спит, тот избавлен от несчастий, этот же порок клеймит, покрывает позором весь город. Эти люди — самое тяжкое бесчестье для отечества и вы должны были бы изгнать их из страны, как следовало бы изгнать их отовсюду. Закон грозит им всевозможными карами, отдает их всеобщему презрению и, тем не менее, их встречаешь везде и всюду. Этим порокам заразились и мальчики и юноши. Они еще не потеряли целомудрия, но приучились смотреть на этот порок, как на вещь почти обыкновенную; и хотя они еще удерживаются от поступков, но

уже сильно желают их. Во всем городе раздаются стоны, на прогулке везде слышишь скорбь и жалобы. Обыкновенно стон есть выражение горечи, но тот стон, котором я говорю, это нечто другое, — это результат самого ужасного бесстыдства. Без всякого сомнения лучше даже иметь сношения с несчастными женщинами, чем с педерастами. Если слушать постоянно игру на флейте невозможно, если жить постоянно на скале, оглашаемой пением сирен, невыносимо, то что должен испытывать честный человек, находясь постоянно в атмосфере уродливых хриплых стонов? Человек, который проходя мимо дома, услышал бы оттуда эти звуки, подумал бы, конечно, что это дом терпимости, но что сказать о городе, где эти звуки раздаются повсюду каждый час, каждую минуту? Педерастией занимаются на улицах, в домах, публичных местах, театрах и гимназиях. Мне еще ни разу не пришлось слышать, чтобы флейтист с самого утра начинал играть на своем инструменте, между тем, как страшная музыка педерастов начинается уже с рассветом. Быть может то, что я скажу сейчас, не стоящий внимания пустяк, но я не боюсь упреков и выскажу спою мысль, когда вы отвозите в тележках овощи на базар, вы по дороге обращаете внимание только на количество белого хлеба, свежей или соленой говядины; — уделите же когда-нибудь немного внимания и тому ужасу, о котором я рассказываю. Если бы кто-нибудь пришел в город, гае на пороки можно указывать пальцами, что он сказал бы о подобном месте?

«Что вы сказали бы, если бы все в этом городе ходили, приподняв платье, как ходят по грязи? Неужели вы не знаете что в вашем позоре, вам незнакомо чувство стыда, вы не знаете, что дает право врагам вашим презирать вас? Kerchidas? Вы, видимо, не интересуетесь тем, что о вас говорят другие и предпочитаете продолжать свое занятие.

«Поистине ужасно, на мой взгляд, даже опаснее чумы та болезнь, которую мы замечаем у некоторых лиц из простонародья, болезнь, придающая им женский голос; благодаря ей голос юноши и старика теряет свою мужественность. Естественный звук женского голоса никому не доставляет удовольствие; другое дело голос андрогин, наложников и субъектов с вырезанными половыми органами; женский тембр голоса им присущ, хотя бывает не всегда и не у всех; это — их характерный признак. Поэтому, если бы кто-нибудь, не видя вас, захотел определить какого вы рода человек и чем вы занимаетесь, судя исключительно по тембру вашего голоса, то ему легко было бы это сделать: он узнал бы в вас людей годных только на то, чтобы быть пастухами быков и баранов; он не назвал бы вас потомками героев, каковыми вы себя считаете; он сказал бы, что

вы — греки, превзошедшие финикиян в пороках сладострастия. Что до меня, я думаю, что добродетельному человеку, находящемуся в подобном городе, остается сделать тоже, что он сделает, проходя мимо сирен, т. е. заткнуть себе уши воском; в последнем случае он рискует своею жизнью, а в первом — ему грозит опасность бесчестия и самого низкого разврата. Когда-то у вас процветала звучная дорическая музыка, и музыка фригийцев и лидийцев; теперь же вам нравится только музыка аркадская и финикийская. Ритм последней вы предпочитаете всякому другому, как будто носом можно издавать приятные звуки; ритм этого рода необходимо должен сопровождаться кое-чем иным. «Вам известно, что местная болезнь поразила ваши носы также точно, как у других были поражены небесным гневом отдельные части тела, как например руки, ноги, лицо. Говорят, что Афродита, желая наказать женщин Лесбоса, послала им болезнь подмышечной области, так вот таким же образом Божий гнев истребил носы большей части из вас; в этом-то и лежит причина этого странного звука, странной интонации вашего голоса; ибо от какой иной причины мог бы этот звук появиться? Это признак самого постыдного распутства, дошедшего до исступления, до презрения всякого понятия нравственности. В этом удостоверяет ваша речь, ваша походка, ваш взгляд».

Эта болезнь носа напоминает нам об изъязвлении сифилитических папул на слизистой оболочке носа и последовательном разрушении носовых костей; о той же болезни упоминает Аммиан Марцелл в своей характеристике римских нравов[49]. Aut pugnaciter aleis certant, turpi sono fragosis naribus introrsum reducto spiriru concrepantes.

Чтобы узнать педераста, достаточно было слышать его голос. Аристотель[50] характеризует его следующими чертами: «У педераста угрюмый взгляд, движение рук вялые, во время ходьбы ноги его заплетаются, глаза бегают. Таков, например, был софист Дионисий». В свою очередь Полфмон[51] говорит об андрогине следующее: «Взгляд у него утомленный, сластолюбивый; он вращает глазами, необыкновенно беспокоен; у него нервные подергивания лба и щек, судорожные сокращения век; шея наклонена на бок, ляжки в постоянном движении; колени и руки кажутся согнутыми; взгляд устремлен прямо вперед. Он говорит высоким резким и дрожащим голосом».

Филон, философ школы Платона, рассмотрев законы Моисея о блуде, дает очень точную симптомотологию педерастии, которую мы считаем нужным привести здесь. Вот что он говорит: «Другое зло, большее нежели то, о котором я только что говорил, распространилось в разных государствах; это зло — педерастия.

Когда-то считалось чуть ли не постыдным одно произнесение этого слова; теперь же это предмет гордости не только для тех, кто ею занимается, но и для тех, которые поражены болезнью Nosos theleia; болезнь эта лишает их всех мужских свойств и делает их в высшей степени похожими на женщин. Для довершения сходства они заплетают и причесывают волосы, разрисовывают и красят лицо белилами, румянами и тому подобными снадобьями; натирают себя благовонными маслами, так как в приятном запахе они более всего нуждаются; придавая большое значение внешнему блеску, они не стыдятся искусным образом превращать мужчину в женщину. Мы должны строго поступить с этими людьми, если хотим следовать естественным законам природы; их нельзя более оставить существовать ни одного дня, ни одного часу, потому что они не только позорят самих себя, но всю свою семью, отечество и весь человеческий род.

Педераст должен быть подвергнут этой каре потому, что он стремился к противоестественным наслаждениям и не принимает никакого участия в увеличении народонаселения, ибо уничтожает в себе саму возможность продолжать род и содействует распространению двух величайших пороков: бессилия и расслабленности. Благодаря педерастии юноши наряжаются, чтобы стать похожими на женщин. Она расслабляет людей в цветущем возрасте, вместо того, чтобы способствовать развитию в них сил и энергии. Наконец она, подобно плохому земледельцу, оставляет под паром глубокую, плодородную почву и делает ее бесплодной. Педераст и днем и ночью обрабатывает такую почву, от которой он заведомо не может получить никаких плодов. Я думаю, это происходит от того, что во многих странах существуют назначенные цены для удовлетворения похоти педераста».

В другом месте Филон, говоря о жителях Содома, сообщает, что «если у них появлялись дети, они предавались педерастии и наживали Nosos theleia — порок, против которого все меры были напрасны: сколько было сил они развращали человеческий род».

История педерастии в древнее время заставила уже Старка смотреть на этот порок, как на Vitium corporis или effeminatio interno morboso corporis statu procreata. Патологии нового времени считают этот порок видом сознательного эротического помешательства и видят в нем только извращение полового инстинкта. Они даже различают два вида педерастии: врожденную и приобретенную.

Природная педерастия есть следствие первичного помутнения рассудка. Вторая происходит отчасти от порочных привычек, как, например, разврат или пьянство, частью же от

некоторых болезней, как например общий паралич у стариков, или болезни мочеполовых органов, в частности, воспаление мочевого пузыря[52].

Общий разврат породил не только педерастию, он научил людей всем видам распутства и посвятил их в те пороки, которые греки определили общим именем lesbiazein, т. е. подражать Лесбосцам.

По этому поводу следует прочесть обращение Лукиана[53] к гнусному Тимарху, грязным развратом осквернявшему свой рот.

«Отчего же ты неистовствуешь, ибо народ еще говорит, что ты fellator и cunnilingus, т. е. называет тебя словами, которые ты, по-видимому, так же мало понимаешь, как и apophras. Быть может, ты принимаешь их за выражение почета? Или же привык к первым двум, а к третьему нет, и потому хочешь вычеркнуть из своих титулов тот, которого не понимаешь?

«Я прекрасно знаю, что ты делал в Палестине, в Египте, в Финикии, в Сирии, а потом в Элладе и в Италии, и то, что ты теперь делаешь в Эфесе, где собираешься достойно увенчать свои подвиги.

Но тебе никогда не удастся убедить своих сограждан в том, что ты не возбуждаешь у всех их презрения, что ты — не позор всего города. Вероятно, ты возгордился тем мнением, которое о тебе составилось в Сирии, где тебя не обвиняют ни в одном преступлении, ни в одном пороке? Но, клянусь Гермесом, вся Антиохия знает случай с молодым человеком, пришедшим из Тарса, которого ты опозорил; впрочем, мне, пожалуй, не подобает разглашать о подобных вещах. Во всяком случае, все присутствовавшие при этом очень хорошо помнят и знают все это, так как видели, как ты стоял на коленях и делал то, что ты сам хорошо знаешь, если не забыл.

А о чем думал ты, когда тебя вдруг увидели распростертым на коленях у сына бочара Ойнопиона? Неужели же ты думаешь, что и после подобных сцен о тебе не составилось вполне определенное мнение? Клянусь Юпитером, я недоумеваю, как ты, после таких деяний, смеешь целовать нас? Уж лучше поцеловать ядовитую змею, потому что в этом случае можно позвать врача, который сумеет по крайней мере устранить опасность от ее укуса; а получив поцелуй от тебя, носителя столь ужасного яда, никто не посмел бы приблизиться когда бы то ни было к храму или к алтарю. Какой бог согласился бы внимать мольбам такого человека? Сколько кропильниц и треножников нужно было бы ему поставить?».

Наряду со словом lesbiazein, обозначавшим порок Fellator, употреблялось слово phoinikizein, под которым разумелось

постыдное занятие cunnilingus'a, бывшее в ходу в Финикии. По словам Розенбаума, презрение к стыду у этих людей доходило до того, что мужчины имели сношения с женщинами и девушками в период месячных очищений; этот факт имеет, между прочим, большое значение с точки зрения происхождения сифилиса.

Этот порок, часто называющийся skulax (так как им занимались собаки), получил в Греции большое распространение, о чем свидетельствуют эпиграммы Аристофана, не побоявшегося выставить его в своих комедиях[54], некоторые отрывки из греческой антологии[55] и, наконец, исследования Галена[56].

Женоложство. Сафизм

Существует предположение, что степень развращенности мужчин данного народа соответствует еще большей степени развращенности женщин того же народа. Это — во всяком случае спорное утверждение. Не подлежит сомнению, что лесбийская любовь в высокой степени процветала в Греции, но была

незнакома женам и дочерям афинских граждан, которых (т. е. жен и дочерей) добродетельный законодатель запер в гинекеи (женские терема у греков). Эти женщины, которым были незнакомы возбуждение и чувственность, были устранены законодателем из светской жизни и получили намеренно узкое и более чем ограниченное воспитание и образование. С другой стороны, знатные куртизанки, музыкантши, танцовщицы, просвещенные гетеры, философы, поэтессы, риторики — все они со страстью предавались азиатскому пороку. В своем желании проникнуть в высшие сферы разума они с презрением относились к правилам ходячей морали и завладели плодами древа познания. И так же как у мужчин, противоестественные влечения роковым образом перешли к женщинам. Лесбийская любовь получила свое выражение сначала в поэтических образах Сафо. Полное, всестороннее понятие об этой любви дает изучение извращенных инстинктов и чувств. У древних историков есть описание этих болезненных явлений, составляющих одновременно область двух наук: патология и психология. Греки дали этому женскому пороку название «взаимной любви», anteros, а женщин, предававшихся этому пороку, называли жеоложницами, tribas. Лукиан дает самое детальное описание одной ночной оргии трибад в форме диалога между двумя куртизанками, Кленариум и Леэна. — Последняя, на вопрос своей подруги, рассказывает ей историю своих половых сношений с Мегиллой; еще будучи невинной, она была обольщена этой коринфской трибадой, Мегиллой. Вот как она заканчивает описание сцены обольщения, сцены истеричного бешенства: — Мегилла долго упрашивала меня, подарила мне дорогое ожерелье и прозрачное платье. Я поддалась ее страстным порывам; она начала целовать меня, как мужчину; воображение уносило ее, она возбуждалась и изнемогала от сладострастного томления. — А каковы были твои собственные ощущения? — спрашивает ее подруга Клеонариум. — Не спрашивай меня о подробностях этого ужасного позора, отвечает Леэна. Клянусь Уранией, я ничего больше не скажу! Дюфур очень долго останавливается на жеоложстве куртизанок и флейтисток и делает по этому поводу следующие интересные выводы:

«Эти женщины нуждались в любви мужчин гораздо меньше, чем в той любви, в которой они одни участвовали. С молодых лет искушенные в науке страстей, они скоро прибегали к беспорядочным сношениям, в которых их чувственность увлекалась воображением. Вся их жизнь походила на вечную борьбу похотей, на прилежное изучение физической красоты: собственной наготы и сравнивание ее с наготою своих подруг

начинает возбуждать в них особый интерес, и они начинают создавать себе странные и жгучие наслаждения, при том без всякого участия в них любовников-мужчин, ласки которых часто оставляли их холодными, безчувственными. Таинственные страсти, которыми зажигали себя авлетриды (флейтистки), были ужасны, бурны, ревнивы, неукротимы.

Этот вид разврата был так распространен среди флейтисток, что некоторые из них часто устраивали общие пиршества, на которые мужчины не допускались вовсе; на этих-то пиршествах они предавались разврату под покровительством Венеры Перибазийской. Там, среди кубков вина, утопавших в розах, и перед трибуналом полунагих женщин происходила борьба, соперничество в красоте, как некогда на берегах Алфея, во времена Кипела, за семь веков до христианской эры».

Читая «Письма Алцифрона»[57] можно составить себе ясное понятие об этих ночных празднествах, где гетеры, флейтистки и танцовщицы оспаривали друг у друга пальму первенства не только в красоте, но и в сладострастии. В упомянутом сборнике есть письмо самой разнузданной куртизанки того времени, Мегары к нежной Бакхиде, самой скромной из гетер; ее характер и поведение, по сравнению с подругами, были даже слишком приличны для того положения, которое она занимала. Мегара рассказывает подробности великолепного пира, устроенного гетерами и авлетридами: «Какой прекрасный пир — говорит она в своем письме: — Какие песни! Какое остроумие! Вино пили до самой зари».

Цветы издавали благоухание, самые тонкие вина лились рекой; нам подавали лучшие яства. Тенистая лавровая роща была местом нашего пиршества; все было там в изобилии»… Можно легко предугадать конец; можно представить себе последовавшие за этим пиршеством безобразные сцены, вызванные побуждающим влиянием вина и всей окружающей обстановкой.

Наряду с нимфоманией, нужно рассмотреть также и эротоманию. Эскироль разграничивал эти две страсти. В нимфомании болезненность возникает от воспроизводительных органов, раздражение которых действует на мозг, эротомания же своим основанием имеет воображаемую любовь. Нимфомания является последствием физической развращенности, эротоман же есть жертва собственного воображения, пораженного частичным безумием; иными словами, эротомания по отношению к нимфомании есть то же, что сердечные чувствования но отношению к грубому разврату. «У эротомана — добавляет ученый психиатр, — глаза живые, возбужденные, страстный взгляд, экспансивные движения и нежные речи… Такие больные

страдают кошмарами, и во сне их посещают видения в образе женщин». Не нужно упускать из виду, говорит Лори, что у эротоманов наблюдается постоянное раздражение детородных органов.

Пояснения, которые нам дает Эскирол о нервных заболеваниях, связанных с половыми отправлениями женщин, до некоторой степени объясняют нам возникновение лесбосской любви, которую Сафо открыла грекам и которая вызвала разнообразные толкования.

В истории противоестественной любви Сафо была Сократом Греции. Точкой отправления ее философии была сентиментальная любовь женщин к женщине, а конечной точкой, по всей вероятности, было «раздражение органов», заставлявшее этих женщин осквернять свое тело. Это частный вид проституции. Но Сафо не была куртизанкой в узком смысле этого слова; она происходила из богатой и порядочной семьи в Митилене (Лесбос). Едва выйдя из детского возраста, она стала зачитываться эротическими поэмами, любовными романами. Дни и ночи она посвящала чтению, вызывавшему у нее вздохи и томления; ночью ее посещали сны и видения, вызванные ее возбужденным воображением.

Выйдя замуж, она вскоре осталась вдовой (в 590 до Р.Х.). Будучи философом и поэтом, она вследствие постепенного расстройства воображения и чувств дошла до убеждения, что взаимная любовь женщин стоит выше любви физиологической.

«Она была прекрасна», говорит Платон. А мадам Дасье, написавшая ее биографию, дает нам ее образ: «Характер лица Сафо, какой ее изображают древние медали, говорит о ее в высшей степени эротическом темпераменте. Сафо была брюнетка, небольшого роста; ее черные глаза горели огнем».

Речи ее, обращенные к ученикам и любовницам, разделявшим с ней лесбосскую любовь, были красноречивы и убедительны; эти свойства создавали ей массу прозелитов, среди которых были: Амиктена, Анагора, Атис, Фирина, Андромеда, Кидно и «сотни других, говорила она, — которых я любила не без греха». Atque aliae centum quas non sine crimue amavi. Ее современники единодушно удивлялись вдохновению и жару, которым проникнуты были стихи Сафо; они называли ее десятой музею, что подало повод Лебрену сказать:

Сафо спала со всеми музами
И была почти их любовником.

Лучшее из дошедших до нас ее произведений — это ода к

«возлюбленной». Это стихотворение дышит восторгом; сжигающий огонь любви, экстаз, сомнение, томление, заблуждение, разлука и высшая степень страсти изображены в нем с двойным огнем поэтического вдохновения и страсти; все эти образы, взятые из глубины души, поражают и увлекают наивной правдивостью изложения и непритворным увлечением, которое нужно было несомненно испытывать, чтобы затем подобным образом наложить, — вот, что поставило Сафо в первые ряды в истории поэзии и любви. Таково мнение о Сафо автора книги «Празднества и куртизанки Греции». Симптомы любовного жара получили в медицине название симптомов сафических. Нужно сказать, что гений Сафо был обусловлен ее нравственностью. Будь она добродетельной, она не сделалась бы самым страстным поэтом древних времен. Среди стихов Сафо имеется страстное стихотворение, посвященное двум гречанкам, ее ученицам и любовницам. Исключительно на этих, именно, стихотворениях, а не на указаниях каких-либо авторов основана сделанная нами выше характеристика Сафо. Эта извращенность вкусов, от которой могла бы покраснеть природа, заразила других и послужила примером всеобщей развращенности, которая толкала на греховные и бесплодные сношения. Но все же любовные порывы Сафо менее отвратительны, чем позорный разврат Сократа (Шоссар).

Страстная жрица лесбийской любви, Сафо все же остается одним из великих умов и великих поэтов древности. Одаренная пылким вдохновением, ясным умом и тонким вкусом, Сафо непонятным образом соединяла все эти черты гения с крайней развращенностью. Чтобы понять это, не нужно забывать легкомысленность нравов в древности, силу гетеризма, который один только давал возможность женщинам приобщиться к высшей духовной культуре; специфические свойства Востока увеличивали способности и возбуждали чувственность. Сафо жила умом и чувствами, соединяя в себе элементы идеала и действительности: соединение эфира и материи вопреки земным законам!

Песни этой женщины, говорит Плутарх, — исполнены огня, который, очищая все и претворяя в любовь, позволяет нам до некоторой степени оправдать поэта, написавшего оду к «возлюбленной» и впоследствии принесшего свою жизнь в жертву своему возлюбленному. Эта прекрасная песня любви нам сохранена ритором Лонгином, который сделал анализ ее в своем труде «Рассуждения о прекрасном»: «Когда Сафо, — пишет он, — хочет изобразить восторги любви, она приводит разнообразные случаи, сопровождающие эту страсть; но с особенным искусством

она из многочисленных случаев выбирает такие, в которых наиболее ярко изображены жестокости и излишества любви. Сколь разнообразные ощущения волнуют ее! Она то горит, то холодна, то выходит из себя, то думает о смерти. Одним словом, можно сказать, что ее душа — место встречи всех страстен: и это действительно свойственно тем, которые любят».

Катулл написал подражание этой прекрасной оде, но она, к сожалению, не дошла к нам во всей полноте. Он посвятил ее Лесбии:

Ille mi per deo videtur…

После него Буало пытался ее перевести, но ему удалось перевести всего лишь каких-нибудь двенадцать александрийских стихов, и притом холодно и слабо.

Счастлив тот, кто дышет одним с тобою воздухом,
На кого падает взор твоих очей,
Твоя сладкая речь и нежная улыбка,
Подобная улыбке богов.

Нежный огонь разливается в моей груди,
Когда я вижу тебя
И с душой, полной сомнения,
Я безмолвствую.

Я не вижу, туман заволакивает мои глаза,
Я мечтаю, в сладком томлении,
И еле дыша, взволнованная, смущенная,
Я дрожу, я замираю…

Альманах Муз в 1775 г. напечатал подражание поэтессе, Ланжака, не лишенное живости. В том же номере были напечатаны два других подражания, принадлежащие Людовику Горсу и С. Герлу. Были и другие подражания, но мы должны обратить особенное внимание на английского автора «Гимна Венере», Аддисона, который сумел в стихах передать последовательность образов и чувств у Сафо, столь прославленную Лонгином и так хорошо переданную Катуллом. Название, данное самой Сафо этой оде, не оставляет сомнений в том, что прелести одной из ее любовниц внушили ей эту оду. Простой дословный перевод этой пьесы даст возможность хотя бы приблизительно понять всю ее страстность:

«Тот, кто может лицом к лицу видеть тебя и слышать твой нежный голос, мне кажется равным богам. — Твоя улыбка разжигает мою любовь и в моей груди сердце восторгается. —

Едва я вижу тебя, мои уста немеют, — Нежный огонь разливается по моим членам; мои глаза обволакиваются туманом и внезапное звучание поражает мой слух, — Холодный пот катится по всему моему телу, я дрожу, и более бледная, чем боязливый листок, без дыхания, я чувствую, что умираю…»

Очень трудно подобные поэтические чувствования согласовать с вульгарными приемами женоложства, отталкивающий пример которого нам дали гетеры и флейтистки. Многие авторы отмечают, что ученицы Сафо «с ранних лет узнавали о противоестественном употреблении их появляющихся прелестей» и что учение автора этой оды, более элегической, нежели эротической, есть «школа проституции». Как возражение против этой суровой оценки, можно привести прекрасные песни любви, сочиненные Сафо в честь брачных пиршеств, и стихи, посвященные любимой дочери ее Cleis, о которой она в одной из своих од говорит: «У меня есть прекрасное дитя, красота которого подобна красоте хризантемы. Cleis, мою горячо любимую Cleis, я не отдала бы за целую Лидию». Несмотря на то, что Сафо познала противоестественную любовь, но не эта любовь заставила ее больше всего страдать и не эта любовь послужила причиной ее гибели.

Однажды вечером она увидела порази тельной красоты молодого человека, стоявшего на лодке, качавшейся на воде: это был Фаон. Она любила его, обоготворяла его и была им также любима. Но любовь непостоянна, и Фаон вскоре уехал, чтобы более не возвращаться. В честь его она написала много стихотворений и главным образом гимн Венере; вот он:

Грозная Венера, любимица Кипра,
Ты хочешь обманывать смертных,
Покинь Пафос и твои храмы
И приди успокоить смятение моей души.
О, богиня! О, Венера!
Ты помнишь, сколько раз
Ты с трона своего шла на мой зов?
Однажды моим взорам предстала
Твоя колесница, которую влекли быстрые птицы,
И ты опустилась с небесного свода,
Ты хотела тогда, любимая богиня,
Узнать мое горе, исполнить мои желания.
«Сафо», — говорила ты мне, смеясь:
«Моя Сафо, какая обида вызвала твое горе?
Страстью какого неблагодарного юноши хочешь ты завладеть?

Иди! Тот, кто бежал тебя, будет следовать за тобой,
Кто отвергал твои дары, будет их добиваться,
И ища в твоих глазах или своей погибели, или твоей милости,
Твой гордый враг будет дрожать перед тобой!»
Богиня! Еще есть время. Исполни свое обещание,
Сжалься над сомнениями, заставляющими меня страдать,
Отомсти за ранившую меня стрелу
И смягчи неблагодарного, которого я люблю.

Сафо, как говорят ее комментаторы, получила от богов небесный дар — вдохновение. Благодаря этому вдохновению, она импровизировала стихи без всякого труда; казалось, что стихи сами льются из чистого источника. Музы хотели вознаградить ее за неудачи в любви. Но им это не удалось. Когда Сафо увидела, что ее чары и ее лира не в состоянии тронуть сердца неверного Лесбийца, она, покинутая, безумная, в отчаянии бросилась с левкадийской скалы в море. [58]

Поэты не преминули указать на то, что трагический конец Сафо явился местью Венеры, которая не могла ей простить излишества в «любви Сафо к ее ученицам», как выразился аббат Бартелеми. Мы же посмотрим на смерть Сафо, как на результат расстроенного воображения, как на результат отчаяния, как на поступок, лишенный всякой нравственной свободы.

Эта истеричная Лесбийка сконцентрировала все свои духовные и физические силы в очаге разгульных страстей. Там она нашла тайны сафической любви, которую общественные законы порицают так же, как и любовь сократическую, потому что обе они противны законам природы; здесь, в этой болезненной среде ее посетило разочарование и отчаяние, приведшие ее к самоубийству, которое может быть причислено к области болезненной психики. Все новейшие философские школы осудили противоестественную любовь, потому что все они относительно целомудренны по сравнению с учениями древних времен.

Но чтобы судить о последних беспристрастно, нужно перенестись к древним обычаям и нравам, которые были далеки не строга. В «Диалоге Куртизанок» Лурианa мы встречаем на каждом шагу полные гнусного реализма сцены между матерями и дочерьми. Матери хотят развратить своих дочерей, лишить их всякой чистоты и совести, преподают им разврат, вводят их в тайны проституции, воровства, лжи, советуют им отдаваться

самым грубым, самым старым и бесстыдным мужчинам, лишь бы они платили и давали себя обирать.

Не есть ли это наследственное извращение, достигшее своей высшей степени?..

В другом сочинении того же автора мы находим любопытный образчик учения мудрецов, представляющий ценный документ для истории философии древних времен. Там изображен Юпитер, председательствующий и на публичной продаже производящий оценку всех философских систем.

Судебным приставом при нем состоит Меркурий; он зазывает покупателей и отборно ругаясь, предлагает им открыть кредит на год.

Пифагора продают за 10 мин, потому что узнают, что у него золотая ляжка. Другие философы дают нам верное представление о своей морали. Меркурий вводит Диогена. Последнего спрашивают:

— Какова ваша профессия?

— Диоген. — Врач души, глашатай правды и свободы.

Вот мое учение: Уметь противоречить всему, иметь голос грубый, как у собаки, варварское лицо, дикий и жестокий вид, жить посреди толпы, не замечая никого, быть одним среди многих, предпочитать продажную Венеру и открыто предаваться тому, что другие краснея совершают втайне. Если тебе все это надоест, то прими немного яду и ты удалишься из этого мира.

Вот в чем счастье, желаешь ли ты его?

После Диогена, за которого не дают больше 24-х оболов, Меркурий вводит Аристиппа; он пьян и не может отвечать.

Меркурий излагает за него его учение: не заботиться ни о чем, пользоваться решительно всем, и везде, где только можно искать сладострастия.

Сократ следует за Гераклитом и Демокритом. На вопрос:

— Кто ты? — он цинично отвечает:

— Я любитель маленьких мальчиков и преподаю искусство любви.

Греческие выражения еще более метки, нежели русский их перевод. О своем учении Сократ говорит:

«Я изобрел республику и управляюсь ее законами.

Женщины не принадлежат только своим мужьям; каждый мужчина может иметь сношение с ними. Ему задают еще много других вопросов:

Законы о прелюбодеянии отменены?

— Вздор, отвечает он.

— А что ты постановил относительно молодых красивых мальчиков?

— Они будут наградою за добродетель и их любовь наградой за храбрость!..

Сократа продают за два таланта — добавляет Лукиан[59].

Что сказать об этих философах и об этом народе, терпевшем в храме Коринфа, в качестве весталок, 1200 проституток, которых даже посвящали в дела республики? [60]

Как они могли осуждать безнравственность, когда служители Олимпийских богов научали их всем мерзостям мифологии? Юноша жалуется Юпитеру, что он, с тех пор как похитил Ганимеда, лишил ее своих ласк, не ласкает ее более; Меркурий вместе с Аполлоном издевается над Марсом, которого Вулкан увлек в объятия Венеры, а богиня любви зовет Париса к прелюбодеянию! Можно с полной уверенностью сказать, что религиозные представления только способствовали всем порокам и всем родам разврата. Это строго логический вывод. Впрочем, управление людьми лучше всего достигается путем потворствования их страстям, а служители древних культов всегда очень любили власть.

Проституция в Древнем Риме

Священная проституция в Италии

Культ Приапа и Венеры

В южной Италии, в той части ее, которая у древних называлась Великой Грецией, еще задолго до основания Рима существовали колонии финикийские, египетские и греческие. Народы эти принесли с собой свою религию и нравы, а наряду с этим и священную проституцию, в основе которой лежал восточный культ Венеры.

На севере Великой Греции находилась Этрурия, население которой, но словам историков, происходило от Пелазгов; впрочем, по новейшим археологическим исследованиям, родиной их следует считать Лидию. А между тем культ Фаллуса и Бахуса был принесен в Италию, по словам Гераклита, жрецами Кибеллы, корибантами. Эти корибанты, или, как их иначе называли, кабиры, пришли из Фригии, где их обвинили в двойном братоубийстве; уходя, они похитили священную корзину (сосуд), в которой хранился фаллус бога Бахуса и привезли ее с собой в Этрурию. Изгнанные из своей родины, они решили обосноваться в стране Этрусков; здесь они стали проповедывать свое учение, убеждая народ поклоняться Фаллусу и священному сосуду.

Вскоре от Этрусков это новое религиозное учение со всеми церемониями и обычаями перешло к Римлянам. Возникновение этого культа в Риме, по-видимому, не очень древнего происхождения, — так как в эпоху царей культ Венеры еще не был известен; по-видимому, неизвестен был также культ Бахуса и Приапа. Что касается культа Приапа, в частности, то нужно полагать, что в течение некоторого периода времени он существовал в одной только Этрурии. Уже у Атенея мы находим указание на безнравственный образ жизни Этрусков, на проституирование дочерей, бывшее в ходу среди некоторых народов Лациума, как-то: у мессалийцев, самнитов и лакрийцев, но он ничего не говорит относительно Римлян.

На этрусских и итало-греческих кладбищах, действительно, найден целый ряд раскрашенных сосудов, на которых изображены различные сцены культа проституции, как мы об этом подробнее говорим ниже, в главе о вещественных памятниках но истории проституции. На всех этих памятниках имеются изображения даров, которые приносились девушками в храмах Вавилона и Тира, Бубастис и Наукрата, в Коринфе и Афинах. Посвященная девушка садится в храме подле статуи богини; чужеземец за известную цену приобретает право на обладание ею, она кладет полученные деньги к подножию алтаря. Этот постыдный торг, таким образом, обогащал храм или, вернее, жреца, который является, конечно, наиболее заинтересованным лицом в этой сделке. Такая форма культа проституции, очевидно, была излюбленной в финикийских и греческих колониях Италии, так как она повторяется почти без всяких вариантов на всех погребальных сосудах…

«Рисунки на этрусских сосудах указывают на ту же утонченную испорченность, которая нашла себе широкое распространение среди коренного населения и сделала из него слепых рабов чувственности и грубых страстей. Скотоложство и педерастия представляли собой довольно обыденное явление, и против всех этих отвратительных пороков, усвоенных всеми возрастами и всеми слоями населения, не было других средств борьбы, кроме церемоний искупления и очищения, — которые только отчасти уменьшали их широкое распространение. Как у всех древних народов, общение полов было данью природе, и женщина, подчинявшаяся животным инстинктам мужчины, являлась обыкновенно терпеливой жертвой его похоти: она принадлежала сильному. Физическая природа диких предков Римлян, впрочем, отлично гармонирует с беззастенчивой чувственностью их: половые органы их похожи были на бычачьи, сами они походили на козлов, а в области кончика у них был

клочек рыжеватых волос, небольшой мясистый и волосатый придаток, рудимент существовавшего некогда настоящего хвоста. Трудно сказать, в какую именно эпоху совершенно исчез этот странный признак животного темперамента, но он сохранился в аллегорической иконологии, в качестве отличительной черты сатиров и фавнов[61].

Далее мы видим тот же культ проституции в Сицилии. Здесь, в храме Венеры Эрицейской, собраны были рабыни, которые, как раньше в Коринфе и в Азии, проституировали отчасти в целях обогащения храмов, отчасти же с целью выкупа собственной свободы. Культ Венеры Эрицейской процветал, но в царствование Тиверия храм этот был запущен и разорен. Тогда по приказанию императора он был реставрирован, и девушки-рабыни исполняли обязанности жриц Венеры.

В Этрурии процветал еще один культ, аналогичный с культом Лингама индийского и Фаллуса азиатского. Цели их были идентичны, — лишали невинности девушек до замужества, — и потому он также относится к священной проституции. Это этрусское божество, которое мы знаем не только по изображениям его на древних исторических памятниках, но и по сочинениям Арноба и святого Августина, называлось Мутун и Мутуна, так как было божеством и мужского и женского рода. Храмы этого божества представляли собой небольшие, расположенные в рощах здания, в которых находилась фигура сидящего бога.

Когда культ священной проституции распространился в Риме и на юге Италии, Приап и Мутун были почитаемы как божества, дающие плодовитость женщине и силу её супругу, отвращающие чары, направленные против благополучия брачного союза и беременности женщин. Все эти приписываемые им добрые качества и послужили основанием для установления особого обычая религиозной проституции; обычай этог состоял в том, что к идолу Приапа приводили молодую новобрачную и усаживали ее на фигуру божества[62].

«Святой Августин говорит, что у римских матрон существовал обычай усаживать молодую новобрачную на чудовищно громадный половой член Приапа, причем обычай этот считался вполне благопристойным и благочестивым.

Sed quid hoc dicam, cum ibi sit et Priapus nimius masculus, super cujus immanissimum et turpissimum fascinum, sedere nova nupta jubeatur, more honestissimo et religiosissimo matronarum[63].

Лактанс в свою очередь говорит, «Должен ли я упомянуть о Мутуне (Mutunus), на половой член которого усаживали по обычаю молодую новобрачную. — этим она как бы приносила ему

первому в жертву свою невинность. Et Mulunus in cujus sinu pudendo nubentes proesident; utuillarum puditiam prio deus delibasse videatur»[64].

Все эти обычаи были, очевидно, занесены из Индии и западной Азии, где зародилась впервые священная проституция.

Бездетные женщины прибегали к милосердию этого божества, которое должно было уничтожить чары, препятствующие деторождению; по этому же поводу Арнольд говорит, обращаясь к своим соотечественникам: Не приводите ли и вы так же с величайшей готовностью своих женщин под защиту Мутуна? И, чтобы разрушить несуществующие мнимые чары, разве вы не заставляете их обхватывать ногами ужасный огромный Фаллус этого идола? Etiame Mutunus, cujus immanibus pudendis horrentique fascino, vestras inequitare matronas, et auspicabil ducitis et optatis[65].

В то время как низшие классы исповедывали культ Приапа с жаром и глубоким суеверием, высшее общество смотрело с презрением на это бессмысленное поклонение азиатскому идолу. Первые законодатели поняли всю выгоду этого культа, который в значительной степени способствовал увеличению народонаселения. Но в глубине души они не придавали ему никакого значения; так Гораций в письме к другу говорит, что из смоковницы, срубленной им только что, он сделает скамью или Приапа, ad libitum. На статуях, которые воздвигались в храмах в честь Приапа, он изображался в виде волосатого человека с козлиными ногами и рогами, в руках он держал жезл; обязательной принадлежностью фигуры был огромный половой член, над которым иногда произносились торжественные клятвы.

В эпоху первоначального развития латинской цивилизации римские матроны и молодые девушки оказывали ему особые почести и забывали для него даже Венеру. Они приносили ему многочисленные дары и совершали в честь его жертвоприношения не только в общественных храмах, но и у своих домашних алтарей.

Они питали заметную слабость к этому странному божеству, сохраняя при этом в полной мере свое женское целомудрие. Он являлся для них олицетворением продолжения рода, он был эмблемой плодовитости, как Лингам в Индии и Озирис у египтян. Они украшали его изображение листьями, венчали его гирляндами цветов и плодами. А дочь Августа, как известно, каждое утро надевала на него столько венков, сколько жертв ей приходилось приносить ему ночью. В известные определенные дни замужние женщины зажигали праздничные огни перед статуями и под звуки флейты танцевали у пьедесталов. После

заката солнца или утром до восхода его они приходили, целомудренно закутавшись в покрывало, прося бога Лампсака оказать покровительство их любви и изгнать из их чрева постыдное бесплодие. И нагота его их ничуть не смущала.

Культ Приапа, так своеобразно понятый и проведенный в жизнь, все же мог бы сохранить, хотя бы внешним образом, свое религиозное значение; ошибка заключалась в том, что во время церемоний, целомудрие которых было довольно сомнительного свойства, честные женщины и молодые девушки появлялись рядом с женщинами развратного поведения. Эти приапические празднества и следует поэтому рассматривать, как один из элементов будущего растления нравственности римских женщин.

В качестве олицетворения брачной жизни и плодовитости, Приап, изображаемый в виде полового члена, фигурировал, как доминирующее начало, в различных обстоятельствах обыденной жизни. Хлеб, стаканы, все необходимые столовые и туалетные принадлежности, драгоценности, лампы и факелы — на всех этих предметах мы находим его изображение; оно делалось из драгоценных металлов, из рога, слоновой кости, бронзы, глины. Подобно Фаллусу и Лингаму, он служил также амулетом для женщин и детей.

Словом, его можно было найти повсюду (об этом свидетельствуют многочисленные рисунки, найденные в развалинах Помпеи) и, благодаря этой популярности, он даже в огромной степени утрачивает характер непристойности; как мы это видим, например, в Турции и в некоторых алжирских городах, где он известен под именем Carageuss. Крестьяне Пуллии и по сию пору называют его: «Il membro santo».

Мужчины же сохранили традиции жителей Лампсака; они видели в нем божество, охраняющее детородный член, бога, излечивающего заразные и секретные болезни. В поэме «Приапеи» повествуется об одном несчастном, который заболел жестоким поражением полового органа. Боясь подвергнуться операции и стыдясь рассказать о причине своей болезни, он обращается с мольбой к Приапу и исцеляется без помощи врача[66].

Эта поэма поистине является документом для истории венерических болезней.

Теогония древних народов отлично приспособлялась ко всем их собственным страстям. Так у Римлян, как и у греков была своя богиня любви, которая относилась покровительственно к их наслаждениям; женщины просили ее научить их искусству нравиться и увлекать, и за то приносили ей мирты и воскуривали фимиамы.

Существовали в Риме, по примеру Афин, две Венеры: одна

Венера добродетельная, которая покровительствовала целомудренной, чистой любви, но насчитывала немного почитателей, другая — Венера куртизанок, которая пользовалась большим успехом. Культ ее, правда, не был особенно заманчивым и не привлекал, поэтому, в ряды ее фанатичек жриц, которые согласились бы проституировать и ее интересах. Некоторые жрецы пытались перенести в Рим священные традиции коринфских храмов, но попытка эта оказывалась почти всегда неудачной, вследствие свойственного им скептицизма.

Известно, что в Риме было очень много храмов, посвященных Венере; упомянем главные из них, Venus-victrix, Venus-genitrix, Venus-erycine, Venus volupia, Venus-salacia, Venus-myrtea, Venus-lubentia и т. д. Но ни в одном из них не культивировалась священная проституция. Куртизанки не продавали себя в храмах во имя интересов богини и жрецов, хотя иногда и отдавались этим последним, чтобы получить покровительство Венеры в любовных делах; дальше же этого дело не шло. Храмы богини служили главным образом местом свиданий для любовников и биржей для коммерческих любовных сделок. Они были переполнены всякого рода приношениями, зеркалами и другими туалетными принадлежностями, лампами и особенно приапами, принесенными по обету. На алтарях приносились в жертву голуби, козы и козлы. Все главнейшие празднества в честь богини происходили весной и состояли из танцев, пиров и оргий вроде тех, какие происходят у нас во время карнавала. Все они происходили ночью, вне пределов храмов; все эти гульбища носили общее название «бдений Венеры». Таким образом, весь апрель посвящался богине любви, которую чествовали юноши и куртизанки, вносившие в эти празднества элемент большей или меньшей разнузданности и непристойности, смотря но воспитанию и привычкам участников этих весенних развлечений. В этой области поистине верно изречение: Nihil novi sub sole.

Празднества религиозной проституции

Мы знаем что представляли из себя аборигены Рима: это была кучка воров, бродяг и женщин такого же, как они, нравственного уровня. До установления института брака первым законодателем, у них не было никаких моральных правил и половые отношения, по словам Тита Ливия, стояли на таком же уровне, как в животном мире. Зато публичных женщин мы встречаем в Риме уже и в доисторическую эпоху. Проституток с берегов Тибра прозывали волчицами, Lupa, подобно тому как в предместье Афин именовали Lukaina несчастных диктериад.

Кормилица Ромула, Acca Laurentia, и принадлежала к числу этих волчиц; это была одна из популярных тогда проституток. Ее жилище получило название Lupanar, все же празднества, которые устраивались в честь ее после смерти, назывались Lupercales; сенат отменил их в виду происходивших на них бесчинств.

И несмотря на это, все же можно утверждать, что именно и эпоху первых царей начинается цветущий период древнего Рима: представители власти своей безукоризненной честностью подавали примеры добродетели.

Сабатье говорит, что «в руках цензоров были широкие полномочия для исправления непредвиденных законов злоупотреблений, для переустройства в области общественного и домашнего быта; разнузданность сдерживалась тем уважением, которое питали граждане к честности и моральным началам.

В эту эпоху не было войн в отдаленных территориях, не было ни богатств, ни Азии, учения Эпикура, которое Фабриций находил желательным только для врагов своей родины — словом, ничто еще не оказало растлевающего влияния на Римлян.

Позже роскошь, изнеженность, любовь к деньгам и наслаждениям проникли во все классы общества и развратили его. Пороки, которые начали обнаруживаться в тревожное время ужасов гражданских войн, стали особенно процветать среди спокойной обстановки и утех мира. Участившиеся прелюбодеяния, распутный образ жизни холостяков, необузданный разврат — все это шло рука об руку с победами и военной добычей и распространяло пороки всего мира».

Далее в эту эпоху мы видим другую волчицу, по имени Флора, на которой женится один из богатейших патрициев Рима, Таруций; умирая, она завещает свое огромное состояние Риму.

Приняв золото куртизанки, город в знак благодарности устанавливает празднество в честь ее.

Это были так называемые Florales, которые происходили в цирках под руководством проституток и эдилов[67].

Эти бесстыдные празднества, которые Ювенал называет в своих бессмертных стихах pana[68] et ci cences, появились уже в VI веке от основания Рима. Не есть ли это те же Игры Флоры, которые занесены были от Сабинян в честь Флоры, богини садов? Как бы то ни было, празднества эти носили весьма непристойный характер; у Лактанса они описаны в следующих словах:

«Куртизанки выходили из своих домов целым кортежем, предшествуемые трубачами, одетые в просторные одежды на обнаженном теле, украшенные всеми своими драгоценностями; они собирались в цирке, где их окружал со всех сторон теснившийся народ; тут они сбрасывали с себя одежду и

показывались совершенно обнаженными, с готовностью выставляя напоказ все, что угодно было зрителям, и вся эта бесстыдная выставка сопровождалась самыми непристойными телодвижениями. Они бегали, танцевали, боролись, прыгали, точно атлеты или шуты; каждый раз новая сладострастная пара вызывала крики и аплодисменты из уст неистовствующего народа.

«И вдруг на арену при звуках труб бросалась толпа нагих мужчин; тут же, публично, при новых восторженных криках толпы, происходила ужасающая оргия разврата. Однажды Катон, сам суровый Катон, явился в цирк в тот момент, когда эдилы готовились дать сигнал для начала игр; присутствие великого гражданина помещало началу оргии. Куртизанки оставались одетыми, трубы смолкли, народ был в ожидании. Катону дали понять, что он является единственным препятствием для начала игр; он поднялся с места и закрывши полой лицо, удалился из цирка. Народ стал рукоплескать, куртизанки сняли свои одежды, зазвучали трубы и зрелище началось.» Такую же публичную проституцию в честь богини, которая была по-существу только обожествленной проституткой, мы видим в сценах эротического безумия, разыгрывавшихся вокруг статуи Молоха и во время празднеств в честь Изиды, которые Римляне не преминули позаимствовать у Египтян.

Эти празднества, известные под именем Изиак, описаны Апулеем в его «Золотом Осле». Они происходили иногда на улицах и на общественных дорогах, куда стекались со всех концов города посвященные в таинства мужчины и женщины; все они были одеты в прозрачные белые одежды и шли, потрясая металлическими систрами.

Вся эта процессия направлялась к храму богини вслед за жрецами Изиды, которые играли самую гнусную, отвратительную роль в этом культе проституции; они несли в руках фаллус, сделанный из золота, «почитаемое изображение достойной уважения богини», как говорит Апулей. Как только толпа входила внутрь храма, начиналось посвящение в таинства Изиды, т. е. сцены чудовищных чувственных оргий, аналогичных Floralia, о которых мы только что говорили.

Те же жрецы Изиды, нищие и сводники, отвратительные своей безнравственностью, играли первенствующую роль и на других празднествах проституции в честь Вакха, известных под именем вакханалий или дионисиак, так как Бахус считался одним из воплощений Озириса. Для празднования Дионисиак выбирали преимущественно более уединенные места, так как уединение воодушевляло вакханок и звуки голосов разносились

явственнее. Evohe! Evohe! — таков был крик почитателей Вакха; этим криком, по преданию, Юпитер некогда зажигал отвагу в душе своего сына Вакха, когда он боролся с препятствиями, воздвигнутыми ревнивой Юноной.

Изваяние бога обыкновенно расписывалось киноварью. Гиерофант, т. е. жрец, обязанный руководить церемонией, изображал создателя, Demiourgos'a. Носители факелов назывались Lampadophores, а их глава, Daduche, изображал солнце.

Главная церемония состояла в шествии, во время которого носили сосуды, наполненные вином и украшенные виноградными лозами. Затем шли молодые женщины с корзинами, наполненными плодами и цветами; это были Cenephors. За ними следовали женщины, играющие на флейтах и цимбалах, затем женщины и мужчины, замаскированные и переодетые сатирами, панами, фавнами, силенами, нимфами, вакханками, все увенчанные фиалками и листьями плюща, с растрепанными головами; одежды их были приспособлены к тому, чтобы оставить обнаженным все, что следовало скрыть; все они распевали phallica, непристойные песни в честь Бахуса.

За этой шумной толпой следовали Phallophores и Ityphalles; первые без всякого стыда выставляли напоказ всей толпе приставные мужские половые органы, укрепленные на бедрах с помощью ремней; вторые носили то же самое, но в гораздо большем размере, укрепленными на конце длинного шеста. Наконец, шествие замыкали четырнадцать жриц, которым архонт, или главный распорядитель по устройству празднеств, поручал всякого рода приготовления.

«Придя в назначенное место, — будь то в тихом лесу или в глубокой долине, окруженной скалами — вся эта масса развратных и фанатически настроенных людей вытаскивала из особого ящика, носившего у латинян название area ineffabilis, изображение Бахуса; оно ставилось на Герм и в жертву ему приносили свинью. За этим следовало обильное угощение фруктами и вином. Мало-помалу, под влиянием обилия винных возлияний, усиливавшихся криков, неумеренных восторгов, общения двух полов, являлось чувственное возбуждение, и безумие охватывало жрецов этого гнусного божества. Каждый из присутствовавших поступал на людях так, как если бы он был один в целом мире, самые позорные акты разврата совершались на глазах нескольких сот зрителей. Нагие женщины бегали взад и вперед, возбуждая мужчин телодвижениям и бесстыдными предложениями. Мужчины в эти моменты не заботились о том, что делали в этих собраниях их жены, сестры и дочери; бесчестье не трогало их, так как оно было взаимным — словом, нет ни

одного вида разврата, который не культивировался бы здесь с новой утонченностью.

Когда же ночь, которая своей тьмой покрывала все эти гнусности, спешила удалиться, уступая место ясным лучам Востока, божество снова прятали в arca intefabilis. Мужчины, пресыщенные выпитым вином и возбужденные чувственными наслаждениями, возвращались, пошатываясь, в свои жилища, за ними следовали женщины и дети… все они были расслаблены, обесчещены!»

Все эти гнусности достигали подчас таких чудовищных размеров, что сенат часто запрещал их, но уничтожить окончательно не мог. Императору Диоклетиану принадлежит честь полного их уничтожения.

Но куртизанки играли роль не только в сфере религиозных празднеств; по словам Тита Ливия, у Римлян они выступали и на сцене. Они фигурировали в представлении, изображавшем похищение Сабинянок, и занимались проституцией, как только кончалось представление; некоторые авторы древности не делают даже никакого различия между театрами и публичными домами. Тертулиан говорит даже, что глашатай, провозглашая вслух подробное описание прелестей этих героинь проституции, указывал их местожительство и цену, которой оплачивались их ласки. Их было так много, что, не помещаясь во внутренних залах театра, они занимали места на сцене и на авансцене, чтобы быть больше на виду у зрителей. Помпей после открытия построенного им театра увидел, что театр является приютом для разврата и обратил его в храм, посвященный Венере, надеясь этим религиозным актом отклонить от себя упреки цензоров. (Сабатье). Куртизанки, участвовавшие в пантомимах, показывались на сцене нагими; они проводили пред глазами зрителей последовательно все акты проституции, а позднее, в эпоху Гелиогабала, все это получило вполне реальные формы. Так утверждает Лампсид. Таковы были удовольствия Рима, покорителя мира!

У Тита Ливия мы также находим описание возмутительных бесчинств, которые происходили во время этих ночных религиозных собраний, так называемых вакханалий. Он описывает церемонию посвящения в таинства Бахуса. Этот обычай введен был жрицей Paculla Minia, которая посвятила божеству своих двух сыновей. С тех пор посвящению подлежали юноши на двадцатом году[69].

«Посвящаемого юношу вводили жрецы в подземелье, где он был вполне предоставлен их скотским грубым страстям. Страшные завывания и звуки цимбалов и барабанов заглушали

крики, вырывавшиеся иногда у жертвы насилия.

Чересчур обильная пища и масса выпитого за столом вина вызывали другие излишества, совершавшиеся под покровительством ночного мрака. Царило полное смешение возрастов и полов.

Каждый удовлетворял свою страсть, как ему угодно было; о стыдливости не было помину; храм божества осквернялся всякими проявлениями сладострастия, вплоть до самых противоестественных. (Plura vivorum inter sese, quam feminarum esse stupra)». Если иногда вновь посвященные юноши, устыдившись всего этого, оказывали сопротивление развратным жрецам, а иногда, в тех случаях, когда они небрежно выполняли то, что от них требовалось, их приносили в жертву: боясь их нескромности, их лишали жизни. Их крепко привязывали к особым машинам, которые подхватывали их и погружали затем в глубокие ямы. Жрецы же, чтобы объяснить исчезновение юноши, говорили, что виновником похищения был сам разгневанный бог.

Танцы, прыжки, крики мужчин и женщин — все это объяснялось божественным вдохновением, на самом же деле вызывалось обильными винными парами, составляло главный пункт всей церемонии и служило переходом к новым формам разврата. Иногда женщины с растрепанными волосами, держа в руках пылающие факелы, погружали эти последние в воды Тибра, где они тем не менее не гасли. Это мнимое чудо, говорит Тит Ливий, объяснялось тем, что горючее вещество факела состояло из серы и извести. Среди участников этих ночных собраний можно было встретить людей различных классов, вплоть до римлян и римлянок высшего общества, и число их было огромно. Это было уже не общество, не кружок людей, — весь народ принимал участие в ужасающем разврате; на них даже составлялись заговоры против существующего государственного строя. Это последнее обстоятельство заставило консула Постумия заняться более близким ознакомлением с этим обществом, о чем он и заявил сенату. Это соображение и побудило сенат отменить в 624 году эти собрания, чем был нанесен значительный удар культу Бахуса[70].

Отменив на некоторое время Вакханалии, римляне все же сохранили культ «доброй богини». Правда, мужчины больше не допускались во время таинств, но разврат сохранен был в полной мере. В своей шестой сатире Ювенал дает описание, разбор которого дан нами в другом нашем сочинении[71].

«Liberales» принадлежали к разряду тех же празднеств; происходили в марте, в честь Pater liber (псевдоним Бахуса). Phallus играл выдающуюся роль и в празднествах Liberales. У

римлян, как нам известно, этот символ мужской силы назывался Мутуном. «Это было непристойное изображение, говорит св. Августин, которому поклонялись не в тайне, а вполне открыто; во время Liberales его торжественно перевозили на колеснице в предместья города».

В Ливиниуме чествование бога Liber'а продолжалось целый месяц, в течение которого, по словам Варрона, люди предавались наслаждениям и разврату. Сладострастные песни, неприличные речи как нельзя лучше соответствовали поступкам. Великолепная колесница, в которой помещался огромный Фаллус, медленно двигалась по направлению к площади. Здесь она останавливалась и одна из римских матрон, mater familias, возлагала венок на это неприличное изображение.

Таковы были празднества и церемонии священной проституции в Италии…

Легальная проституция

В Риме, как и в Афинах, существовало два обширных класса проституток: проститутки, которые занимались своим ремеслом в домах терпимости, в лупанариях, и свободные куртизанки, число которых было очень велико; в ряды этих последних вступали тайно многие замужние женщины, некоторые с разрешения своих мужей, другие без их разрешения[72].

Правда, бывали моменты, когда римская молодежь хотела под именем arnica поднять самых выдающихся из своих куртизанок на высоту афинских и коринфских гетер. Тем не менее в Риме не было никогда женщин, равных гетерам Греции, которые с красотой соединяли высокую интеллектуальную культуру. Римляне были слишком чувственными в своих страстях и слишком гордились своим политическим могуществом, чтобы сделать куртизанок своими сотрудницами; к тому же эти последние не блистали ни умом, ни образованностью. Их чувственные натуры признавали в женщине только товарища в оргиях, в грубом удовлетворении их животных инстинктов. Они удовлетворялись содержанками и называли их delicatae или pretiosae, если они знались только с богатыми людьми, хорошо одевались и были окружены известной роскошью.

Для простого народа имелась категория публичных женщин низшего ранга, которые назывались prostibulae и подразделялись на putae, alicariae, casoritoe, capae, diabolae, forariae, blitidae, nostuvigilae, prosedae, perigrinae, quadrantariae, vagae, scrota, scrantiae, — в зависимости от того, посещали ли они булочные, кабачки, публичные площади, перекрестки, кладбища или окрестные леса. Далее, среди них различались более или менее молодые италийки и чужеземки, ожидавшие клиентов у себя на дому, приглашавшие их из окон или на углу улицы, назначавшие за себя более или менее высокую цену, искавшие знакомства с свободными гражданами, рабами или вольноотпущенниками. Все эти наименования ценны постольку, поскольку знакомят нас с распространением общественной проституции во всех частях города, при различных условиях; далее мы видим, что никаких ограничительных в этом направлении условий не существовало, кроме регистрации и уплаты по таксе, meretricium…

Впрочем, танцовщицы и флейтистки были выделены в отдельный разряд; они напоминали знаменитых греческих авлетрид. Полиция римская разрешала им заниматься своим ремеслом, не распространяя на них силу licentia sturpi. Почти все они приезжали с Востока, из Греции, Египта или Азии и очень

скоро приобретали громкую известность в Риме своей большой опытностью в тайнах сладострастия. Они продавали себя за дорогую цену и увеличивали доходы, получаемые за свое музыкальное искусство, доходами с проституции. Они появлялись только у богатых людей к концу пиров, в разгаре оргий. Среди чужеземок танцовщиц наибольший успех выпадал на долю испанок из Кадикса. Марциал и Ювенал говорят, что они своим искусством умели возбуждать сладострастные желания у всех зрителей.

Среди них были saltalrices, fidicinae, tubicinoe т. е. танцовщицы, затем игравшие на флейте и на лире. Невозможно представить себе, до какой степени бесстыдны были телодвижения, к которым они прибегали, изображая мимикой, под звуки инструментов, различные фазы любви; они напоминали авлетрид Афин и Коринфа с тем только различием, что римские танцовщицы не обладали обаянием знаменитых куртизанок Греции.

Правда, на долго некоторых из них выпала честь быть любимыми великими латинскими поэтами, как, например, Гораций, Овидий, Катулл, Проперций, Тибулл. У стола Цитеры бывал частым гостем Цицерон и некоторые другие выдающиеся граждане, но вообще эти женщины никогда не играли видной роли в общественных делах.

Куртизанки высокого ранга, bonae meretrices, задавали тон, были законодательницами мод, привлекали к себе представителей аристократии, разоряли стариков и предавались разврату с молодыми, парализуя таким образом к физическую и моральную мощь, но этим все их значение и исчерпывается.

Окружавшая их роскошь была так же ослепительна, как и блеск афинских гетер. Во всей своей дерзкой пышности оно развертывалось на священной дороге.

Там по вечерам можно было встретить их в кричащих нарядах, покрытых драгоценностями; они конкурировали друг с другом в кокетливости и, развалившись с сладострастной негой, прогуливались взад и вперед в носилках, несомых целым отрядом сильных негров. Они играли своими веерами с изумительной грацией, или держали в руках металлическое зеркало, которое убеждало их в изяществе их прически и отражало отблеск золотой диадемы на белокурых волосах. Некоторые из них прогуливались верхом, ловко управляя лошадьми или мулами, покрытыми роскошными попонами. Другие ходили пешком, но всегда в сопровождении нескольких рабов, шедших впереди или позади для исполнения их любовных поручений.

Несмотря на их богатство, закон не обязывал их соблюдать

таксу, определенную для проституток, а значит, не подчинял их licentia stupri: закон, как везде и всегда, был писан только для бедняков. И в наше время горизонталки высокого полета не зарегистрированы в префектуре полиции.

Римские Bonae meretrices отлично умели передавать свои намерения тем мужчинам, которых они встречали на прогулках. Игрой глаз, почти незаметными движениями рук и пальцев, красноречивой мимикой губ — они умели выразить столько же, если не больше, сколько и длинной речью.

Впрочем, такая любовная пантомима не была исключительной особенностью проституток; конечно, они отличались большим искусством, но на этом языке говорили все любовники, к какому бы классу общества они не принадлежали.

Для проституции простонародной были отведены в Риме особые уголки, которые известны были полиции и санкционированы ее властью и, кроме того, дома терпимости. Каждое из таких учреждений имело и соответствующих обитательниц; зарегистрированные жили в лупанариях, свободные — в гостиницах, в винных лавках, в булочных и у цирюльников. В подобных же домах свиданий устраивали свои любовные встречи замужние женщины и молодые девушки.

Публичные дома расположены были главным образом в таких отдаленных от центра кварталах, как, например, в квартале Субура у моста Делийского вблизи казарм, в Эсквилинском квартале и вокруг большого цирка. Некоторые из них были расположены в центре города недалеко от храма Мира: конечно, это были наиболее аристократические дома, которые содержались лучше других.

Лупанарии народные, которых Тертуллиан называл консисториями общественного разврата, представляли собой целый ряд темных клетушек, наполненных совершенно нагими людьми обоего пола. Налог, положенный за проституцию, взимался предварительно. Каждая такая клетушка имела входную и выходную дверь на две улицы.

Вся меблировка такой келейки ограничивалась тростниковой циновкой или плохой кроватью, pulvinar, грязным, покрытым заплатами покрывалом, cento, затем лампой, наполненной зловонным маслом, которая пропитывала запахом своего дыма одежду, и таким образом можно было легко узнать тех, которые побывали в этих домах разврата.

На стенах висели грубо сделанные картины непристойного содержания. У двери лупанария прикреплен был указатель в виде приапа, который красноречиво свидетельствовал о назначении этого дома; ночью он заменялся фонарем, которому придавали ту

же форму. Наконец, над каждой клетушкой привешивался ярлычок с надписью nuda, когда в келейке не было никого, или occupata, когда она бывала занята; тут же обозначена была и такса за ласки обитательницы ее, что делало излишним торг. В аристократических лупапариях келейки выходили не на улицу, а внутрь двора или patio, посреди которого находился фонтан с бассейном[73].

Картины непристойного содержания заменялись здесь написанными на степах сценами из мифологии, в которых боги и богини приносили жертвы любви. Обстановка отличалась большим комфортом, а любители могли здесь найти всегда целый персонал, готовый к их услугам.

Ancillae ornatrices — так назывались служанки, на обязанности которых лежала забота о туалете девушек; они должны были одевать и раздевать их, наряжать, румянить, белить и т. д. Aquarioli приносили посетителям прохладительные напитки и вино[74]; bacario приносил воду, необходимую для всякого рода гигиенических обмываний, к которым прибегали мужчина и женщина до и после coitus'a; villicus — доверенное лицо Leno или Lena (сводника, сводницы); содержатель дома терпимости (leno или lena), которому вручалась сумма, указанная на ярлыке. Admissarii были женщины и мужчины, обязанность которых заключалась в том, чтобы зазывать клиентов на улицах и приводить их в лупанарий, поэтому их еще называли иначе, adductores или conductores.

Число лупанариев было весьма значительно, и все же масса женщин занималась тайной проституцией. Этот вид проституции развился первоначально в военных лагерях, невзирая на строгость военной дисциплины у древних, которая не позволяла женщинам следовать за армией. Валерий Максим, отмечая этот факт, добавляет, что это явление приняло такие обширные размеры, что молодой Сципион, взяв в свои руки командование африканской армией за время третьей пунической войны и горя желанием ее возможно скорее преобразовать, приказал изгнать оттуда две тысячи публичных женщин (Сабатье).

Женщины, занимавшиеся тайной проституцией, то есть не занесенные в списки эдилов, присуждались к денежной пене, а пойманные вторично, изгонялись из города; они избавлялись от наказания, если находился поручитель в лице leno, который узаконивал их положение, принимая их в число своих пансионерок. Тем не менее в Риме было очень много бродячих проституток, erratica scrota, для которых домом были улица, общественные дороги, ступени памятников, скамьи в рынках, могильные памятники, своды водопроводов, подножье статуи

Венеры или Приапа.

Усердные, а подчас и материально заинтересованные эдилы не могли успешно бороться с тайной проституцией; скандальные сцены, крупные и мелкие преступления происходили постоянно. Впрочем, все они отзывались только на интересах фиска, но отнюдь не считались посягательством на общественную нравственность.

Почти каждую ночь, предшествуемые ликторами, эдилы совершали обход и снисходили иногда до преследования волчиц, которые в грязных притонах старались снискать себе пропитание. Но очень охотно совершали они полицейские набега на некоторые приюты проституции. Иногда они обходились даже без предварительного оповещения ликторов и требовали от некоторых куртизанок ласк, полагая, что такое требование составляет прерогативу их власти. При таких обстоятельствах и был ранен Гостилий Манцин камнем, пущенным куртизанкой Мамилией, к которой он хотел ворваться силой под предлогом осмотра ее комнаты.

Проституцией не исчерпывался в Риме разврат среди женщин; для той же цели вербовали невинных девушек, которые сразу попадали на путь порока; эти жертвы удовлетворяли грубой похоти amatores.

«Когда несчастное молодое существо, говорит Пьер Дюфур, приносило себя в первый раз в жертву разврату, в лупанарии происходило настоящее торжество. У двери вешали фонарь, который ярче обыкновенного освещал вход в публичный дом. Весь фасад этого ужасного притона украшался лавровыми венками; лавры в течение нескольких дней оскорбляли своим видом общественную благопристойность; иногда, после злодеяния, герой этого гнусного, дорого оплаченного им акта выходил из комнаты, также увенчанный лаврами.

Этот нечистый похититель девственности мнил себя блестящим победителем и прославлял свою победу игрой музыкантов, принадлежавших также к персоналу публичного дома, Обычай этот, разрешенный эдилами, являлся кровной обидой для обывательских нравов, так как молодые новобрачные, особенно из среды простого народа, хранили тот же обычай, и так же украшали лавровыми ветвями двери своего жилища на другой день после свадьбы. Ornontur postes et grandi janua laura. Тертуллиан, говоря о новобрачной, осуждает ее «за то, что она осмеливается выходить из этой двери, украшенной гирляндами и фонарями, как бы из нового притона публичного разврата». Очень характерен для истории римских нравов следующий диалог у Симфозиана[75].

«Сжалься над моей невинностью, говорила бедная рабыня, купленная для лупанария, не отдавай на позор моего тела, не бесчесть моего имени постыдным ярлыком! — «Пусть служанка снаряжает ее, сказал leno, и пусть напишут на ярлыке следующее: «Тот, кто лишит невинности Тарзию, отсыплет полфунта серебра, потом она будет принадлежать каждому, кто заплатит одну золотую монету».

Нужно полагать, что за девственниц платили очень дорого, так как латинские писатели свидетельствуют об очень скромном вообще вознаграждении в лупанариях. Так, Ювенал, говоря о Мессалине, требующей вознаграждения за свои ласки, пишет: «Aera poposcit», т. е. требует несколько медных монет. Петроний говорит то же устами Асцилта, когда тот приходит в лупанарий в сопровождении «почтенного старца»: lam pro cella meretrix assem exegerat. Даже надсмотрщица за девушками получала один асс за комнату[76].

Впрочем, эта торговля девственностью была иногда простой спекуляцией со стороны сводников. Мнимые девственницы попадались гораздо чаще, чем действительные. Луцилий в одной из своих сатир дает молодому новичку следующий практический совет: «Бери девушек без всяких гарантий».

Соучастники проституции в Риме

Наряду с официальными сводниками лекарки также были помощницами куртизанок высшего полета и матрон, которым они, в их любовных связях, подавали советы и помощь. Все эти женщины, подававшие медицинскую помощь в любовных делах, известны были под различными именами, medicae, obstetrices, sagae. Самыми корыстолюбивыми соучастниками проституции были главным образом sagae. Всем известно, что оттуда и ведет свое происхождение французское sage femme, название, которое Стерн совершенно основательно рекомендует не смешивать с femme sage (умная женщина).

В одной из эпиграмм, упоминаемых в «La Medicine et les Moeurs de la Rome antique d'apres les poets latins», Марциал говорит об этих medicae, которые лечили истеричку, прекрасную Леду, выданную замуж за немощного старика. При появлении врача, эти женщины немедленно удаляются, говорит поэт. Protinus accedunt medici medicaeque recedunt.

Obstetrices были, собственно говоря, акушерками; в качестве помощниц при них состояли adstetrices. Sagae наравне с medicae и obstetrices присутствовали при родах и лечили от женских болезней. Впрочем, все это были в общем женщины невысокой нравственности, занимались они главным образом контрабандной торговлей, устройством абортов и сводничеством. Из их среды выходили чародейки, волшебницы, колдуньи, парфюмерши, парикмахерши и т. п. На всех этих занятиях лежала печать суеверия, сказывался расчет на кокетливость женщин, их развращенность и легковерие. В них каким-то образом совмещалась сводница, акушерка и продавщица нарядов. При их содействии бесследно исчезали незаконорожденные дети, они с помощью жертвоприношений подготовляли благополучную беременность и удачные роды.

Во время работы они по мере надобности призывали Диану три раза или больше.

На них лежала обязанность купать новорожденного младенца и ходить за роженицей в течение 5 дней. Их призывали, когда новорожденный заболевал, и все лечение в этом случае заключалось в том, что туловище ребенка покрывалось амулетами и на помощь призывалась Юнона, Люцина, Диана и даже Кастор и Поллукс.

У Плиния мы находим описание способов лечения некоторых болезней при помощи свежей или высушенной менструальной крови. При лечении перемежающейся лихорадки и бешенства

применялось virus lunare в виде втирания или просто прикладывания к коже, причем для этой цели служило sachet или серебряный медальон. Эта кровь, по мнению римских акушерок, обладала еще одним свойством: женщина в период менструации уничтожала всех гусениц и насекомых в полях, если обходила вокруг них один или несколько раз. С другой стороны растения под влиянием этой крови делались бесплодными, плоды опадали с деревьев, изгонялись пчелы, притуплялось лезвие бритвы и т. д. Частная жизнь этих женщин проходила соответственно их невежеству, они питали слабость к вину, как мы это видим, например в Андриенне, прелестной комедии Теренция, где saga Лесбия, призванная помочь молодому Глицерию, изображается собутыльницей старух рабынь. Эта же Лесбия, по сообщению того же автора, предписала своей пациентке ванну немедленно после родов и велела ей съесть четыре яичных желтка.

В Риме, как и в Афинах, акушерки не только монополизировали производство выкидышей и детоубийство — преступления эти почти допускались законом и общественной моралью, — но и укрывательство и подбрасывание новорожденных.

Они уносили новорожденного, от которого родильницы хотела избавиться, на берег Велабра, к подошве Авентинского холма.

К этому же ужасному месту приходили другие, которым эти дети, обреченные на гибель, нужны были для получения какого-нибудь наследства.

Ювенал в своей превосходной сатире на женщин справедливо замечает: «Я говорю об убийстве детей и о коварстве тех женщин, которые, насмехаясь над обетами и радостью своих мужей, приносят им с берегов гнусного Велабра наследников, отцами которых те себя почитают».

Эти зловредные твари не останавливались ни перед каким преступлением для удовлетворения своего корыстолюбия; они продавали жидкости для возбуждения полового чувства и для подавления его, причем в состав жидкостей, по словам Горация, входила иногда кровь убитого ими младенца. Лекарства Канидия, рецепты Сальпе[77], гиппомин[78], Eryngion[79] Сафо — вот какими средствами исчерпывалась их терапия и фармакология.

Было бы бесполезно искать новые материалы у других авторов и заниматься более подробно с этим предметом; для нас теперь ясны функции лекарок в Риме.

Они главным образом занимались производством выкидышей и были соучастницами проституции.

По духу римского закона, изгнание плода каралось очень

строго, но закон этот фактически не применялся и власти не препятствовали лекаркам заниматься их прибыльным ремеслом. Текст закона гласил буквально следующее:

«Кто примет плодогонное средство, даже без преступного намерения, ссылается в рудники, если он беден. Богатые ссылаются на остров и часть их имущества конфискуется. Если же результатом выпитого лекарства явится смерть матери или ребенка, то виновный наказуется смертной казнью».

Qui abortitionis poculum dant, et si dolo non faciant, humiliores ad metallum, honestiores iu insurlam, amissa parte honorum, relegantur. Quod si poculo mulier aut homo perierit, summo supplicio afficiuntur.

Тем не менее вытравление плода сделалось обычным для римских нравов и производилось открыто.

Авторы говорят о нем, как об обычае, который терпели законом и к которому высшая знать и патрицианки прибегали из различных соображений.

Ювенал в сатире, направленной против лицемеров, выводит Домициана, который пишет законы против прелюбодеяния, тогда как его племянница Юлия славится своими абортами. Quum tot abortivis foecundam Iulia vulvani. Она извлекала из своего плодоносного чрева еще трепещущие остатки, которые своим сходством с дядей свидетельствовали против него. Solveret, et patruo similes effunderet offas.

Итак, мы видим, что Юлия прибегала к абортам с целью уничтожить доказательство своей связи с дядей Домицианом. И чаще всего женщины прибегали к выкидышам именно по аналогичным соображениям.

Коринна, возлюбленная Овидия, сделала то же с целью уничтожить доказательства своей связи с поэтом. «Коринна, как и многие друга с женщины, увидела, что спокойствие ее жизни будет нарушено появлением на свет свидетеля ее проступка и, подобно многим другим, старалась уничтожить этого ребенка, угрожавшего ее покою и красоте». (Овидий, Amores). Dum ladefacat onus gravidi temeraria ventris, in dubio vita lassa Corinna jacet.

Овидий, который не был соучастником этого преступления, был возмущен поступком своей любовницы, но потом просил все же богов даровать ей прощение; при этом он посылал проклятия женщине, которая впервые подала пример такого злодеяния. «За эту борьбу против природы она заслуживает смерти, говорит он: ей хотелось избежать появления нескольких складок на животе».

Ut careat rugarum crimine venter: «И она рисковала сойти в могилу».

«Женщине зачем вводить в свое чрево смертоносное орудие, зачем давать яд ребенку, который еще не жил?».

Vestra quid effoditis subiectis viscera telis et nondum natis dira venena datis. Заканчивает он свою красноречивую элегию следующими словами:

«Она умирает, погубив свое дитя, и когда ее с разметавшимися волосами укладывают на ложе смерти, все окружающие говорят: «Это справедливо, это разумно, она этого вполне заслужила!».

Saere, suos utero quae negat, ipsa perit. Ipsa perit, ferturque toro resoluta capillos: et clamant, merito! qui nodumque vident.

В «Heroides» Овидия мы находим письмо Канацеи к ее брату Макарею, от которого она забеременела: «Первое предчувствие моей беременности появилось у моей кормилицы; она мне сказала: дочь Эола, ты любишь! Я покраснела и от стыда опустила долу глаза.»

Этот немой язык, это признание были в достаточной мере выразительны.

«Тяжелое бремя уже округляло мое кровосмесительное чрево и все члены моего больного тела изнемогали под тяжестью тайной ноши.

Jamque tumescebant vitiati pondera ventris, aegraque furtivum membra gravabat onus.

Сколько трав и лекарств приносила мне моя кормилица, заставляла принимать их смелой рукой.

Quas mihi non herbas, quae medicamina nutrix aitulit, audei supposuitque manu.

Чтобы избавить мое чрево — это мы скрыли от тебя — от все растущей тяжести! Но ребенок живуч, он устоял против всех ухищрений искусства и был уже вне власти своего тайного врага».

Итак мы видим, что чаще всего изгнание плода вызывалось путем плодогонных средств, по средства эти не всегда оказывались действительными, и ребенок оставался невредимым в чреве матери. Тогда приходилось прибегать к прокалыванию яйца с помощью смертоносного железного стержня, как это сделали с той молодой девушкой, которая «умерла, погубив своего ребенка».

Впрочем, римские женщины прибегали к выкидышам не только с целью уничтожить плод незаконной связи. Иногда, а по словам Овидия — даже большей частью, это делалось с целью избегнуть обезображивания фигуры, рубцов на животе, которые лишали любовника некоторой иллюзии… тех самых рубцов, которые честная женщина должна чтить, как благородные рубцы материнства.

Итак, желание ускользнуть от всех неприятностей беременности, от родовых мук, материнских забот, сохранить все свое очарование, чтобы нравиться любовникам — такова была мораль римской матроны в эпоху упадка. Aulu-Gelle, полный справедливого негодования, обращается к ней со следующими словами:

«Неужели ты думаешь, что природа даровала женщине груди как красивые возвышения, украшающие женщину, а не для того, чтобы она могла кормить своих детей? Так, очевидно, полагает большинство наших прелестниц, prodigiosae mulieres; они стараются осушить и истощить эти священные источники, из которых род людской черпает жизнь, и рискуют испортить молоко или совсем лишиться его, как будто оно портит эти атрибуты красоты. То же безумие гонит их к удалению плода путем различных вредных снадобий, и все это делается для того, чтобы гладкая поверхность их живота не покрылась складками и не опустилась под тяжестью ноши и родовых мук».

Мы уже упомянули о том, что sagae, кроме сводничества и вытравления плода, занимались еще поставкой косметических и парфюмерных средств и медикаментов, вызывающих половое возбуждение. Для приготовления их они употребляли всякие ароматические вещества из Азии и Африки, которые оказывали возбуждающее действие на половые органы. В этом-то чрезмерном употреблении снадобий и следует усмотреть причину непомерной похотливости и половых эксцессов, которые присущи были римлянам. Очевидно, что все разряды проституции так или иначе составляли клиентуру sagae, которые, будь они парфюмерши или волшебницы, акушерки или сводницы, все же в общем были старые куртизанки, состарившиеся на поприще проституции.

В Риме употребление духов было очень распространено: душились все — мужчины, женщины, дети, публичные женщины и педерасты; поэтому ремесло sagae, равно и цирюльников, ревностных пособников педерастии, было очень прибыльным. На восходе и при закате солнца, перед началом пира, после купания римляне натирали все тело благоухающими маслами; одежда и волосы пропитывались благовонными эссенциями, в комнатах сжигался ароматический порошок, его же употребляли в пище, в напитках, в воде, предназначенной для обмывания и для мебели, им посыпали одеяла на постелях. Вследствие резкого запаха благовоний вся нервная система находилась в состоянии непрерывного возбуждения и раздражения. Само собой разумеется, главными потребителями являлись кутилы и куртизанки, которые пользовались ими в большом количестве.

«Все эти благовония, говорит Дюфур, приходили на помощь сладострастию, особенно перед началом палестры Венеры, paloestra Venerea, как говорили древние. Все тело обоих любовников натиралось спиртными благовониями, причем предварительно оно омывалось ароматной водой; фимиам курился в комнате, как перед жертвоприношением; постель была украшена гирляндами цветов и усеяна лепестками роз, вся мебель осыпалась дождем народа и кинамона. Ароматические воды часто сменялись в течение долгих часов любви, в атмосфере более благоуханной, чем на самом Олимпе».

Всякие приспособления для разврата, все предметы, которые давали проституции средства для искусственного возбуждения чувственности — все это служило предметом тайной торговли sagae. Мы не станем описывать всех этих орудий разврата и растления, к помощи которых прибегал культ противоестественной любви.

Все эти чудовищные утонченности вырождающегося потомства первых римлян заклеймены словами апостола Павла[80]: «Сам Бог, говорит он, отдал их в жертву позорным страстям, потому что женщины заменили природный способ сношений с мужчиной другим, который противен природе; равным образом и мужчины, отказавшись от естественного способа сношений с женщиной, воспылали порочной страстью друг к другу; теперь же они получают воздеяние за свои прегрешения».

Это воздаяние, как мы увидим дальше, выражалось в различных болезнях половых органов: истечение жидкости, язвы и кондиломы заднего прохода. Да и могло ли быть иначе при наличности гнусных способов онанизма и мужеложества, когда женщинам нужны были искусственные Phallus'ы, так как естественные половые отношения уже не удовлетворяли их пресыщенную чувственность? Мужчины для возбуждения полового чувства прибегали к раздражающим суппозиториям, к противоестественным средствам; особенно злоупотребляли ими развратники, расслабленные всевозможными утонченными приемами проституции. Они называли все эти приспособления общим именем «Fascina». Это выражение мы находим у Петрония в описании таинств, «которые возвращают нервам их мощь». Таинства эти заключаются в следующем: «Simulque profert Aenothea scorteum fascinum, quod ut oleo et minuto pipere atque urticae trito circumdedit semine, paulatim coepit inserere ano meo… Viridis urticae fascem comprehendit, omniaque infra urabilicum coepit lenta manu coedere»[81]. В переводе это означает: «При этих словах, Энофея приносит кожаный фаллус, посыпает его перцем и

истолченным семенем крапивы, растворенным в масле, и вводит его мне постепенно в задний проход. Потом, взяв в руку пучок свежей крапивы, хлещет им по низу живота». Энофея, как понимает читатель, была старая чародейка, жрица, которая как все sagae в Риме занималась терапией полового бессилия.

В числе соучастников проституции следует еще упомянуть о прислужниках в общественных банях, так как, само собой разумеется, лупанарии и другие места легальной проституции не исчерпывали собой всего разврата Рима. К числу их принадлежали термы, о которых Петроний совершенно справедливо замечает:

Balnea, vina, Venus, corrumpunt corpora sana; et vitam faciunt balnea, vina, Venus. Ванны, вино, любовь, разрушают телесное здоровье и в то же время вся прелесть жизни в ваннах, вине и любви.

Около грех часов пополудни звон колокола оповещал об открытии этих учреждений. Одни из них предназначались для аристократии, другие — для черни. Плата за вход в эти последние была очень невысокая, в некоторых же вход был даже даровой, так как они устроены были и содержались за счет богатых людей, как средство для избирательной агитации. В общих чертах, термы были устроены так, что в залах царил полумрак, и для каждого пола было свое отделение. Но впоследствии освещение было усилено, а бани сделаны общими. Это смешение и привело, конечно, к величайшей порче нравов. В банях были бассейны, в которых могло поместиться до 1000 человек. Мужчины, женщины и дети плескались совершенно нагие в воде. Эти обширные водяные лупанарии представляли обширное же поле действия для развития проституции. И она процветала с самым откровенным цинизмом на глазах эдилов. В них не только назначали свидание друг другу, не только разыгрывали совершенно публично сцены разврата, но здесь совершали самые чудовищные гнусности.

Римские Лесбианки предлагали свои порочные ласки и обучали своему искусству рабов и детей. Эти последние известны были под именем fellatores, женщины назывались fellatrices. И все эти отвратительные страсти разыгрывались среди белого дня. Прочитайте Ювенала, сатирические стихи Марциала, комедии Плавта и Теренция. Матроны отдавались профессиональным массажистам: Unctor sciebat dominam suam hujus modi titillatione et contretatione gaudere. Ювенал говорит о том же в одном из своих знаменитых стихотворений. Таким образом, термы были местом публичной проституции, разврата и всякого рода излишеств, так как в них часто ели, пили, играли, предавались

позорному сладострастию, несмотря на указы некоторых императоров, например, Марка Аврелия, Александра Севера, невзирая на протесты честных граждан, предвидевших угрожавшие стране несчастья.

Далее, проституция находила себе приют в тавернах, гостиницах и кабачках. В таверне или popina, в темной сводчатой комнате нижнего этажа, среди бочек и аморф можно было видеть мужчин и девушек, сидевших у столиков. Здесь они пили, ели, играли и предавались всяческому разврату. В гостиницах, cauponae, имелись комнаты, которые сдавались в наймы посетителям. Что же касается diversoria, то это были ничто иное как меблированные гостиницы, где проводили ночи.

Эдилы обязаны были наблюдать за этими учреждениями и притонами, где скрывались большей частью преступники, и не зарегистрированные проститутки, которые хотели избавиться от уплаты налога на занятие проституцией. Владельцы гостиниц отвечали за все преступления, которые у них совершались; эдил налагал многочисленные штрафы, которые уплачивались на месте; в противном случае виновник coram populo наказывался определенным числом ударов розог.

Подвальные этажи булочных, где помещались мельницы для помола зерна, также служили приютом для бродячих проституток и их спутников. Эдилы собирали здесь хорошую жатву и не препятствовали гнусному торгу, который шел здесь день и ночь.

Наконец, говоря о местах, где процветала проституция, следует упоминать о темных уголках, которые находились под лестницами цирка, между колоннами и cavae, где заключены были гладиаторы и звери. В дни общественных игр все куртизанки низшего ранга предавались разврату в сырых подземельях арены. Находясь внутри здания, они делали знаки зрителям и уходили с ними через vomitaria.

Это длилось в течение всего представления; они сновали взад и вперед в сопровождении глашатаев, которые были их сутенерами, по лестницам cunei, в proecinctiones, круглых коридорах, расположенных между podium, где заседал император, весталки, сенаторы и всадники, и каменными лестницами, popularia, предназначенными для народа. Эдилы допускали эти постыдные оргии, которые в сущности очень мало оскорбляли общественную нравственность; от владельцев же гостиниц, содержателей меблированных комнат, булочников, глашатаев и сутенеров они требовали только точной уплаты таксы, meretricium.

Регламентация проституции в Риме

Институт брака, введенный в интересах государства, строгими законами Ромула и его преемников, создал ту строгость женских нравов, которая впоследствии составляла основную черту Рима. Законы Ромула (числом четыре) были необходимы для обуздания бурных страстей полудиких людей того времени, необходимы для того, чтобы под нарождающееся государство заложить прочный фундамент. Впрочем, постановления о браке, начертанные на медных таблицах в Капитолии, касались только римских граждан, вольноотпущенники же и плебеи продолжали свободно предаваться конкубинату и проституции. Эта свобода была крупной политической ошибкой, и она неминуемо должна была создать тот очаг разврата, который впоследствии, во времена Империи, после больших войн с азиатскими народами, распространился на все классы общества и постепенно привел к упадку Рима.

Брак в древнем Риме, в зависимости от условий брачного договора, давал вступающим в него более или менее значительные гражданские права и преимущества. Брачный обряд в виде принесения в жертву panis farreus, т. е. того самого хлеба, который ели супруги во время свадебного обряда, считался наиболее приличным; эта форма брака представляла женщине больше прав и знаков уважения, чем другие. Другая форма, usucapio, пользовалась меньшим почетом и получила даже название полубрака; эта последняя являлась следствием простого сожительства в течение одного года, при условии, если за то время не было перерыва больше, чем на три дня подряд. Распущенность нравов способствовала тому, что usucapio сделалась наиболее употребительной формой. В наложничестве не видели ничего постыдного: оно было как бы третьей формой брака, и даже закон называет его дозволенным обычаем.

Впрочем, законность этого третьего брачного союза основалась исключительно на доброй воле лиц, в него вступающих. Прочность такого брака определялась только личным желанием его членов, ex sola animi destinatione, по выражению законодателя. Он получил название сожительства, не пользующегося защитою права, injustae nuptiae. Наложница не считалась супругой; она лишь заменяла последнюю, отличаясь от нее одеждой. Дети ее не были членами семьи ее мужа; общение с согражданами допускалось законом; они не имели прав на наследство.

На наложниц стали смотреть особенно презрительно с той

поры, как закон разрешил брать наложниц только из числа рабов, женщин низкого происхождения, или, наконец, женщин знатных, но опустившихся до занятия проституцией или другим ремеслом, столь же низким и презренным. Наложниц почти не отличали от проституток. Всеобщая развращенность не возмущала нравов, а напротив, стала составной частью их[82].

Из сочинений римских историков известно, какое отвращение к прелюбодеянию питали римляне республиканского периода и каким ужасным наказаниям подвергались женщины, виновные в этом преступлении. Их публично сажали в позорные тиски, запрягали как животных в колесницу палача и, наконец, предавали публичному поруганию.

В то время как римская матрона, mater familias, пользовалась всеобщим уважением и пометом, в то время как весталки постоянно поддерживали на алтарях священный огонь целомудрия — много женщин и девушек из народа предавались худшему виду рабства: проституции.

Великий юрист Домиций Ульниан, автор Liber singularis regularum, труды которого по римскому праву почти целиком вошли в Пандекты, сообщает в своем сочинении De ritu nuptiarum, как римский закон определял проституцию.

Вот его слова:

Женщина публично занимается проституцией не только в том случае, когда она торгует своим телом в местах разврата, но и тогда, когда она не бережет своей чести в питейных домах и иных местах, которые она посещает.

Под публичным развратом разумеется поведение женщины, отдающейся без разбора всякому мужчине. Это понятие не обнимает, однако, ни замужних женщин, виновных в прелюбодеянии, ни обольщенных девиц.

Понятие публичного разврата не распространяется на женщин, отдающихся за деньги одному или двум лицам.

Октавиан справедливо причисляет к женщинам, занимающимся публичным развратом, тех, которые делают это не за деньги.

Публичные женщины не вносились в цензы (списки населения); они были зарегистрированы в особых списках, составлявшихся эдилами; последние выдавали им разрешение заниматься развратом, называвшееся licentia sturpi — т. е. нечто, аналогичное современным cartes de perfectures (билеты).

Разрешения эти долгое время выдавались только женщинам плебейского происхождения; но в эпоху империи, когда развращенность достигла высшего предела, и патрицианки добились своего занесения в списки [83].

Понятие проститутки связано было с позором, что в свою очередь влекло гражданскую смерть в юридическом смысле. То же самое ожидало (и притом вполне заслуженно) и лиц, занимавшихся сводничеством, lenocinium[84]. Неизгладимая печать позора ложилась на всех агентов проституции: публичных женщин и их содержателей, сводников и сводниц (leno и lena), кабатчиков, содержателей гостиниц, булочников, парфюмеров и других торговцев, объединенных общим именем meretrices (блудников) — т. е., на всех тех, которые спекулировали постыдной торговлей человеческим телом. Исключительно посреднический характер этих занятий, как гласил закон, не избавлял их от позора. Все эти meretrices, хотя и лишены были гражданских прав, тем не менее обязаны были платить определенный налог в пользу города, что противоречило духу закона. Этот налог называется vectigal или meretricium.

У Калигулы возникла мысль обложить налогом публичный разврат, не отдавая его на откуп, как это было в Греции. Александр Север, которому не нравился такой вид обложения, сохранил его все же под названием налога на содержание общественных зданий. Феодосий и Валентиниан совершенно уничтожили его, но их преемники восстановили этот налог, не усматривая в нем ничего постыдного. Наконец, Анастасий упразднил его навсегда.

Существовал далее закон о проституции, запрещавший гражданам вступать в брак с рабами, отпущенными на волю lenon'ами (посредниками); этот же закон запрещал публичным женщинам выходить замуж и сенаторам жениться на дочерях lenon'ов.

Проститутки обязаны были, по полицейским правилам, носить особое платье. Вместо стыдливой столы — одежды римской матроны, доходившей до пяток, проститутки должны были иметь короткую тунику и тогу с разрезом спереди; эта одежда утвердила за ними прозвище togatae. Одно время они позаимствовали у азиатских куртизанок их платье из прозрачного шелка, sericae vestes, через которое видно было все тело. В эпоху империи матроны также усвоили эту моду и в свою очередь приняли тот позорный вид, который так возмущал Сенеку. «За большие деньги — говорит он — мы выписывали эту материю из отдаленнейших стран, и все это лишь для того, чтобы нашим женам нечего было скрывать от своих любовников».

Проституткам не разрешалось носить белых лент (vittae tenes), которыми поддерживали прическу молодые девушки и порядочные женщины. Они должны были носить светлый парик или окрашивать волосы в желтый цвет, а на улице носить

капюшон (pelliolum). Для цирка, театра и общественных собраний полагалась особая прическа, а именно: митра, нимбо или тиара, — по желанию — с цветочными, иногда золотыми украшениями или с драгоценными камнями. Митра была менее заострённой, чем у наших прелатов и так же, как у последних украшена двумя подвесками, спускавшимися на щеки… Наконец, обуты они были в сандалии, матроны же носили полусапожки.

По постановлению Домициана им было запрещено гулять по улицам на носилках[85]. Дело в том, что этот род передвижения, первоначально предоставленный беременным матронам, скоро сделался чем-то вроде переносного алькова для богатых куртизанок; альков этот несли восемь рабов. Гуляя таким образом, женщины впускали к себе в альков своих случайных любовников, и, задернув занавеси, отдавались им; когда на общественных прогулках куртизанки были одни, in patente sella, они принимали горизонтальное положение, раскинувшись на подушках, стараясь привлечь на себя взгляды мужчин и возбудить в них желания. По смерти Домициана они снова стали употреблять носилки, а замужние женщины последовали их примеру; последнее обстоятельство заставило Сенеку сказать: «Тогда римские матроны возлежали в своих колясках, как будто желая продать себя с публичного торга».

Проституция у мужчин

Разврат Цезарей

Мы последовательно сделали обзор всех видов женской проституции в Риме: проституции по долгу гостеприимства, религиозной и узаконенной; последняя составляла занятие публичных женщин, всех разрядов волчиц, богатых куртизанок и матрон. Теперь нам предстоит ознакомиться с проституцией мужчин.

Она была таким же распространенным явлением, как и женская проституция, и не только среди плебса, вольноотпущенников и рабов, по и в высших кругах: среди императоров, сенаторов, всадников и т. д. Порок и разврат этих лиц навсегда останутся предметом изумления цивилизованных народов. Вот несколько фактов.

Юлий Цезарь. — Обольстил Постумию, жену Сервия Сульпиция, Лоллию, жену Аула Габиния, Тертуллу, жену Марка Красса, Марцию, жену Гнея Помпея, Сервилию и ее дочь Терцию[86]. Но все это не удовлетворяло его, и помимо многочисленных любовных связей с римскими матронами, помимо романа с мавританской царицей Евноей и с Клеопатрой он проституировал с мужчинами; царь Вифинии, Никомед, первый обольстил его rumore prostratae regi pudicitiae. Цицерон в своих письмах подтверждает этот факт; Долабелла порицал за это Цезаря с сенатской трибуны, называя его царской наложницей. Куриан придумал на его счет названия «публичный дом

Никомеда» и «Вифинская проститутка». Когда однажды Цезарь имел неосторожность сказать что-то в пользу Низы, дочери своего любовника, Цицерон тоном отвращения прервал его: «Прошу тебя оставить этот разговор; всем прекрасно известно, что ты получил от Никомеда и что ты дал ему взамен».

Октавий, говоря о Цезаре, называл его королевой, а Помпея — королем. Когда после победы над галлами Цезарь на триумфальной колеснице поднимался к Капитолию, воины, окружавшие его, пели: «Цезарь покорил галлов, а Никомед покорил Цезаря. Сегодня Цезарь празднует победу над галлами, Никомед же не празднует победы над Цезарем». Однажды он договорился до того, что он мог бы ходить по головам своих сограждан; на это ему возразили, что женщине трудно это сделать. Цезарь нашелся только возразить, что Семирамида царствовала в Ассирии и что амазонки царствовали в большей части Азии. Таков был Цезарь по описанию Светония; он был «мужем всех женщин и женой всех мужчин».

Октавий. — «Не один позорный поступок запятнал его имя уже в молодости», говорит о нем Светоний[87]. Марк Антоний ставил ему в вину то, что «он добился своего усыновления дядей ценою собственного бесчестья». Брат Марка Антония Люций говорит, что Октавий, «отдав цвет своей невинности Цезарю, продал ее затем вторично в Испании некоему Тиртию за 300 000 сестерций»; Люций говорит еще, что «Октавий имел привычку сжигать волосы на ногах с целью сделать новые волосы мягче». Секст Помпей называл его женоподобным, а известно, что означало это слово в Риме.

Однажды народ с восторгом применил к нему один стих, который произнесен был на сцене театра и относился к одному жрецу Кибеллы, игравшему на гуслях; стих этот означает:

«Видишь, наложник царствует над миром».

Впрочем, Октавий не только мужеложствовал: он, также как и его дядя, питал какую-то бешеную страсть к замужним женщинам и к девушкам, ad vitiandas virgines promtior. Вот что говорит об этом Светоний: «Друзья Октавия постоянно подыскивали для него замужних женщин и молодых девушек, которых он велел выставлять пред собою нагими и в таком виде рассматривал их как рабов, продаваемых на рынках в Торании». По словам Дюфура, эти несчастные жертвы императорского сластолюбия прежде, чем быть выбранными и одобренными, должны были выполнить ряд капризов Октавия; последний с любопытством разглядывал самые сокровенные подробности их красоты. В этом смысле комментаторы истолковали слова «conditiones quaesitas»,

которые историк прикрыл, так сказать, прозрачной вуалью.

Вот еще эпизод, описанный Светонием и Марком Антонием и обнаруживающий безнравственность и деспотический нрав Октавия: «Во время одного пиршества Октавий пригласил из столовой в соседнюю комнату жену одного из своих приближенных, несмотря на то, что муж ее был в числе приглашенных. Гости успели выпить много бокалов вина во славу цезаря прежде, чем она вернулась в сопровождении Октавия; при этом уши у нее горели и волосы были в беспорядке. Один только муж как будто ничего не замечал». В следующей главе Светоний продолжает: «Много толков возбудил один таинственный пир, который называли «пиром двенадцати божеств»; гости на этом пиру были в одеждах богов и богинь, а сам Октавий изображал Аполлона». Антоний в своих письмах, где он жестоко нападает на императора, не побоялся назвать по имени всех, кто присутствовал на этом пиршестве. Этому же пиршеству некий анонимный автор посвятил следующее стихотворение:

> Когда среди возмутительной брани и криков,
> Осквернявших великий и священный образ Аполлона,
> Цезарь и его друзья кощунственной игрою
> Изображали радости и грехи богов;
> Все боги, покровители Рима и Италии,
> Отвратили свой взор от этой гнусной картины людей;
> И великий Юпитер в гневе сошел
> С того трона, на котором сидел со времени Ромула.

Таков был Октавий Август, лицемерный автор закона о прелюбодеянии и вместе с тем любовник-кровосмеситель своей дочери Юлии.

Тиверий — О его развратном образе жизни Светоний говорит[88]: «Он создал новое учреждение, которое можно было бы назвать «Управлением по делам сладострастия». Во главе его он поставил римского всадника Казония Приска. novum officium instituit, a voluptatibus, praeposito equito romano tito caesonio prisco.

«В Капри, где он любил уединяться, было несколько мест, предназначенных для удовлетворения его развратных вожделений: здесь молодые девушки и юноши изображали отвратительные страсти, которые он называл Spintria; они образовывали друг с другом тройную цепь и обнявшись таким образом, совокуплялись на его глазах; зрелище это имело целью подогреть потухавшие страсти старика. Некоторые комнаты в его

дворце были украшены рисунками самого похотливого свойства; рядом с ними лежали книга Элефантиды[89]; таким образом все в этой комнате поучало и давало примеры наслаждений, ne cui in opera edenda exemplar impretatae schemae decsset.

«Но в своем бесстыдстве он заходил и еще дальше, так далеко, что поверить этому так же трудно, как и писать об этом. Говорят, что он приучил маленьких детей, которых он называл своими маленькими рыбками, играть между его ногами, когда он купался в ванне, кусать его и сосать; этот род наслаждения всего более соответствовал его возрасту и наклонностям.»

«Существует также предание, что во время одного жертвоприношения он внезапно прельстился красотой юноши, курившего фимиам; с нетерпением ждал он конца церемонии и лишь только она кончилось, он изнасиловал этого юношу, а также его брата, игравшего на флейте; затем он велел перебить им нога за то, что они жаловались на нанесенное им бесчестье. Он велел умертвить Маллонию, публично назвавшую его отвратительным стариком, odscenitatae oris hirsuto atque olido seni clare exprobata».

В Ателланах[90] изображена была гнусная картина старого козла, лижущего козу, hircum vetulum capris naturam ligurire; под козлом подразумевается Тиверий. Эта картина вызывала всеобщее одобрение.

История с полным основанием заклеймила и Помпония Флакка, Секста Галла и многих других, с которыми мужеложствовал Тиверий во время своих знаменитых ночных оргий; оргии эти происходили в присутствии прислуживавших им нагих девушек, nudis puellis ministrantibus.

Калигула. Имел, по словам Светония, продолжительную преступную связь со всеми своими сестрами, которых он затем предоставил своим любовникам. Cum omnibus sororibus suis stupri consuetudinem fecit. Он был так же порочен в своих браках, как и в разводах. Это был одновременно и развращенец и развратитель. Он горел позорной любовью к Марку Лепиду, к шуту Мнестеру и к некоторым из заложников. Валерий Катулл, молодой человек из консульской семьи, обвинил Калигулу в целом ряде насилий над ним, вследствие которых у него появилась боль в боках. Valerius Catullus consulari familia juvenis stupratum a se, ac latura sibi contubernio ejus defessa etiam vociferatus est. he говоря уже о его гнусной связи с сестрами и с куртизанкой Пираллидой, он вообще не питал ни малейшего уважения к женщинам даже самых высоких качеств. Он приглашал их вместе с их мужьями ужинать и заставлял их проходить перед ним, как на смотру; при этом он разглядывал женщин с внимательностью работорговца и по

временам приподнимал им голову за подбородок, когда они от стыда опускали ее. Ту, которая ему нравилась, он уводил в соседнюю комнату; возвратившись оттуда с еще свежими следами разврата, он громко расхваливал ее прелести, или порицал недостатки, в которых только что имел случай удостовериться.

Калигула ел и спал в конюшне с молодыми конюхами; одному из них, Цитику, он после одного пиршества дал два миллиона сестерций за то, что тот сумел ему понравиться.

Свой дворец он превратил в публичный и игорный дом и старался привлечь туда высшую римскую аристократию, чтобы выманить у нее деньги и приобщать ее к своему грязному разврату.

Ему обязан Рим установлением налога на проституцию; все публичные женщины и вообще все, занимавшиеся проституцией за деньги, должны были платить налог (Vectigal) в сумме одной восьмой части дневного заработка (ex capturis). (Светоний).

Клавдий — слабоумный супруг Мессалины, известной своими любовными связями с погонщиками мулов из Субура (квартал в Риме), имел, по крайней мере, то преимущество перед предшественниками, что не развратничал с шутами, а его половые излишества носили чисто физиологический характер. Светоний отдает ему справедливость в этом отношении, говоря в своей истории следующее: «libidinis in feminas profusissimae, marium omnino expers». Любовный пыл его к женщинам действительно доходил до излишества, но зато он не имел никаких связей с мужчинами. Такое исключительное явление заслуживало быть упомянутым.

Нерон — Когда друзья Домициана, отца Нерона, поздравляли его с рождением, он ответил: «От меня и от Агриппины может родиться только чудовище, только поношение человечества, quidquam ex se et Agrippina nisi desestabile et malo publico nasci potuisse. Пророчество это оказалось верным. Предоставим, однако, слово Светонию, историку цезарей: «Кроме многочисленных преступных связей с свободнорожденными мужчинами и всяких прелюбодеяний, он изнасиловал весталку по имени Рубрия. Сделав евнухом юношу по имени Спор, он затем женился на нем, устроив самый торжественный обряд венчания. «puerum Sporum, exectis testibus etiam muliebrem naturam transfigurare conatus est: cum dote et flammeo per solemni nuptiarum celebrimo officio deductum ad se pro uxore habuit»[91].

Он нарядил Спора в одежду царицы и сопровождал его на носилках; таким образом они посещали собрания и рынки в

Греции, а также различные кварталы Рима; по время этих прогулок Нерон от времени до времени целовал Спора, identidem exosculans. Не подлежит сомнению, что он хотел сделать своей любовницей собственную мать, но этому помешали враги Агриппины из боязни, чтобы эта властолюбивая и жестокая женщина не употребила во зло этот новый вид любви. Он взял себе в наложницы куртизанку, очень похожую на Агриппину; уверяют даже, что всякий раз, как он ездил на носилках со своею матерью, на его одежде замечали следы поллюций, libidinatum incesta ac maculis vestis proditum offirmant.

Он развратничал до такой степени, что у него не осталось ни одной неосквернённой части тела. Suam quidem pudicitiam usque adeo prostituit, ut contaminatis pene amnibus membris. Он выдумал новую игру, состоявшую в следующем: одевшись в звериную шкуру, он из ложи бросался на мужчин и женщин, привязанных к стойкам и представлявших добычу его страстей; удовлетворив последние, он сам становился добычей своего вольноотпущенника Дорифора, на котором в свое время женился, как на Споре. Conficeretur a Doryphoro liberto; cui etiam, sicut ipsi Sporus, ita ipse denupsit. Мужеложствуя с упомянутым Дорифором, Нерон кричал, желая изобразить страдания девушек, когда их лишают невинности. Voces quoque et ejulatis vim patentium virginum imitatus. Лица, знавшие Нерона, рассказывали мне, прибавляет Светоний, что он был убежден в том, что ни один человек ни в одной части своего тела не может быть невинен и что большинство людей умеет лишь скрывать свои пороки; поэтому он все прощал тем, кто признавался в своих грехах. Не было решительно ничего, что могло бы обезопасить от его похотливых преследований; он изнасиловал молодого Аула Плавция перед тем, как отправить его на казнь. Он был одним из самых деятельных насадителей разврата в Риме, в частности, разврата римских матрон. Он презирал все культы, кроме культа Изиды, богини Сирийской.

История произнесла справедливый приговор над императором Нероном Клавдием Агенобарбом!

Гальба — Одним из его пороков была педерастия; при этом он предпочитал не нежных юношей, а мужчин зрелого возраста. libidinis in mares pronior, et cos nonnisi priaduros, exoletosque. (Светоний).

Когда Ицел, один из прежних его любовников, прибыл в Испанию, чтобы сообщить ему о смерти Нерона, Гальба стал при всех самым неистовым образом обниматься с ним, поцеловал, приказал остричь ему волосы и восстановил его в его прежних

обязанностях.

Оттон, **Вителлий** — после Оттона, публично совершавшего мистерии Изиды в течение всего своего недолгого царствования, императором римским стал Вителлий. Детство и раннюю юность он провел в Капри, служа прихотям Тиверия, что послужило первой причиной возвышения его отца: с этого времени он получил прозвище spintria, сохранившееся за ним и впоследствии; прозвище это выдумал Тиверий для обозначения одного из наиболее чудовищных видов разврата.

Царствование его было царствованием шутов, конюхов, а в особенности одного вольноотпущенника Азиатика. Последний уже с ранней молодости был связан с Вителлием узами взаимной педерастии. Hunc adolesccnulem mutua libidine constupratum. Однажды Азиатик почувствовал отвращение к Вителлию и покинул его. Впоследствии Вителлий снова отыскал его в Пузолле и велел заковать в кандалы; но потом освободил его и возобновил с ним свою связь. Сделавшись императором, он однажды публично за столом положил перед Азиатиком золотое кольцо — знак всаднического достоинства.

Коммод — Был так же развратен и преступен, как Калигула и Нерон. Историк Ламприд пишет, что он был «бесстыден, зол, жесток, сластолюбив и осквернял даже свой рот». Turpis, improbus, crudelis, libidinosus, ore quoque pollutus, constupratus fuit. Он устроил из своего дворца дом разврата и привлекал туда самых красивых и молодых женщин, которые становились как бы рабынями публичного дома и служили ему средством для удовлетворения самых грязных вожделений. Popinas et ganeas in palatinis semper aedibus fecit; mulierculas formae scitioris, ut prostibula mancipia lupanarium pudicitiae contraxit. Он жил с шутами и с публичными женщинами; он посещал дома разврата, и там, одетый в костюм евнуха, разносил по комнатам воду и прохладительные напитки.

Рядом с ним в колеснице, на которой он впервые въехал в Рим, сидел его любовник, омерзительный Антер, которого он осыпал самыми грязными ласками. С этим Антером Коммод имел обыкновение проводить часть ночи в притонах Рима, откуда выходил всегда в пьяном виде.

В своем дворце он содержал несколько сот женщин, среди которых были и матроны и проститутки; он имел кроме того много наложниц из самых различных слоев общества; все они были предназначены для удовлетворения его грязных страстей. Ежедневно мужчины и женщины приглашались в качестве гостей

к его столу и на его императорские оргии. То он приказывал своим наложницам предаваться отвратительному виду разврата — сафизму; то устраивал себе жилище общего совокупления представителей обоих полов. Ipsas concubinas suas sub oculis suis stuprari jibebat; nec irruentium in se iuvenum caredat infamia, omni parte corporis atque ore in sexum utrumque pollutus. Он осквернял всех, кто только находился при нем, и сам осквернялся всеми, omne genus hominum infamavit quod erat secum et ad omnibus est infamatus. Особенно любил он развратничать с одним вольноотпущенником, получившим имя Onon'a к силу некоторых физических особенностей, делавших его похожим на осла.

До того, как он начал развратничать со своими презренными любимцами, он изнасиловал своих сестер и родственников и жалел, что ему не удалось сделать того же со своею матерью.

По словам Иродиана, Коммод не был в состоянии долго вести такую развратную жизнь; он нажил болезнь, выразившуюся в больших опухолях в паху и многочисленных красных пятнах на лице и на глазах; случай заболевания сифилисом, вызванным половыми эксцессами и противоестественными привычками.

Гелиогабал — Это было воплощение пороков и противоестественного безумия. Он облачался в женские одежды, увешивал себя драгоценностями и полагал свою славу в том, что отдавался решительно каждому, приходившему к нему. Он был достойным сыном куртизанки Семиамиры и Каракаллы. Он заставлял искать по всей Империи таких мужчин, у которых выдающиеся физические качества соединились бы с сладострастием куртизанки. На цирковых играх он выбирал наиболее крупных гладиаторов, чтобы сделать их соучастниками своих гнусностей. Там же в цирке он однажды обратил внимание на нескольких конюхов, которых он заставил принять участие в его грязных пирах; к одному из этих конюхов, Гиероклу, он питал такую страсть, что публично дарил ему самые омерзительные ласки. Hieroclem vero sic amavit ut eidem oscularetur inguina.

Чтобы иметь возможность выбирать себе любовников, обладавших привлекательными для него качествами, ut ex eo conditiones bene vastatorum hominum colligeret, он устроил в своем дворце общественные бани, где купался со всем населением Рима. С этой же целью он ежедневно посещал все дома терпимости, набережные Тибра и переулки.

Людей, обладавших огромными половыми органами, он возвышал до наиболее высоких чинов. Commendabos sidi pudibilium enormitate membrorum.

Однажды он встретил раба гигантского роста, обладавшего

атлетическими формами. Он увлек его за собой, несмотря на то, что раб еще был покрыт дорожной пылью, и тотчас же водворил его в своей спальне.

На следующий день он торжественно отпраздновал свадьбу. Вот что говорит об этом историк Кассий: «Гелиогабал заставлял своего мужа дурно с ним обращаться, ругать его и бить с такой силой, что на его лице часто оставались следы полученных ударов. Любовь Гелиогабала к этому рабу не была слабым и временным увлечением; наоборот, он питал к нему такую сильную и постоянную страсть, что вместо того, чтобы сердиться на него за побои и грубости, он еще нежнее ласкал его. Он хотел провозгласить его Цезарем, но мать и дед его воспротивились этому распутному и сумасшедшему намерению».

Но этот раб не был единственным, кого император выделял из общего числа своих любовников. Он имел соперника в лице повара Аврелия Зотика, которому Гелиогабал дал высокое придворное звание только потому, что ему заочно восхваляли его физические достоинства. «Когда Аврелий впервые появился во дворце, — пишет Кассий, — Гелиогабал бросился к нему навстречу с лицом, покрасневшим от волнения; Аврелий, приветствуя, по обычаю назвал его императором и господином; тогда Гелиогабал повернул к нему голову, бросил ему сладострастный взгляд и с нежностью, свойственной женщинам, сказал: «Не называй меня господином, ведь я женщина!» Он увлек его с собой в баню и там убедился, что рассказы о его удивительных физических достоинствах не преувеличены; вечером он ужинал в его объятиях, как его «любовница».

Многое можно было бы еще рассказать об этом порочном первосвященнике Солнца, о его сношениях с жрецами Кибелы (богиня земли) и с представителями мужской и женской проституции. Но и сказанного более чем достаточно, и мы этим заканчиваем историю разврата Цезарей и других тиранов древнего Рима; пусть читатель сам представит себе, как низко должен был пасть народ, имевший подобных властителей.

Из картины гнусностей римских императоров можно сделать некоторые выводы а именно: можно с уверенностью сказать, что нравы государей имели сильное влияние на нравы подвластных им народов, развращенность аристократии оказала гибельное влияние на низшие общественные слои, а придворная проституция своим примером несомненно заражала все слои общества.

Ученый Бартелеми выражает эту мысль в своем «Вступлении к путешествию по Греции»: «Чем ниже падают люди, стоящие во

главе государства, тем глубже влияние, оказываемое их падением. Развращенность низших слоев легко устранима и усиливается только вследствие невежества, потому что развращенность не передается от одного класса общества к другому; но когда она проникает в сферу носителей власти, она устремляется оттуда вниз и в этом случае ее действие гораздо сильнее, чем действие законов; можно смело сказать, что нравы всего народа зависят единственно от нравов правителей его[92].

По этой именно причине во все эпохи и у всех народностей самодержавие было причиной величия и славы, но оно же подавало пример моральной распущенности и способствовало развитию проституции. Но иначе и быть не могло, когда человеку, воспитанному в лести, вручалась власть правителя, которая позволяла ему по собственному капризу раздавать милости, богатства и оказывать предпочтение, когда к трону и алькову правителей приближали видных куртизанок, бывших послушным орудием в руках честолюбивой придворной знати.

Но ученые не всегда считали этих опасных и жестоких сатиров ответственными за то, что они делали. До некоторой степени их психология действительно носит болезненный характер, а сами эти люди подлежат ведению судебной медицины. Подобно многим другим правителям и вельможам, как например, маршалу Жилль де Ретц или известному маркизу де Сад, они были подвержены жестокой форме болезненного полового извращения, основными признаками которого Балль считает: ненасытную половую страсть в форме жестокости[93], равнодушие, с которым виновные не пытаются даже скрывать или отвергать свои гнусности, и почти постоянно обнаруживаемые при вскрытиях повреждения частей нервных центров.

Пастух по имени Andre Pichel был привлечен к суду за то, что изнасиловал, убил и разрезал на куски нескольких маленьких девочек. Он сам рассказал суду о своем деянии и добавил, что ощущает часто желание оторвать кусок человеческого мяса и съесть его. Один виноградарь, 24 лет, внезапно покинул своих родителей под предлогом искания работы. Побродив восемь дней в лесу, он встретил маленькую девочку, которую изнасиловал, а затем убил; не удовольствовавшись ужасным изувечением ее половых органов, он разорвал ей грудь и съел ее сердце. Эскироль, производивший вскрытие тела этого человека, констатировал прирощение мягкой мозговой оболочки к мозговому веществу и признаки чего-то вроде воспаления мозга. В других случаях подобного рода наблюдался и типичный менингит.

И действительно, чем иным, кроме импульсивного

сумасшествия и извращения полового инстинкта можно объяснить жестокости этих людей, которые в различные исторические эпохи как бы совмещали в себе половую извращенность целых народов? Жестокости Жилль де Лаваля де Ретц являются потрясающим примером этой господствовавшей в XV веке мании приапизма. Этот могущественный феодал, вернувшись после французской кампании в свой замок в Бретани, в течение нескольких лет принес в жертву своим противоестественным страстям более восьмисот детей! За эти преступления он был привлечен к церковному суду Бретани. Он признался в своих грехах и написал Карлу VII письмо, в котором рассказывает свою историю.

Это письмо — настоящее клиническое наблюдение, и поэтому оно заслуживает быть приведенным здесь:

«Я не знаю, пишет он, — но мне кажется, что только мое собственное воображение заставило меня так действовать, для того, чтобы испытать удовольствие и сладострастие; и действительно я испытывал наслаждение, без сомнения, посылаемое мне дьяволом. Восемь лет тому назад мне пришла в голову эта дьявольская идея…

Случайно в библиотеке дворца я нашел латинскую книгу, описывавшую жизнь и нравы римских Цезарей; книга эта принадлежала перу историка и ученого Светония. Она была украшена многими, хорошо исполненными рисунками, изображавшими грехи этих языческих императоров. Я прочел в ней, что Тиверий, Каракалла и другие цезари забавлялись с детьми и что им доставляло удовольствие мучить их. Прочтя все это, я пожелал подражать этим цезарям и в тот же вечер начал этим заниматься, следя по рисункам, бывшим в книге.»

Он признается, что истреблял детей, «воспламененный жаждой наслаждений»; детей убивали его слуги, ножами или кинжалами перерезали им горло и отделяли голову от туловища, или же разбивали им головы ударами палок и других предметов; не раз он отрывал или приказывал отрывать у них члены, чтобы найти внутренности, или привязывал их к железному крюку, чтобы удавить их и заставить умирать медленной смертью; когда они таким образом томились в предсмертных мучениях, он насиловал их и часто уже после их смерти наслаждался, смотря на красивые головы этих детей. Далее он продолжает:

«Останки же тел сжигались у меня в комнате, за исключением нескольких наиболее красивых голов, которые я сохранял как реликвии. Я не могу и точности сказать, сколько детей было таким образом убито, но думаю, что не менее 120 в год. Часто я упрекаю себя и жалею, что шесть лет тому назад оставил службу

вам, высокочтимый господин, потому что, оставаясь на службе, я не совершил бы столько злодеяний; но я должен признаться, что был принужден удалиться в свои владения, вследствие странной, бешеной страсти и вожделения, которое я почувствовал к вашему дофину; страсти, которая однажды едва не заставила меня убить его, как я впоследствии убивал маленьких детей, подстрекаемый дьяволом. Я заклинаю вас, мой грозный господин, не дать погибнуть вашему покорному камергеру и маршалу Франции, который хочет путем искупления своих грехов спасти свою жизнь, вопреки правилу Кармы».

Несмотря на это письмо, он был осужден и сожжен в 1440 г. в Нанте. Возможно, что в данное время не решились бы казнить подобное чудовище, признав его невменяемым. Судебная медицина и психиатрия с течением времени все чаще берет под свою защиту людей развращенных и извращенных, считая их подлежащими своей компетенции.

К несчастью, коронованные безумцы не подлежат суду.

Легальная педерастия

Этруски, Самниты, а также жители Великой Греции первые познали порок педерастии и передали его римлянам. Не нужно удивляться, что после позорных оргий императоров, мужчины и дети из низших классов предавались проституции и пассивно подчинялись грубым страстям развратного. Скоро в домах разврата было уделено одинаковое количество комнат как для девушек, так и для юношей.

Закон допускал как продажную любовь куртизанок, так и педерастию и прочие противоестественные отношения. По закону налог взымался как с женской проституции, так и с мужской. Но существовало единственное ограничение, согласно которому все должны были щадить людей свободнорожденных[94], эти же последние имели полное право насиловать рабов, мужчин и мальчиков, не принадлежащих к гражданам. Это ограничение предписывалось законом Скантиния, поводом к изданию которого послужила попытка изнасиловать сына патриция, Метелла.

Закон предоставлял таким образом полную свободу посягательств граждан на несчастных илотов римской цивилизации, и во многих аристократических семьях сыновья получали юного раба-наложника, с которым они удовлетворяли свои зарождавшиеся страсти. «Эпиталама Юлии и Маллия», написанная Катуллом[95], дает замечательное изображение того бесстыдства и нравственной распущенности, с которой семьи патрициев обращались с побежденными народностями, с

вольноотпущенными и вообще со всеми несчастными, которые были ниже их. В латинском языке появилось выражение pueri meritorii, служившее названием детей, предназначавшихся для мужской проституции, достигнув известного возраста, они получали название pathici, ephebi, gemelli. Приученные с детства к этому печальному ремеслу, для которого, казалось, они были рождены, они завивали свои длинные волосы, лишали лицо растительности, опрыскивались духами и придавали своим манерам женственность. Из их среды набирались шуты, танцоры и мимы, которые назывались cinoedi и по большей части подвергались кастрации, производившейся или цирюльниками, tonsores, или торговцами евнухов — mangones. Операцию эту делали часто в детстве: ab udere raptus puer, говорит Клавдий; тоже самое высказывает Марциал в своих стихах:

Rapitur castrandus ab ipso
Ubere: suscipiunt matris post viscera poenoe.

Но иногда кастрация производилась в зрелом возрасте, ut mentulasiones essent, чтобы предоставить римлянам, по выражению Св. Иеронима, securas libidinationes (безопасное распутство).

Ювенал часто говорит об этом в своей сатире на женщин. В другой своей сатире он замечает, что жестокая власть тирана никогда не проявлялась на безобразных детях: между патрицианскими юношами, которых с вожделением преследовал Нерон, не было ни одного хромого, горбатого, или золотушного.

«Nullus ephebum
Deformem soeva castravit, in arce tyrannus,
Nec proetextatum rapuit Nero loripedem, nec
Strumosum atque utero pariter gibboque tumentem».

Но евнухи этого рода служили не только женщинам, они привлекали к себе и мужей педерастов, poedicones, о которых сложилась пословица:

Inter faeminas viri et inter viros faeminae.

«Наконец, — говорит Дюфур, — чтобы хорошо понять привычку римлян к этим ужасам, нужно помнить, что они хотели испытать с мужчинами все наслаждения, какие могли доставить женщины, и кроме того еще и другие, особенные наслаждения, каких этот пол, законом природы предназначенный для служения любви, не мог дать им. Каждый гражданин, независимо от

благородства его характера или высокого социального положения, держал у себя в доме на глазах родителей, жены и детей гарем из молодых рабов. Рим был переполнен педерастами, которые продавались так же, как и публичные женщины, домами, предназначенными для этого рода проституции, и сводниками, которые занимались тем, что с большой для себя выгодой поставляли для гнусных целей толпы рабов и вольноотпущенников».

В одной из глав Сатирикона латинский писатель[96] дает нам разительную картину нравов, которая является чрезвычайно интересным документом для истории проституции. Аскильт, рассказывая о почтенном старце, которого он встретил ночью, бродя по Риму, говорит:

«Едва приблизившись ко мне, этот человек держа в руке свой кошелек, предлагал мне продать ему ценою золота мое бесчестье; старый развратник привлекал уже меня к себе развратной рукой и, несмотря на силу моего сопротивления… вы понимаете меня, мой друг Эвкольп? Во время рассказа Аскильта появляется старик, о котором он рассказал, в сопровождении довольно красивой женщины. Увидя Аскильта, он говорит ему: — «В этой комнате нас ждет наслаждение; будет борьба, вы увидите, как это приятно; выбор роли зависит от вас». Молодая женщина также уговаривала его пойти с ними. Мы все дали себя уговорить и следуя за нашими проводниками, прошли через ряд зал, в которых разыгрывались самые похотливые сцены сладострастия.

Люди боролись и боролись с такой яростью, что казались опьяненными сатириконом. При нашем появлении они усилили свои сладострастные движения, чтобы вызвать в нас желание подражать им.

Вдруг один из них, поднял до пояса одежды, бросается на Аскильта и повалив его на соседнюю кровать, пытается изнасиловать. Я бросаюсь на помощь несчастному, и совместными усилиями нам удается отразить это грубое нападение.

Аскильт бежит к двери и скрывается, а я один начинаю бороться с этими необузданными развратниками; но перевес силы и храбрости на моей стороне, и я, отразив новое нападение, остаюсь целым и невредимым».

Такова картина распущенности римских нравов, начертанная любимцем Нерона — Петронием — Arbiter elegantiarum, то есть заведывавшим развлечениями Нерона. Если легкомысленный, но все же правдивый автор Сатирикона, сладострастный придворный, бывший божком развращенного двора, мог нам дать подобную картину эротического неистовства своих сограждан, то

можно с уверенностью сказать, что Ювенал (вопреки утверждениям некоторых моралистов) не перешел границ правды в своих бессмертных сатирах.

Отнюдь не желая оправдывать института легализированной проституции, мы вправе спросить себя, до чего бы дошли эти люди времен Империй для удовлетворения своих циничных страстей, не будь проституции?

Но эти страсти удовлетворялись не только с помощью cinaedes и pathici; самый утонченный разврат служил для удовлетворения похоти мужчин и женщин.

Римлянам даже более, чем грекам, передались пороки Финикия и Лесбоса — irrumare, fellare ucunnilingere. Нужно прочесть эпиграммы Марциала и Катулла, жизнеописание Цезаря и главным образом, Тиверия, чтобы получить полное историческое освещение этого вопроса, которое подтверждают нам гравюры, картины и скульптуры, сохранившиеся от латинской цивилизации, как живые памятники проституции времен Римской Империи.

К описаниям, данным нами в труде «Медицина и нравы античного Рима, по латинским поэтам», мы ничего не можем более добавить.

Отметим еще, впрочем, что эти пороки были занесены в Грецию финикиянами, а в Италию перешли из Сирии[97], как говорит поэт Озон в одной из своих эпиграмм.

Распущенность нравов в римском обществе

Свидетельства историков, писавших о проституции, дали повод Шатобриану написать красноречивую главу о нравах древних народов[98]. Он показал нам римлян во всей их развращенности: Impios infamia turpississima, как энергично выражается латинский писатель[99]. Далее он добавляет: «Были целые города, всецело посвященные проституции. Надписи, сделанные на дверях домов разврата, и множество непристойных изображений и фигурок, найденных в Помпее, заставляют думать, что Помпея была именно таким городом. В этом Содоме были, конечно, и философы, размышлявшие о природе божества и о человеке. Но их сочинения больше пострадали от пепла Везувия, нежели медные гравюры Портичи. Цензор Катон восхвалял юношей, предавшихся порокам, воспетым поэтами. Во время пиршества в залах всегда стояли убранные ложа, на которых несчастные дети ожидали окончания пиршества и следовавшего за ним бесчестия. Transeo puerorum infelicium greges quos post transacta convivia aliae cu biculi contimeliae exspectant[100].»

Историк IV века Аммиен-Марцелин[101], нарисовав верную картину римских нравов, показывает до какой степени бесстыдства дошли они. Говоря о потомках наиболее знаменитых и прославленных родов, он пишет:

«Возлежа на высоких колесницах, они обливаются потом под тяжестью одежд, которые, впрочем, настолько легки, что

приподымают бахрому и открывают тунику, на которой вышиты фигуры всевозможных животных. Чужеземцы! Идите к ним; они забросают вас расспросами и ласками. Они объезжают улицы, сопровождаемые рабами и шутами… Впереди этих праздных семей выступают закопченные дымом повара, за ними следуют рабы и прихлебатели; шествие замыкают отвратительные евнухи — старые и молодые, с бледными и багровыми лицами.

Когда раба посылают справиться о чьем-нибудь здоровье, он не имеет права войти в жилище, не обмывшись с головы до ног. Ночью единственным убежищем для черни служат таверны или протянутые над местами зрелищ полотна: чернь проводит время в азартных играх в кости или дико забавляется, издавая носом оглушительные звуки.

Богачи отправляются в баню, покрытые шелком и сопровождаемые пятьюдесятью рабами. Едва войдя в комнату для омовений, они кричат: «Где же мои прислужники?» Если здесь случайно находится какая-нибудь старуха, в былое время торговавшая своим телом, они бегут к ней и пристают со своими грязными ласками. Вот вам люди, предки которых объявили порицание сенатору, поцеловавшему свою жену в присутствии дочери!

Отправляясь в летнюю резиденцию или на охоту, или переезжая в жаркие погоды из Путеол в Кайетту в свои разукрашенные шалаши, они обставляют свои путешествия так же, как некогда обставляли их Цезарь и Александр. Муха, севшая на бахрому их позолоченного опахала, или луч солнца, проникший сквозь отверстие в их зонтике, способны привести их в отчаяние. Цинцинат перестал бы считаться бедняком, если бы, оставив диктаторство, стал обрабатывать свои поля, столь же обширные, как пространства, занятые одним лишь дворцом его потомков.

Весь народ не лучше сенаторов; он не носит сандалий на ногах и любит носить громкие имена; народ пьянствует, играет в карты и погружается в разврат: цирк — это его дом, его храм и форум. Старики клянутся своими морщинами и сединами, что республика погибнет, если такой-то наездник не придет первым, ловко взяв препятствие. Привлеченные запахом яств, эти властители мира бросаются в столовую своих хозяев, вслед за женщинами, кричащими, как голодные павлины».

Схоластик Сократ (учитель красноречия), которого цитирует Шатобриан, говорит, что распущенность римской полиции не поддается описанию. Об этом свидетельствует событие, случившееся в царствование Феодосия: императоры воздвигли огромные здания, в которых находились мельницы, моловшие

муку и печи, в которых пекли хлеб, предназначенный для раздачи народу. И вот множество кабаков открылось около этих зданий; публичные женщины завлекали сюда прохожих; едва переступив порог, эти жертвы проваливались через люк в подземелья. Они были обречены до конца дней своих оставаться в этих подземельях и вращать жернова; родные этих несчастных никогда не могли узнать, куда они исчезли. Один из солдат Феодосия, попавший в эту западню, с кинжалом бросился на своих тюремщиков, убил их и убежал из этого плена. Феодосий повелел срыть до основания здания, в которых скрывались эти вертепы; он уничтожил также дома терпимости, предназначенные для замужних женщин.

«Обжорство и распутство господствуют везде» — говорит он, — «Законные жены вынуждены находиться среди наложниц, хозяева пользуются своей властью, чтобы заставить своих рабов удовлетворять их желания[102]. Гнусность царит в этих местах, где девушки не могут более оставаться непорочными. Повсюду в городах множество притонов разврата, посещаемых одинаково часто как женщинами из общества, так и женщинами легкого поведения. Они смотрят на этот разврат, как на одну из привилегий своего происхождения, и равно хвастают как своей знатностью, так и непристойностью своего поведения. Девушки-рабыни массами продаются в жертву разврату. Законы рабства содействуют этой гнусной торговле, совершающейся почти открыто на рынках.»

Проституция гетер и куртизанок вносила деморализацию в семью. Знатные куртизанки привлекали к себе отцов семейств, и законным женам, часто приходилось жертвовать честью, чтобы состязаться со своими соперницами в достижении кратковременной благосклонности мужей. Они считают особым счастьем отнять у своих соперниц хоть частицу того фимиама и тех ласк, которыми их мужья осыпают своих любовниц; с этой целью матроны, подобно meretrices, появляются на священных дорогах. Матроны мечтают о том, чтобы иметь такие же носилки, возлежать на таких же богатых подушках и быть окруженными таким же блестящим штатом слуг, как и куртизанки. Они перенимают их моды, подражают их экстравагантным туалетам и, главное, тоже хотят обзавестись любовниками из какого угодно слоя общества, какой угодно профессии: патриций или плебей, поэт или крестьянин, свободный или раб — все равно. Говоря коротко, гетеры и куртизанки создают проституцию матрон. Валькнер говорит об этом следующее: «Прислужницы, сопровождавшие жалкие носилки, на которых они возлежали в самых непристойных позах, удалялись, как только к носилкам

приближались женоподобные юноши, effeminati. Пальцы этих юношей сплошь унизаны кольцами, тоги изящно задрапированы, волосы расчесаны и надушены, а лицо испещрено маленькими черными мушками, теми самыми, при помощи которых и наши дамы стараются придать своему лицу пикантность. Здесь же иногда можно было встретить гордых своей силой мужчин, старавшихся костюмом подчеркнуть свое атлетическое телосложение. Их быстрая и воинственная походка представляла собой полный контраст с чопорным видом, медленными, размеренными шагами, с которыми выступали эти юнцы, которые рисуясь своими тщательно завитыми волосами и накрашенными щеками, бросают вокруг себя сладострастные взгляды. К этим двум видам гуляющих принадлежали чаще всего либо гладиаторы, либо рабы. Женщины знатного происхождения иногда выбирали себе любовников именно из этих низших классов общества, когда как молодые и прекрасные их соперницы отказывали мужчинам своего круга, уступая исключительно знати из сенаторов».

Действительно, знатные римлянки выбирали себе любовников чаще всего из тутов, гладиаторов и комедиантов. В своей 6-й сатире Ювенал описал историю этой постыдной проституции, о чем мы, впрочем, уже упоминали в нашем труде «Медицина и нравы древнего Рима». Не щадят римлянок и злые эпиграммы древних поэтов. У Петрония они изображены в таком же виде: они ищут объекта для своей любви исключительно среди подонков общества, так как страсти их вспыхивают только при виде рабов или слуг в подобранных платьях. Другие без ума от гладиатора, запыленного погонщика мулов или гримасничающего на сцене шута. «Моя любовница, — говорит Петроний, — из числа именно таких женщин. Она в сенате совершенно равнодушно проходит мимо первых четырнадцати рядов скамеек, на которых сидят всадники, и подымается в самые верхние ряды амфитеатра, чтобы среди черни найти предмет для удовлетворения своей страсти».

Когда азиатские нравы особенно сильно распространились среди римского общества, римские женщины стали руководиться принципом Аристипа: Vivamus, dum licet esse, bene. Единственной целью их жизни были удовольствия, празднества, цирковые игры, еда и разврат. Столь любимые ими commessationes (пиршества) продолжались с вечера до зари и были настоящими оргиями, находившимися под покровительством Приапа, Комуса, Изиды, Венеры, Волюпий и Любенции и кончавшимися пьянством и развратом до полного изнеможения. День же они посвящали сну и бесстыдным забавам в общественных банях.

Наиболее точную картину пороков и разврата римского народа дают поэты-сатирики и особенно «Сатирикон» Петрония. Здесь мы находим и соперничество двух мужчин, влюбленных в одного и того же гитона; здесь и публичное изнасилование, совершенное этим жалким гитоном над малолетней Паннихис, которая, несмотря на свои семь лет, уже была посвящена в тайны проституции; здесь же отталкивающие сцены между старой колдуньей и разочарованным, импотентным юношей; здесь и пир старого развратника Тримальхиона со всей утонченностью богатства и тщеславия, с чисто животной прожорливостью и разнузданной роскошью. В промежутке между одним блюдом и другим акробаты разыгрывают свои гнусные пантомимы, шуты исполняют какой-нибудь острый, пряный диалог; индийские алмеи, совершенно обнаженные под своими прозрачными плащами, исполняют свои сладострастные танцы, шуты похотливо кривляются, а пирующие замирают в эротических объятиях. Для довершения картины Петроний не забывает описать нам и хозяйку дома Фортунату, законную жену амфитриона; эта матрона предается разврату с Сцинтиллой, женой Габинна, гостя Тримальхиона. Это начинается перед десертом, когда винные пары уже изгнали последний остаток стыда перед гостями.

«Господин подает знак, и все рабы три или четыре раза призывают Фортунату. Наконец, она появляется. Ее платье перехвачено бледно-зеленым поясом; под платьем видна ее вишневого цвета туника, ее подвязки с золотыми шпурами и туфли с золотым шитьем. Она ложится на то же ложе, которое занимала Сцинтилла, и последняя по этому поводу выражает ей свое удовольствие. Она обнимает ее, входит с ней в самую интимную связь и через некоторое время отдает Сцинтилле свои браслеты… Потом, сильно опьяневшие, обе любовницы начинают чему-то смеяться и бросаются друг другу на шею. Когда, таким образом, они лежат тесно прижавшись друг к другу, Габинн схватывает Фортунату за ноги и переворачивает ее вверх ногами на кровати. «Ах! — вскрикивает она, видя, что ее юбки поднимаются выше колен; затем, она быстро оправляется, снова бросается в объятья Сцинтиллы, прячет свое лицо под ее красным покрывалом, и это раскрасневшееся лицо придает Фортунате еще более бесстыдный вид»[103].

Что же, однако, еще придумать, чтобы достойно закончить эту вакхическую ночь? Отдаться разве последним ласкам перед сделанной из теста фигурой Приапа и, подымаясь на ложе, кричать: «Да защитит небо императора — отца отечества! Consurreximus altius, et Augusto, patriae, feliciter! diximus.»

Но это еще не все. Любовницы уже собирались уходить, когда Габинн стал восхвалять одного из своих рабов, кастрата, обладающего, несмотря на свое косоглазие, взглядом Венеры… Сцинтилла прерывает его и делает сцену ревности, обвиняя его в том, что он из ничтожного раба сделал своего любовника. В свою очередь Тримальхион покрывает поцелуями одного из рабов. Тогда Фортуната, оскорбленная попиранием своих супружеских прав, осыпает мужа ругательствами, кричит на него во весь голос и называет его мерзким, отвратительным за то, что он предается такому постыдному разврату. В заключение всех ругательств она обзывает его собакой. Выведенный из терпения, Тримальхион бросает в голову Фортунаты чашу; она подымает крик…

Здесь мы можем, кажется, остановиться, так как этой картины вполне достаточно, чтобы наши читатели могли составить себе ясное понятие о нравах римской аристократии. Правда, Сатирикон Петрония — только роман, а не исторический документ, и действующие лица его вымышлены; но роман этот обнаруживает близкое знакомство автора с римскими нравами. В символических сценах, так талантливо и смело написанных им, мы вполне вправе видеть картину скандальных ночей при дворе Нерона. И блестящая сатира так метко попала в цель, что римский Сарданапал немедленно подписал смертный приговор ее автору. Да и многим ли отличается описание римского общества в Сатирах Петрония от описаний, сделанных римскими историками? Эвкольп и Аскильт — одни из многих развратников, описанных Марциалом. Предметом описания Квартиллы служит никто иная, как куртизанка Субура, а Эвкольп принадлежит к типу тех тщеславных поэтов, которыми был переполнен Рим. Хрилис, Цирцея и Филумен — все это действительно существовавшие, не выдуманные типы. Наконец, Тримальхион дает нам яркую характеристику дерзости, низменности чувств и смешного тщеславия выскочки, скороспелого миллионера, который хочет удивить свет пышностью дурного тона и шумной щедростью, чем только возбуждает ненависть своих друзей и гостей. Одним словом, все эти герои не выдуманы, все эти положения взяты из действительности, все это картины с натуры.

Что же касается других сцен оргии, происходивших на празднествах Тримальхиона, то приблизительно то же мы читаем в более сокращенном изложении, у Ювенала, Светония, Тацита и многих других латинских авторов, которые имели смелость разоблачить все те бесчинства, какие происходили в домах патрициев и при дворе Цезарей.

Цицерон в одной из своих речей обозначил все это следующими, почти равнозначущими словами: Libidines, amores,

adulteria, convivia, commessationes.

Венерические болезни у греков и римлян

При достигнутых современной наукой успехах существование венерических болезней у народов древности уже не может быть оспариваемо. В предшествующих главах мы показали, что сифилис и бленоррагия уже в глубокой древности были известны в Японии, Китае, Индии и в других странах Азии. Мы привели выше несомненные данные, удостоверяющие частоту венерических болезней у евреев и других народов Востока. Эти болезни, появление которых следует приписать венерическим излишествам и противоестественным половым сношениям, роковым образом распространились и среди греков и римлян, которые усвоили себе извращенные нравы азиатских народов и подобно им предались разгулу проституции. В жарком и влажном климате востока этот разгул привел к заболеваниям, причем впервые заболевания появились у женщин, в сфере утеровагинальной; от женщин же стали заражаться и мужчины.

Нейман[104], изложив свой взгляд на «финикийскую болезнь», продолжает:

«В одном, ложно приписываемом Галену сочинении, мы находим ряд указаний на то, что венерические болезни были хорошо известны древним». Комментируя эти слова, немецкий автор приходит к заключению, что пороки fellator и irrumator были одной из главных причин этих болезней. Развратники обоих полов, предававшиеся порокам этого рода, подвергались поражениям языка, рта и неба. Против них все сатирики направляли самые едкие свои эпиграммы. Эврипид особенно выразительно отметил это явление словом Glossalgia stomergon, т. е. боль языка, причиненная ртом (stoma) и действием (ergon). Язвы гортани[105], по Розенбауму, являются одним из хорошо изученных сифилитических поражений, но этиологическая основа их была плохо понята древними. Ангины Египта и Сирии были результатом порока «fellare». «Отсюда, прибавляет Розенбаум, эти Bubastika Elkea, о которых упоминает вслед за Аэцием Салмазий и которые он считает тождественными с сирийской язвой; уже Геродот упоминает о мистериях Bubastis, происходивших на празднествах Изиды. В приведенном выше термине болезнь носит название только одного места, где она, вероятно, свирепствовала с наибольшей силой, но более или менее часто она встречалась по всей стране» (Аретей).

Что касается злокачественных лишаев, которые греки

обозначали «leiken», а римляне именем «atra lues» и «mentagra», то их сифилитический характер вполне очевиден, тем более, что они были заразительны и этиологически были связаны с пороком cunnilingere; излюбленным местом локализации этих лишаев были обыкновенно губы и большая часть лица. Болезнь не всегда ограничивалась кожными железами, но иногда захватывала и волосяные луковицы. Отсюда выпадение волос, а с нею и изъявление покрытых волосами участков кожи, припадки, наступающие с необычайной быстротой. Когда болезнь генерализовывалась и охватывала все тело, она получала название «psora» или «lepra»; это обстоятельство имеет большое значение в истории сифилиса, так как вторичные признаки ускользали от наблюдательности тогдашних врачей. Тем не менее они оставили нам описания признаков и способы лечения болезней половых органов; мы приведем некоторые из этих данных, пользуясь, главным образом, трудами Розенбаума и получим таким образом возможность заключить не только о древности существования венерических болезней, но и об их происхождении из разврата и проституции, как это блестяще доказывает высоко компетентный автор «Сифилиса в древности».

Гонорея. Гонорея получила свое название от gone, — сперма, и reein — течь (по Галену)[106].

Болезнь представляет собой поражение семенных сосудов, (но не половых органов), которые служат только каналами для выделения спермы. Гален[107]. Болезнь бывает двух родов, в зависимости от того, сопровождается ли она эрекцией члена или нет. Гален[108]. Гонорея с эрекцией называлась то сатириазис, то приапизм[109]. Это нечто вроде спазм, поражающих только половой член[110]. Она является следствием избытка жидкостей, особенно, если они густы и плохо смешаны[111]. Впрочем, Павел Эгинский называет приапизмом это спазмолическое состояние полового члена, тогда как именем «сатириазис» он обозначает воспалительное состояние семенных сосудов.

Бесполезно упоминать, что верны оба эти мнения: спазмолическая и воспалительная гонорея в обоих случаях сопровождается приапизмом. Выделений нет вовсе, или их очень мало, и больные после них чувствуют себя облегченными; но через некоторое время боль возобновляется и продолжается до тех пор, пока исчезнет причина эрекции и тогда половой член уменьшается[112].

По мнению Павла Эгинского парез семянных сосудов появляется в том случае, если болезнь не ослабевает или если начинаются общие судороги. Больные, у которых появляются

судороги, быстро умирают при явлениях холодного пота и тимпанизма в кишечнике. Александр Траллиан наблюдал продолжающуюся эрекцию уже после смерти больного. Эта форма встречается нечасто и главным образом у людей молодых[113]. Часто ее наблюдал Темисон, особенно на острове Крите, где она является обычным последствием педерастии.

Гонорея без эрекции полового члена, или же гонорея настоящая, состоит в постоянном истечении семени[114]. Она аналогична недержанию мочи, и подобно этому последнему, своей обычной причиной имеет слабость или отсутствие энергии в семянных сосудах (Гален).

Истечению часто предшествуют воспалительный период, который сближает одну форму болезни с другой: у больных много горячей спермы, что побуждает их часто освобождаться от нее, а это в свою очередь очень ослабляет их. Но если они избегают половых сношений, то они чувствуют боль головы и желудка и испытывают тошнотные ощущения; ночные поллюции доставляют им такие же тягостные ощущения, как и половой акт. Мочеиспускание дает ощущение боли и жара не только у мужчин, но и у женщин. Так, Гален пишет[115]: «Один из этих больных передавал мне, что не только он, но и женщина, с которой он имел сношение, в момент истечения семени испытывала сильную боль», Аретей[116], напротив, думает, что зуд в половых органах а ощущение сладострастия при coitus'e имеет место только у женщин. Такое утверждение объясняется тем, что в жарких странах воспалительный период очень короток и остается почти незаметным для больных, тем более, что в это время больные обыкновенно избегают совокупления. Кроме того, врачу большей частью приходится наблюдать хронические формы болезней. Обыкновенно больной замечает свою болезнь тогда, когда начинается истечение; это истечение продолжается и тогда, когда воспаление уже уменьшилось, продолжается беспрерывно и днем и ночью, не сопровождаясь при этом ни эротическими ощущениями, ни сладострастными сновидениями; иногда сам больной даже не замечает этого. Цельз[117]

Истекающая при гонорее жидкость холодная, бледная и лишена живчиков. К концу болезни жидкость становится гуще, потом снова водянистой и, наконец, истечение прекращается (Александр Траллиан)[118]. Во время самой болезни больные, особенно если это люди молодые, становятся похожими на стариков: они ленивы, вялы, лишены мужества, боязливы, неподвижны; они теряют силы, худеют и неспособны к труду. Цвет лица у них портится, они бледнеют, лишаются аппетита, члены их холодны на ощупь, они жалуются на тяжесть во всем

теле, а особенно в пояснице. Их кишечник, как и все тело, истощается и сохнет; глаза сидят глубоко в орбитах. (Гален)[119].

Сама по себе болезнь неопасна, но она может осложниться множеством других заболеваний и имеет тенденцию принимать хроническое течение. Аретей[120], Целий Аврелиан. Надо отличать гонорею от ночных поллюций, которые иногда являются лишь признаком вторичным. Целий Аврелиан[121].

Что касается гонореи у женщин, то почти невозможно составить себе ясное представление, что знали о ней древние врачи, так как идея об испорченной менструальной крови и о женском истечении (rous gunarkeios), посредством которого по их мнению, очищается все тело от дурных соков, — эти идеи исключали возможность изучения вопроса древними без предвзятых представлений; это аналогично тому, как в позднейшие времена учение о fluor albus долго препятствовало научному изучению бленоррагии у женщин. Впрочем, Аретей говорит о gonoroia gunaikeia, гонорее у женщин, как об особом белом истечении (allos rous leukos).

Таковы сведения о бленоррагии, оставленные нам медиками древности. Их основная ошибка состоит в том, что они принимают за сперму слизисто-гнойное истечение. Но во всем остальном их наблюдения сделаны с скрупулезной точностью и тщательностью.

Что же касается этиологии, то греческие врачи, правда, не отмечают заражения половым путем, но зато они твердо знают и подчеркивают, что разврат является одной из главных причин болезни, и в частности причиной поражений рта и губ у феллатрис; в этих поражениях Аретей видит явление, аналогичное сирийским язвам и производимое теми же причинами, что и эти последние. Уретриты, происходящие от совокупления через рот наблюдались также современными сифилидологами. Уретриты этого рода, также как и уретриты, происходящие от нормального полового акта, в основе своей, по их мнению, имеют заражение; это явствует из того, что в сопровождающем болезнь истечении наблюдаются гонококки специфической бленоррагии. Наконец, очень вероятно, что бели и менструальные кровотечения у греческих и римских женщин, предававшихся всяким эксцессам любви, вызывали у имевших с ними сношения мужчин припадки, какие и наблюдаются на каждом шагу.

Орхит. Гален называет орхитом воспаление яичек[122]. По Павлу Эгинскому орхит характеризуется болезненностью яичек при сильном надавливании пальцем, тогда как легкое нажатие

почти не чувствительно. Краснота и твердость на первый взгляд мало заметны, но исследующий палец находит затвердение в глубине ткани[123]. Иногда к орхиту присоединяется лихорадка[124]. И если воспаление не купировано сразу, то боль распространяется на область паха и поясницы; больные участки вспухают, семяной канатик утолщается и твердеет. Цельз[125]. Затвердение яичек является причиной бесплодия. Цельз[126]. Наконец, Аретей упоминает о невралгии яичек, а Гиппократ о папулезной сыпи на этих органах.

Язвы половых органов. Язвы половых органов наблюдаются часто, потому что занятые ими участки тела сами по себе предрасположены к гнойным процессам как в силу своей природной влажности и обилия всасывающих и волосяных желез, так и потому, что они суть органы выделительные[127]. На появление этих язв имеет влияние время года, а именно, они чаще появляются в жаркие и влажные месяцы[128]. Обыкновенно они имеют форму афт, особенно у женщин. Когда язвы занимают поверхностное положение, то они обнаруживают сильную тенденцию к распространению. Довольно часто к ним присоединяются флегмонозные воспаления и припухлость пораженных участков. Эти язвы часто болезненны и бывают то влажными, то сухими. В огромном числе случаев они принимают характер фагеденический, нередко же обнаруживают склонность к гангренозному распаду. В этом последнем случае имеется обыкновенно только одна язва в форме пустулы, phuma. Часто также они принимают хронический характер и тогда или затвердевают, или покрываются бугорками. В третьей книге «Эпидемий» Гиппократ описывает особый род заразы, поражающей половые органы, но не умеет объединить свои данные в общую картину болезни, — подобно тому, как это сделали современные сифилитологи, особенно Рикор и Гюнтер. Вот что говорит Гиппократ: «Я видел много афт и изъязвлений во рту, припухлости на половых органах, изъязвления, опухоли и вздутия в паху, мокнущее воспаление глаз, мясистые наросты на веках. Равным образом и другие участки половых органов были усажены различными возвышениями. Я наблюдал множеств шанкров (antrax) и других септических заражений, наконец, распространенную пуикулезную сыпь, а также свищи с крупными слизикулами».

В этом перечислении симптомов одни следует принять, другие же подвергнуть толкованию, и тогда мы получим полную картину чисто сифилитических симптомов, особенно если мы сопоставим эти слова с другими сочинениями того же автора и

тогда определим истинный смысл, какой этот автор вкладывал в приведенные выше замечания. Так, в главе «Афоризмы», он излагает в одном и том же параграфе нагноение половых частей (sepedones aidoion), изъязвление рта (stomaton elkosies) и поражения глаз, и таким образом как бы хочет связать их одним и тем же болезненным процессом. В главе XIV, «О жидкостях», он снова возвращается к «мокнущим язвам на половых частях и во рту», а в «Природе женщины» останавливается на «автозных участках половых органов, на язвах, сопровождаемых зудом… на разращениях и дурном запахе этих участков».

Трещины и щели встречаются часто на крайней плоти, когда она сужена или насильственно оттянута; тоща появляются боль и воспалительные явления, и если заживление не наступает быстро, то края раны становятся затверделыми и их приходится удалять посредством ножа. Но и вообще раны крайней плоти заживают с трудом. Гиппократ[129]. Если крайняя плоть становится гангренозной, то нужно циркулярным разрезом удалить ее и остановить кровь посредством палочки раскаленного железа. Павел Эгинский[130]. Иногда язвы появляются и на внутреннем листке крайней плоти, что довольно часто ведет к фимозу и парафимозу. Некоторые язвы принимают черноватую окраску, на других появляются наросты и кондиломы. Цельз[131].

Сухие язвы головки надо отличать от мокнущих и гнойных изъязвлений которые становятся причиной фимоза и парафимоза. Выделяющаяся жидкость бывает или прозрачной или гнойной; иногда она издает дурной запах. Эти язвы распространяются в глубину и в ширину и разрушают самую головку под крайней плотью, так что она отпадает и приходится прибегнуть к ножу. Цельз[132].

Существует род язв circa corona glandis и cancer collis, которые вялы и изъедены и выделяют прозрачную, кровянистую жидкость. Аэций[133]. Другой род — это язвы фагеденические (у греков), которые растут со страшной быстротой. Antrax половых частей, шанкр, представляет собой язву, которая дает себя знать покалыванием и появлением одной или нескольких везикул, которые имеют вид ожога, а величиной с просяное зерно; они лопаются и оставляют после себя ulcus cristaceum в форме струпа. Актуарий.

Antrax является следствием нечистого совокупления, как это утверждает Палладий в своей Lausiaka historia: «Один пустынник, по имени Эрон, пришел в Александрию и часто посещал театр, конские бега и низкопробные таверны. Таким образом он впал в разгул и пьянство и погрузился в тину разврата.

Он вошел в сношение с одной актрисой и развязал ее пояс.

После того, как он окончил этот акт, он с помощью божественной воли наслал Antrax на головку своего полового члена и в течение шести месяцев так тяжко болел, что его половые части сгнили и отпали сами собой. Потом он умер. «Не есть ли это прекрасный пример фагединизма?» прибавляет Палладий.

Несмотря на неясность некоторых слов этого рассказа, Розенбаум, который рассматривает этот случай, считает ясным и несомненным, что Эрон схватил Antrax при совокуплении с актрисой, и оговорки, которые делает при этом Палладий, не в состоянии уменьшить значение факта; недаром Беке возразил однажды скептически настроенным немецким комментаторам: «каких вы еще хотите доказательств сифилиса в древности, если вам мало этого?».

В заключение небезынтересно отметить, что еще и поныне Antrax и шанкры рассматриваются в Индии как болезни тождественные и, по свидетельству Вилльяма Джонса, индийские врачи, кабирайя, обе эти болезни описывают под общим именем Nar Farsi или Ateshi Farsi.

Антракозис — язва; подобно вышеописанной, сопровождается бубонами; Гиппократ считает ее эпидемической. Гален.

В этих случаях также, как и при язвах крайней плоти, появляются на язвах грибовидные возвышения, а иногда и затверделости по краям, которые оставляют после себя рубец, называемый греками clos, а римлянами Clarus. Цельз [134].

Не нужно особенно сильного воображения для того, чтобы увидеть в этих местных поражениях фагаденические шанкры, сопровождаемые баланитом и происшедшие вследствие соприкосновения головки с сифилитическими язвами. Цельз не забывает прибавить, что нередко наступает гангрена органа, что она захватывает весь половой член и что в этом случае приходится делать надрез, резать в живых частях, удалять гангренозные участки и делать сильные прижигания из извести и индийского перца. О язвах на женских половых органах писали очень много греческие и римские авторы; среди них отметим Аэция, Аретея, Павла Эгинского и Архигена. Аэций пишет: «В толще срамных губ мы наблюдаем иногда абсцессы, которые, если они идут по направлению к заднему проходу, не могут быть открыты ножом, так как при этом легко может произойти фистула, — опасность, которой не существует, если абсцессы направлены к уретре. Влагалище и ход в матку покрыты язвами, pustulae skabiae, оставляющие после себя чешуйчатые пластинки, а также милиарные бугорки, которые легко можно нащупать рукой или исследовать посредством маточного зеркала. Эти язвы вредно отзываются на менструации и плодовитости женщин.

Аэций[135].

Некоторые язвы у входа в матку имеют форму трещин и с течением времени или затвердевают, или приводят к образованию наростов. Выделяют они обыкновенно прозрачную сукровицу и при совокуплении болезненны. Гален[136].

Самые язвы поверхностны и представляются простыми экскориациями. Они широки и выделяют небольшое количество густого гноя без запаха; сюда же относятся афтозные язвы Гиппократа. Но существуют и другие язвы, глубокие, болезненные, выделяющие злокачественный гной. Эти последние в некоторых случаях проникают очень глубоко внутрь и затвердевают по краям; они выделяют зловонную сукровицу, сопровождаются невыносимыми болями и приводят к разрушению ткани матки. Язвы этого рода носят название фагедении; они очень опасны и оканчиваются смертью. Гиппократ[137]. Язвы половых органов женщины опасны для входящих с нею в сношение мужчин. Цедрен[138]. Эта заразительность была известна римлянам, как об этом свидетельствует следующий, приводимый Палладием, факт[139]

Во время преследования христиан, по приказу Диоклетиана, одна молодая девушка редкой красоты была обвинена в принадлежности к христианству. Привлеченная к суду, она не пыталась скрывать свою веру и отвергала предложения, которые настойчиво, с различными угрозами делал ей Диоклетиан. Ее обвинили в занятии проституцией и отвели в лупанарий, где «leno» предложил ее всем развратникам города. Чтобы избегнуть насилия, девушка сказала им, что у нее есть язва (ulcus) в глубокой части тела и что она отдастся им, когда выздоровеет. Эта уловка спасла ее от притязаний мужчин; отсюда ясно видно точное знание заразительности язв на женских половых органах, так называемое morbus indecens или Lues venerea, — болезнь, которой в высшей степени боялись тогдашние развратники обоего пола.

Рагады. Язвы и трещины заднего прохода были обычным явлением у пассивных педерастов. Гален дал этой болезни название жгучих болей, а Цельз называл ее «ragada». Аэций, который много писал о болезнях заднего прохода, отмечает, что эти повреждения сопровождаются нарывами с фистулезными ходами; в этом случае они принимают характер номы или фагедении. Довольно часто образуются слипания отдельных частей язвы и разращения. Цельз отметил еще одно поражение заднего прохода, являющееся результатом разврата: это выпадение anus'a и образование грибовидной язвы вокруг заднего

прохода и вблизи влагалища. Наконец, существуют еще кондиломы, наросты и другие разращения, о которых мы поговорим в специальной главе.

Бубоны. Древние врачи под бубонами (bubo) разумели всякое воспаление лимфатических желез, но так как эта болезнь появляется обыкновенно в паховой области, то бубоном называли воспаление паховых желез, так же, как и самую эту область. Римляне употребляли также слово inguis для обозначения самой области и болезни. Позднее стали различать два понятия, и бубоном называли воспаление, сопровождаемое припухлостью a phyma — воспаление, которое быстро протекает и быстро переходит в нагноение. Гален обозначал именем «phugethlon» припухлость желез, при которой имеется рожистое воспаление кожи, получившее название «koiras» или, если она отвердевает, «struma». Согласно этому автору[140], железы эти в силу своей мягкой структуры вообще легко поддаются аденитам, reuma. Вот почему железы паховые, подмышечные и шейные подвергаются воспалению, тогда как голова и ножные и ручные пальцы склонны к изъязвлениям. Бубоны, прибавляет автор, труднее поддаются лечению в том случае, если организм обременен дурными соками. Когда бубоны имеют склонность к нагноению, Гален рекомендует делать насечки, но предо стерегает от насильственного раскрывания их. Только тогда, когда не удается достигнуть разрешения процесса, он рекомендует операцию, именно, горизонтальный надрез, который ведут параллельно паховой области, а не к бедру, так как в противном случае края раны сближаются с трудом.

Современные сифилитологи, как и врачи древности, отличают простой бубон, который нагнаивается редко и оканчивается раной или язвой, от бубона злокачественного, являющегося результатом распространения ядовитого начала шанкра и его локализации в одном или нескольких лимфатических узлах.

Экзантемы (сыпи). Герпест половых органов, сопровождаемый изъявлениями, (esthiomenos Гиппократа[141]) согласно комментариям Генслера, передается половым путем. Относящиеся сюда слова Галена могут быть истолкованы в том же смысле: он принимает заразительность, но нельзя определить с точностью, имеет ли он в виду «herpes» или какую-нибудь другую сыпь влагалища[142].

Аеций в своем Tetrabiblon описывает pustulae spontanae in pudendis, которые вызывают образование фимоза; в той же

главе[143] он дает описание scabies scroti, имеющей тенденцию переходить в чешуйчатую язву и оставлять после себя очень мучительный зуд мошонки. Гален описывает psoriasis scroti как затвердение мошонки, сопровождающееся зудом, а иногда язвами.

Кондиломы. Это — возвышение, в большем или меньшем числе образующееся в заднем проходе и половых частях. Термин «кондилома» принадлежит Галену. Другие же греческие авторы называют sucon, sucosis, uscoma, sucodes образования, наблюдаемые на половых частях. Римляне называли кондиломы «phicus».

Гален описывает sucon или phicus как язвеный бугорок, выделяющий жидкость (loc.cit.). Согласно Орибазу, он круглой формы, красного цвета, твердоватый и болезненный. Он образуется не только в заднем проходе и половых частях, по и на губах и подбородке, и на волосистых частях тела. Гиппократ описывает кондиломы под именем «kion» и говорит, что они издают дурной запах[144]. Аэций определяет их следующим образом: Condyloma est rugosa eminentia. Rugae circa os uteri existentes dum inflammantur, attolluntur et indurantur, tumoremgue ac crassitudinen quandum in locis efficiunt[145].

Кондиломы встречаются чаще всего в заднем проходе, особенно у мужчин. Цельз их приписывает педерастии. Но нельзя разобрать, идет ли речь о первичных или вторичных кондиломах, что, впрочем, не дает нам права отрицать существования этих последних в древности. Розенбаум. Лечение кондилом, которые Цельз рассматривал как разращение, вызываемое местным воспалительным состоянием anus'a, tuberculum quod ex quadam inflammatione nasci solet, — было аналогично лечению трещин, тоже являющихся результатом распутства. Это лечение состояло в разрешающих пластырях и энергичных прижиганиях. В настоящее время кондиломы лечат вырезыванием и прижиганием и рассматривают их как раздражение, вызванное бленоррагическим или сифилитическим ядом. Нельзя допустить, чтобы кондиломы в те времена имели другую причину, чем теперь, так как установлено, что эти возвышения — продукт разврата и встречались только у занимавшихся развратом лиц обоего пола и у людей, имевших с ними общение. Нарости «phicus», столь часто встречавшиеся у римлян, были просто кондиломами заднего прохода, причину которых вполне основательно видели в противоестественных половых отношениях; недостаточное лечение этой болезни позволяло им переходить в нагноение и делало их почти наследственными. Нередко целые семьи бывали

поражены ею. Эти наросты встречались в различных формах, которые различные авторы описывали, как отдельные патологические категории, несмотря на внутреннюю близость их между собою.

Таков thymus, описанный Цельзом[146], как варикозное расширение, безболезненное, красноватое, суженное в своем основании и твердое и морщинистое на верхушке; таково akrochordon, гладкое, круглое, мясистое возвышение с слабым и круглым основанием, безболезненное и затверделое. Эти последние или отпадают сами собой, воспаляются и нагнаиваются; после срезывания они не оставляют корней. Цельз[147], Гален и Аэций наблюдали akrochordon в заднем проходе и на половых частях женщин. Согласно этим авторам, их удаляют ножом или посредством прижиганий. Другая, очень бурная форма разращений, murmekiasis древних греческих врачей, очень похожа на предыдущую форму и описана Цельзом под именем «formioa», она ниже и тверже, чем thymus, имеет более глубокие корни и более болезненна; у нее широкое основание и гладкая поверхность верхушки. При дотрагивании она дает больному ощущение муравьиного укуса, откуда и само название. Таковы в общем венерические болезни, которые древние врачи наблюдали на половых органах мужчин и женщин.

Хотя в этих наблюдениях и немного такого, что говорило бы об их знакомстве с заразным началом, — тем не менее в виду установленной ими этиологии и клинически изученных симптомов, отрицать о знакомство нам кажется невозможным[148].

Лепра и **элефантиазис** (проказа и слоновая болезнь). Венерические болезни, распространенные в Египте и во всех странах Малой Азии, где проституция имела религиозный характер, получили одно время особенно сильное значение в Сирии и Иудее. Именно здесь привилась проказа, неизменно носившая печать конституциональных болезней; быть может это была не более, как особая модификация конституционного сифилиса Индии и Дальнего Востока. Эта смешанная форма, под влиянием нечистоплотности и незнания элементарных предписаний гигиены, обусловила развитие многочисленных болезней половой сферы, именно lues venerea, локализующаяся на коже и на слизистых оболочках. Некоторые древние авторы оставили очень подробные описания этой последней.

Лечение ее было самое разнообразное; большей частью больные обращались к шарлатанам: продавцам любовного напитка и амулетов, волшебникам, жрецам и магикам, которые

все в большей или меньшей степени жили на средства проституции, религиозной и мирской. И только в виде исключения больные обращались к помощи врачей: кроме того, последние очень мало интересовались такого рода больными, как это отмечает Цельз в предисловии к своей 6-ой книге: «Для того, чтобы изложить лечение подобного больного, на латинском языке нет приличных выражений; — в подобном случае трудно исполнять требования благопристойности, тем не менее это соображение не должно остановить мое перо, потому что я, прежде всего, не хочу оставить неразъясненным ни одного из тех полезных сведений, какими я обладаю; кроме того, следует распространять в народе медицинские сведения, относящихся к лечению этих болезней, о которых чужие узнают только против воли больного. «Dein, quia in vulgus eorum curatio etiam proecipue cognoscenda, quae invitissimus quisque alteri ostendit».

Эти поражения и были так называемые секретные болезни времен Августа.

Проказа, как известно, появилась из Египта и Малой Азии, этих постоянных очагов эпидемий всякого рода. Евреи, сирийцы, финикияне и египтяне уже издавна были знакомы с проказой. У этих народов она приняла форму хронической, конституциональной и наследственной болезни; она проявлялась различно в зависимости от условий климата, возврата и темперамента больных; — она давала симптоматические возвраты и ожесточения под влиянием проституции и половых эксцессов. Только в 650 году после основания Рима она впервые появляется в Италии под именем слоновой болезни греков и придает венерическим болезням особый отпечаток.

Так, мы видим, что Цельз, основываясь на нескольких отдельных наблюдениях приходит к заключению, что «эта болезнь производит особое состояние во всем теле, так что даже кости изменяются». Но еще до него один греческий врач, Аретей Каппадокийский, исчерпал уже описание этой болезни, и рассматривает ее как огонь, который только тогда выходит наружу, когда он уже уничтожил все внутренние части тела. В начале болезни кожа лица и некоторых частей тела становится блестящей. Один за другим появляются не сколько толстых, шероховатых, не одинаковых между собой бугорков.

Промежуточная же между ними поверхность покрывается трещинами, как на коже слона. Вскоре все тело покрывается подобными бугорками, волосы погибают и выпадают, голова, а вслед за нею лицо и лонное соединение лишаются волосяного покрова. Лицо испещряется твердыми остроконечными бородавками, лишаи покрывают пальцы, колена и подбородок,

скулы припухают и краснеют, глаза темнеют и принимают медный оттенок, брови сближаются и на них вырастают широкие, синеватые бородавки. Бурые разращения появляются также на щеках и на носу; губы припухают, нижняя губа становится отвислой и постоянно покрыта слюной, зубы также чернеют, появляются язвы вокруг ушей, из которых течет гнойная жидкость. Все лицо становится изрезанным шероховатыми морщинами и черными трещинами; отсюда название «элефантиазис». Появляются борозды на пятках и подошвах ног до середины больших пальцев. Если болезнь усиливается, то то бугорки на щеках, подбородке, пальцах и коленях превращаются в зловонные неизлечимые язвы. Одни поднимаются над другими, как бы поглощаются одни другими.

Бывает также, что члены умирают вместе с больным: они отделяются от остальной части тела, которое таким образом постепенно теряет нос, пальцы, ноги, целиком обе руки, половые органы; болезнь только тогда оставляет больного и избавляет его от ужасной жизни и необыкновенных мучений, когда отнимает у него все члены один за другим.

Такова симптоматология лепры. Она заметно отличается от кожных поражений современного сифилиса. Но можно ли отрицать что значительно изменяясь у лиц скрофулозных, — сифилис под влиянием ртути и йодистого калия дает в периоде маразма и кахексии процесс, аналогичный описываемому выше?

Архиген также высказал свое мнение относительно элефантиазиса. По его мнению, эта болезнь не только заразительна, но и кожные поражения при ней суть явления вторичные. Причина этих последних ему неизвестна, но болеют обыкновенно лица очень сладострастные, а евнухи не подвержены ей. Это обстоятельство могло бы быть лишним доказательством венерического происхождения лепры, тем не менее некоторые авторы не видят достаточных оснований сделать заключение о том, что болезнь эта первично поражает именно половые органы. Но высококомпетентный комментатор греческих и латинских текстов в своем труде «История сифилиса в древности», вместе почти со всеми современными сифилидологами совершенно определенно утверждает, что лепра и венерические болезни, различно комбинируясь, производят одно и то же действие. Он находит что также как mentagra может переходить в psora, так и элефантиазис, если его рассматривать в связи с «финикийской болезнью», может возникнуть половым путем, причем этого положения нисколько не колеблет то обстоятельство, что первично болезнь появляется на лице, ибо кожные железы лица имеют очень тесную связь с половыми органами. Кроме того,

многочисленные случаи, описанные авторами средних веков, доказывают, что лепра распространялась половым путем, а это дает повод заключить, что сифилис в XV веке был именно этой болезнью, измененной каким-то особо-эпидемическим началом, болезнью, которая за XV веков до этого свирепствовала под именем «элефантиазиса» и имела своим источником нечистые события и распутство проституции.

Вещественные памятники истории проституции Археологические данные по проституции религиозной и легальной

История восточных культов, тесно связанная с вопросом о проституции в древности, раскрывается не только в исторических трактатах; она открывается нам также в драгоценных памятниках, найденных современными археологами: в медалях, надписях, обломках памятников, начертаниях на камнях и др.

Изображенные на этих камнях гравюры, все эти скульптурные фрагменты, стелы, кольца, печати, вазы и чаши, найденные в развалинах древних городов, подтверждают существование культа Милитты, Баггал, Приапа, Озириса, Фалла и других,

подобных этим, богов. Небольшие цилиндры и конусы, каменные и терракотовые, которые мы видим в Луврском музее, в «кабинете медалей и древностей» и в национальной Библиотеке, все это были эмблемы или амулеты, которые носили мужчины и еще чаще женщины, на шее или на руках. Иероглифические надписи и гравюры были расшифрованы археологами и, пользуясь добытыми ими данными, мы постараемся изложить здесь факты, касающиеся проституции. Менан в своем замечательном труде о камнях гористой Азии и о цилиндрах Халдеи в известной степени отстаивает толкование символических фигур, данное его предшественниками. Вместе с тем он полагает, что эти камни, результат тонкого, точного и терпеливого труда, являются одним из необходимых элементов для того, чтобы воссоздать историю искусства народов, «потому что ржавчина, говорит он, которая разрушает металлические предметы, не может повредить агату или кремлю».

Эти камни были настоящими драгоценностями и имели различные формы: пластинок, миндаля, веретена. Некоторые из них служили для печатей, перстней и для жукоподобных колец. Многие из них имели форму конусов или пирамид. Цилиндры были обыкновенно вышиной от 2–5 сантиметров и пробуравлены по оси. Гравюра изображена на выпуклой поверхности, и рисунок часто сопровождается изречениями. Эти последние дают, между прочим, возможность определить их происхождение и различить цилиндры халдейские, ассирийские, египетские, финикийские и персидские. Менан описал большое число азиатских цилиндров я даже построил целую теогоническую систему, в центре которой стоит высшее божество Hou, изображенное в виде человеческого бюста, который Оканчивается перьями и имеет два широких крыла. Ниже их стоит троица великих божеств: Samas — бог солнца, изображенный в виде блестящего диска, Sin — богиня луны, изображенная в виде полумесяца, и богиня Istar, которую символизирует звезда. Эта троица в совершенстве напоминает Озириса, Изиду и Горус.

Работа Лайара имеет много общего с работами Меняна, но первый автор обращает больше внимания на изучение религиозной проституции. Мы вовсе не являемся защитниками мнений этого ученого, но считаем нужным отметить здесь одно место из его мемуаров, именно то, где он говорит об одном агатовом конусе, на широком основании которого имеется выдолбленная стоящая фигура en face, которая имеет две головы. Изображена одна в профиль, повернута справа налево, имеет черты бородатого мужчины, другая же, повернутая в обратном направлении, имеет черты женщины. Пятизубчатая корона

увенчивает каждую из голов, а прямо над каждой короной имеются три звездочки, расположенные в одну линию и на одинаковом расстоянии одна от другой. Остальной костюм каждой фигуры андрогины состоит из четырех различных частей: из нижнего платья, внутреннего платья, соединяющего обе фигуры пояса, и наружного платья.

Правой рукой, следовательно, с той стороны, где находится голова с бородой, эта фигура держит хвост змеи. Другая, более длинная змея, окружает своими кольцами среднюю часть туловища женщины. В промежутке между обеими руками и обеими змеями мы видим с каждой стороны крылатого дракона с зияющей пастью, который как будто хочет схватить расположенную против него змею. Солнечные лучи, окружающие голову одной из змей, полумесяц над головой другой из них и та тщательность, с которой художник расположил их обеих вполне симметрично, одну против головы самки, а другую против головы самца, — все это с положительностью указывает на то, что здесь было намерение символически изобразить воспроизводительную силу самки, т. е. силу пассивную. Действительно, известно, что змея была у древних эмблемой воспроизводительного начала, как мы это видим в фигурах Изиды и Митры, а также на статуе со львиной головой в музее виллы Альбани.

С левой стороны основания конуса мы видим колесо без обода, все спицы которого оканчиваются маленькими шариками. «Это также символ воспроизводительной силы», замечает Феликс Лайар. Такое истолкование символов переносит нас в отдаленнейшую древность, так как оно опирается, по-видимому, на основы образования языка у наиболее древних народов Азии. Под ногами двуполой фигуры мы замечаем вазу с двумя ушками, похожую на амфору, которая является эмблемой мужской силы, тогда как другая ваза, в виде кратера, с левой стороны конуса, служит эмблемой женского органа. Наконец, направо от фигуры находится Cteis, которая, очевидно, служит эмблемой наружного полового аппарата женщины. Два крылатых дракона, расположенные здесь против двух змей, являются, очевидно, прекрасной иллюстрацией того религиозного верования, которое признает два вида существ: одни добрые и приносящие благо, другие, злые, несут несчастия. Этот догмат, с большой полнотой изложенной в книгах Зороастры и очень ясно выраженный в некоторых памятниках культа Митры, мы встречаем в большинстве религиозных систем древности. Вот к каким выводам приводит Лайара изучение описанного выше конуса: «воспроизводительный женский орган находится здесь, между атрибутами, размещенными вокруг фигуры Андрогины, которую я

считаю ассирийской Венерой-Милиттой. Этот орган мы встречаем и на других конусах и цилиндрах, относящихся, на мой взгляд, к культу Милитты. Я знаю два таких экземпляра: один на прекрасном цилиндре в Британском музее, другой на основании одного конуса в кабинете Кальве в Авиньоне. Другой конус, который описал Лашос, также имеет на себе изображение жреца, одетого в азиатский костюм и совершающего акт богослужения перед алтарем, на котором имеется cteis и звезда Венеры.» Здесь, говорит Лайар, Cteis, по-видимому, является эмблемой самой богини и характеризует культ ее с той резкой и наивной грубостью, какая отличала первое зарождение всех религиозных доктрин, существовавших у ассириян и финикиян. В продолжение длинного ряда веков и религиозных и гражданских переворотов эти доктрины оставили в Западной Азии столь глубокие следы, что когда изучаешь привычки и нравы современных народов, то приходишь к грустному выводу, что, несмотря на все усилия христианства и ислама, обожествление Cteis еще и теперь сохранило свою силу среди некоторых религиозных сект востока.

На нашем конусе Cteis помещена как раз около той половины изображения Милитты, которая принадлежит фигуре мужчины. Такое положение ее показывает, какого именно специального жертвоприношения требовало это божество от своих многочисленных почитательниц; отсюда столь легкая в этом случае возможность ужасных злоупотреблений и вырождения самой жертвы в позорнейшую проституцию. Этот институт существовал не только в Вавилоне, где он был тесно связан с культом Милитты, но и в Финикии, в Сирии и вообще во всех странах, посещаемых финикиянами и ассирийцами. Равным образом встречался он у моавитян и лидийцев вместе с культом и таинствами Bahhal-Pehhor. Его находят также в финикийских колониях в Африке, в древней Армении — вместе с культом Венеры Anais, у жителей Кипра и Коринфа, и везде этот культ в большей или меньшей мере переходит в самое разнузданное распутство. Существование публичной проституции в Лидии мы должны объяснить себе тем, что жители этой страны, подобно жителям Кипра и Греции, усвоили проституцию от финикиян и ассирийцев вместе с культом Астарты и Милитты. Такое предположение, по-видимому подтверждается свидетельством Страбона, который, говоря о распутстве молодых женщин Армении в храме Anais, прибавляет, что по Геродоту то же самое наблюдается и в Лидии, С своей стороны этот историк приписывает этому разврату азиатское происхождение и говорит, что за исключением проституирования девушек обычаи индийцев в очень многом похожи на обычаи Греции. Но не только в Азии

Венера изображалась с атрибутами мужчины. По свидетельству Гида и других авторов, римляне даже в самом Риме посвящали этой богине статуи, которые изображали ее с бородой и половыми частями обоих полов; отсюда странный эпитет «biformis».

На оборотной стороне медали Дмитрия II имеется изображение Венеры с бородой; ее волосы причесаны в виде каски с султаном.

Она в женском платье и в правой руке держит лук. Медаль в Национальной библиотеке также имеет на одной из сторон изображение мужчины, а на другой Венеры, по обеим сторонам которой ряд Фаллусов; так по крайней мере думает Мионэ во Франции, Фрелих и Рихтер в Германии и Дуэн в Англии.

На другой фигуре мы видим воспроизведение медали Пафоса. Здесь налицо все атрибуты азиатской Асторот и греческой Астарты: род Фаллуса под полумесяцем. Среди других археологических данных отметим также изображения на цилиндрах, имеющихся в богатой коллекции Национальной библиотеки. Вот главные из них, согласно каталогу Шабулье. Под N 705 стоящий жрец молится Милитте, сидящей на троне; она держит корону, ноги ее лежат на козе, тело которой заканчивается рыбой. Позади морской козы изображение Cteis. Под N 734 сидящий на троне Ваал или Талам, который поддерживает пирамиду с уступами. Молящаяся женщина приводит к нему молодую девушку с открытой головой и грудью, и он предлагает ей цветок. Над Ваалом диск Венеры и серп луны. Эта молодая девушка — жена, каждую ночь предлагаемая Ваалу в его храме в Вавилоне; так по крайней мере свидетельствует Геродот. Под N 743 — сидящая Anaitis держит корону, тут же две молящиеся фигуры. Над нею полумесяц и звезда Венеры. Позади богини Mir, половина Hom и Cteis. Под N 806 женщина, молящаяся богу войны и Венеры Anaitis, вид спереди. Под N 817 — Милитта и Anaitis. Перед последней жрец, перед Милиттой египетская богиня Коун; в ее руке скипетр, увенчанный цветами и двумя Uroeus. Mir была эмблемой божественного. Ее символизировали в виде маленького куба с закругленными краями и с многочисленными лучами по боковым и нижним его стенкам. Hom же есть символ древа жизни, священного древа, древа познания. Он изображается в различных формах, но при всем этом разнообразии его изображение совсем не напоминает Hom'a, от которого отрезали ветви с соблюдением очень пышного церемониала, напоминающего тот, какой друиды применяли к священному дубу. Что же касается Cteis, то это косоугольник, в котором углы малого диаметра закруглены, а в центре находится

резко очерченная точка. Мы не будем останавливаться на истолковании этих рисунков, но мы остановимся на других подлинных и многочисленных памятниках древности, которые вместе с письменными памятниками еще больше утвердят нас в той мысли, что если проституция и не признавалась гражданским законом Греции, то мы все же должны причислить ее к религиозным обычаям, которые проникли к грекам вместе с азиатским культом Венеры. Среди этих памятников мы можем отметить некоторые, хранящиеся в коллекции Дюрана и описанные Витте, и в частности две вазы, две чаши и один камень. На одной из этих ваз изображена сцена в храме Венеры; куртизанка через рабу получает предложение от увенчанного миртом чужестранца, который стоит вне портика и держит в руке кошелек. На другой вазе также изображен чужестранец с миртом на голове. Он сидит на ложе и, видимо, говорит что-то стоящей тут же куртизанке. Подобные же сюжеты и на обеих чашах. Здесь изображена также группа мужчин и куртизанок и, между прочим, зеркало, постоянный атрибут Венеры. «На камне, говорит Лайар, мы видим изображение другой очень непристойной сцены; здесь богиня или одна из посвященных сама держит зеркало на уровне глаз. Остальные пять поверхностей камня изображают различных животных, характеризующих культ восточной Венеры. Эти сцены иллюстрируют, как резко испорченные нравы исказили в культе Венеры первоначальный обряд принесения в жертву невинности.

Наши замечания находят себе подтверждение в том, как некоторые авторы древности описывают распущенность, которой в различных частях Греции сопровождались праздничные мистерии в честь Афродиты и других тождественных с Венерой божеств. Все эти, служившие эмблемой богини, конусы продавались в городах всем желающим, особенно же чужестранцам, приходившим на поклонение в ее храм. Рисунки на конусах были почти всегда одни и те же, из чего можно заключить о сходстве обрядовых приемов в культе Милитты у ассирийцев, в культе Венеры у греков и римлян и в культе Митры у персов. Так, некоторые изображения на камнях и персидские и римские барельефы рисуют Митру, которая, подобно Венере Андрогине на конусе Лайара, помещена между двумя врагами неба, т. е. по правую сторону от себя имеет солнце, а по левую луну (маленький круг, окруженный лучистым сиянием и полумесяц).

Некоторые фигурные памятники позволяют заключить, что бык и лев также являются атрибутами, характерными для Венеры как востока, так и запада. В подтверждение этого мы можем сослаться на большой ассирийский барельеф Yasili-Kaia,

найденный Тексье возле Птериума и открытую при раскопках Вавилона таблицу, хранящуюся в коллекции барона Роже. Первый из этих памятников изображает богиню, стоящую на льве, на втором она стоит на быке. Есть и много других памятников, где богиня изображена на львах и на быках. Если бы, несмотря на утверждения историков, можно было еще сомневаться в том, что греческая Венера и религиозная проституция в своей основе имеют культ финикийской Астарты, то в пользу этого можно было бы найти еще один фактический аргумент в древностях, найденных на острове Кипре. Население этого острова было финикийское, но здесь же с незапамятных времен существовали и колонии греков. Культ Афродиты произошел отсюда, и фантазия поэтов изображала богиню, выходящей из морской пены. Жюль Сури, в своих «Исторических этюдах», на основании археологических данных утверждает, что искусство и все божества Греции перешли к ней из Азии.

«Между имеющимися в Лувре финикийскими идолами Кипра, — говорит этот автор, — есть один с короной на голове; два ожерелья на его шее спускаются на грудь; правая рука богини лежит на груди, левая положена на священное чрево, откуда вышли все боги и люди. Не есть ли это характерный жест Венеры Книдской и Венеры Медицейской?

Жест тот же самый, но в нем отнюдь нельзя видеть выражения чувств стыдливости, волнения и боязни. Богиня — всеобщая мать, ее многочисленные создания черпают из неистощимых сосков ее все новую и новую жизнь, и богине чуждо желание скрыть свои мощные груди: она с гордостью показывает их людям и богам. Ее народ, который, как голуби, влюбленно воркует в тени густых кипарисов священного леса, тысячи гиеродул обоего пола, которые служат богине; толпы пилигримов, которые приходят во время празднества и вкушают наслаждения в святилище и палатках жриц, — все это существенно отличает добрую бога-ню и ее храм от того представления о целомудрии и стыдливости, которые чаруют утонченное чувство цивилизованного человечества. В сущности эта грубая терракота и произведения греческих скульпторов — символ одного и того же; можно сказать, что метаморфоза этого идола верно отражает те этапные пункты, какие прошла старая азиатская цивилизация, прежде чем она через посредство народов Малой Азии преобразилась в цивилизацию греческую».

Крейцер и Гиньян также нашли на Кипре явственно восточные формы этого культа обожествления производительной силы[149]; именно, они нашли андрогину Афродиту, соединяющую в своем лице оба начала, мужское и женское, и

священный конус с изображением, отдельно, женского начала. Но в древнейшие времена, рядом с этими странными и глубоко поучительными эмблемами, которые, по-видимому, берут свое начало в Индии, появляется образ обаятельной богини Киприды, самое имя которой показывает, что весь остров Кипр был в ее власти. Поклонялись ей везде, но идея божественности производительного начала нигде не проявлялась в столь явном восточном ритуале и атрибутах; нигде этот культ не был более сладострастен и более проникнут сексуальными наслаждениями, чем в Коринфе и на горе Эрикс.

В Коринфе тысячи гиеродул, т. е. священных куртизанок, которых мы уже встречали в храмах Азии, служили алтарям Афродиты. На горе Эрикс был старинный и богатый храм, где женщины, во время посвященных богине празднеств, занимались проституцией в ее честь.

С другой стороны, другой камень с острова Кипра, (кабинет медалей в Национальной Библиотеке N 1582), изображает храм Венеры и в середине его идол богини, — конический камень[150]. С правой и с левой стороны, на столбе, находится голубь, над идолом полумесяц и солнце, как на ассирийских камнях. Таким образом, культ и самые богини почти тождественны и можно сказать, что все эти народы одинаково охотно заимствовали один у другого учения и обряды: здесь находили себе удовлетворение их чувственные желания.

Следует отметить еще одно очень важное обстоятельство. Религиозные предрассудки побудили египтян окружить себя приапами самой различной формы. Эти приапы делались из фарфора различных цветов и терракоты; как у ассирийцев и других азиатских народов, они служили им амулетами. Их иногда находят в мумиях, а несколько лет тому назад Мунилоти дал описание приапической живописи на стенах храма в Карнаке. Изображение бога встречается на египетских гробницах, стелах и различных предметах житейского обихода.

В Египте умершие уподоблялись Озирису и это уподобление было залогом бессмертия. Вероятно, этим нужно объяснить наличность криапов на саркофагах и, в частности, на саркофаге в Лувре, который, как о том гласит надпись, был гробницей одного жреца в царствование Псаметиха I. Действительно, на одной из наружных стен его мы видим лежащего на спине Озириса с приапом, стоящим перпендикулярно к его телу. Это символ жизни и плодородия бога Солнца, но, конечно, жрецы ложно истолковали эту эмблему, когда воспользовались ею для религиозной проституции. Такое истолкование было возможно у народов с неразвитым умом, неспособным выделить

философскую идею из-под окутывавшего ее материального изображения. Женщины, у которых всегда замечалась любовь к амулетам и другим вещам подобного рода, носили на шее ожерелья с несколькими цилиндрами, нанизанными на двойной железной цепи.

Из цилиндров, хранящихся в кабинете медалей, отметим один под N934: две фигуры, одетые в египетские одежды; каждая держит скипетр, и возле него фигуры Hom'a и Mir'a. На заднем плане видим три символа: птица на человеческой голове, (душа по воззрению египтян), Cteis и мандрагора. На конусе N 1056 мы видим бородатого бога, в египетском платье, в сидячем положении, держит он в руках скипетр. Тут же шар над полумесяцем и Cteis. В той же коллекции встречаем еще несколько конусов с изображением полумесяца, двух шаров с фигурами Mir'a и Cteis; на других изображен Ouoti, — глаз, символ жизни и деятельности. Иногда же полумесяц и над ним Hom, окруженный короной, или же женщина с различными символами и змея Uraeus. Попадаются и непристойные сцены, как на камне N 1104. Наконец, два цилиндра (175, 176) изображают египетскую Венеру с двумя коровьими рогами, — аналогия между Изидой и Венерой ассирийской, которую часто изображают в виде кормящей теленка коровы. Аналогия, как мы видим, полная.

С представлением о куртизанке неизбежно связывается представление о кокетстве и стремлении к украшениям. В зале Юлия II, посвященной памятникам частной жизни египтян, мы находим не только много великолепных драгоценностей, носимых женщинами, золотых браслетов с инкрустацией, таких же ожерелий и перстней с изображением женщины перед Озирисом, но и вообще все предметы, предназначенные для украшения и раскрашивания лица. В одном из шкафов этой залы мы находим также, по описанию Руже, небольшие деревянные и глиняные сосудцы различной формы, в которых египтянки хранили составные части косметик. Главной косметикой была сурьма для глаз; карандаши из дерева, камня и слоновой кости имели тупые концы и форму, приспособленную для того, чтобы не ранить ресниц при этой деликатной операции. Вазочки имели то форму колонны, то форму бутона розы, из эмалированной глины. Уродливый бог Бесс, который, несмотря на свое уродство, играл, по-видимому, наибольшую роль в женском туалете, является одним из украшений этих безделушек.

Надо ли упоминать, что парики и шиньоны также играли видную роль в искусстве одеваться у египетских женщин. Имеются там также довольно хорошо сохранившиеся образцы манекенов и вообще полный комплект всего, что употреблялось

для украшения женского тела.

По отношению к проституции в Италии и культам Венеры и Приапа археологические данные дают нам вполне исчерпывающие сведения. В музее живописи, бронзы и статуй в Неаполе имеется много редких экземпляров, которые с большим художественным талантом описал Фомен. Эти, столь живо интересующие ученых памятники, по словам этого автора, в течение целых веков сохранялись в недрах земли для того, чтобы дать будущим поколениям урок истории. Многое было открыто на склонах Везувия, многое было погребено под вулканической лавой в Геркулануме, Помпее и Стабии. Исследуя жилища Помпеи, можно видеть, что в них всегда существовал специальный уголок, посвященный культу Венеры. Греки называли эту комнату Aphrodisien, римляне Venereum. В ней мы находим картины с сладострастными сюжетами по-гречески Grulli, а по-латыни Libidines. Почти во всех домах имеется эротическая скульптура, бронзовые, мраморные, хрустальные и терракотовые предметы, Приапы, вакхические амулеты и различные непристойные вещи. Изучая и сравнивая все эти памятники, один вид которых оскорбляет нашу стыдливость, Фомен приходит к заключению, что до наступления христианской эры существовал только один единственный культ, и его можно было бы назвать теофаллическим.

Помпейские раскопки обнаружили также несколько лупанариев, над входной дверью которых имеется большой каменный знак Приапа, но культ Приапа встречается только в публичных домах. Римляне относились к Приапу серьезно, хотя оказываемое ему уважение шло в разрез с философским скептицизмом римлян, как об этом свидетельствует мраморный барельеф на 4-ой странице книги Фамена. Этот барельеф изображает не отвратительную оргию, а картину, полную красоты и благочестия. Два супруга, одетые так скромно, как этого требует характер богослужения, которое они собираются совершить, умоляют бога плодородия прекратить их ужасное бесплодие; особенно говорят об этом выразительные жесты женщины. Супруг в это время отдергивает полог, за которым находится таинство жертвоприношения.

Бог, изображений в виде бородатого старика с лысой головой, покоится на невысокой колонне. Женщина стоит перед ним с глазами, устремленными на мужской половой член, и предлагает богу вместе с листьями дуба сосновую шишку.

На таб.7 находим копию мраморного барельефа с изображением вакханалий — одного из самых знаменитых празднеств язычества; они известны также под именем

Элевзинских, Ламптерийских таинств, таинств Изиды и Праздника Доброй Богини. На середине барельефа старый Силен, увитый плющем; в одной его руке чаша, а в другой венок, — награда за победу над пьяницами; он едва держится на ногах и упал бы, если бы его не поддерживали два молодых фавна.

Слева от Силена восторженная вакханка с кимвалами, за ним юноша с орудиями посвящения в руках, дальше постыдный Фаллифор с бичем в руках, женщина-сатир, держащая pedum (пастушеский посох) и syrinx (флейта с семью клапанами), у ног Вакха Гермеса. В углу Купидон, видимо, также принимающий участие в празднестве. Слева от Силена находится маленький алтарь и над ним сосновая шишка; зажженный факел приготовлен для богослужения.

Вакханка лежит на медвежьей шкуре и сладострастно отдыхает в такой позе, которая не оставляет сомнения насчет причины ее усталости.

Наконец, на краю барельефа женщина, переодетая сатиром, возлежит на атрибуте Приапа Гермеса.

Таблица 8-я изображает жертвоприношение Приапу. Этот барельеф с очевидностью указывает на религиозную проституцию; здесь мы видим одну из самых жестоких языческих церемоний.

Несколько женщин ведут молодую девушку, быть может, новобрачную, к статуе Приапа; несчастная, по-видимому, уже готова принести в жертву статуе свою невинность.

Из всей толпы она одна совершенно обнажена; опустив голову от стыда и горя, она опирается на плечо пожилой женщины, быть может, своей матери.

Тут же, невдалеке, девочка играет на двойной флейте и заглушает музыкой крики жертвы; еще дальше стоит старуха; согнув одно колено, она смотрит на эту сцену и, видимо, негодует на нерешительность, обнаруживаемую молодой новобрачной. «Надо иметь в виду, прибавляет Фамен, что этот возмутительный обряд существовал недолго, но можно думать, что жрецы мнимых божеств в течение долгого времени эксплуатировали в свою пользу людское легковерие и сами становились на место идолов, исполняли их обязанности. В храме Изиды в Помпее статуя богини помещалась на пустом внутри пьедестале, куда входил по потайной лестнице и где скрывался жрец богини. Туда-то проникал обманщик с целью заставить статую говорить.

В том же сочинении мы находим изображение каменных приапов, помещенных на углах улиц возле общественных фонтанов, над жилищами; так мы находим его над дверью одной булочной в Помпее с следующей надписью: Hic habitat felicitas.

Здесь же мы находим и священные колонны, фаллические светильники, фаллы, амулеты libidines и spinthria, — картины, изображающие самые отталкивающие, непристойные сцены. На последних таблицах представлены греко-италийские, греко-сицилийские, этрусские и греческие вазы с черным основанием и красными фигурами. Далее, вазы в виде опрокинутого колокола с красным основанием и черными фигурами, такого же происхождения. Все эти предметы говорят о ряде известных и неизвестных приемов, типичных для культа Приапа, и подтверждают те данные из истории проституции древности, какие получаются при изучении древней письменности. Кроме того в Луврском музее, в зале черных ваз, мы находим множество предметов этрусского производства, большая часть которых добыта при раскопках в древней Кере и в курганах Клузиума и Вей. Вазы украшены рельефными фигурами, грубо изображающими то сцены из жизни людей, то чудовища азиатской мифологии: сфинксов, кентавров с человеческими лицами и ногами и проч. На стенках ваз встречаются также изображения охоты, что напоминает рисунки на ассирийских цилиндрах и дает новое подтверждение объяснениям Лайара. Словарь Петиска разъясняет смысл одной фигуры бога Мутуна, открытой в Риме на Виминальском холме, среди развалин старинного храма; она существует там и поныне, вся из белого мрамора и вышиной около трех четвертей аршина.

Одна группа во Флорентийской галерее[151], изображает стоящую женщину, голова которой покрыта чем-то вроде чепца и имеет крайне необычную форму; ее руки опущены вдоль туловища и как бы поддерживают готовое упасть платье, причем некоторая часть тела остается открытой. Огромный фалл подымается с земли прямо к половым частям этой фигуры и последние, резко выраженные, находятся в соприкосновении с верхушкой Фалла.

Кабинеты древности и, в частности, залы Национальной библиотеки содержат множество итифаллических амулетов, свидетельствующих о культе Приапа и Риме. Один из них, говорит Дюлор, изображают Фалла и соединение его с mullos, фигурой женского полового органа. На других изображен один только Фалл, но с двумя птичьими крыльями и ланками и иногда с погремушками. Другие итифаллические амулеты имеют форму лежащей собаки или изогнутых человеческих ляжек и голеней без туловищ. Наиболее скромные амулеты изображают сжатую в кулак руку, в которой большой палец помещен между двумя следующими пальцами. Эту фигуру антикварии называют «manus ithiphallyca». Подобно тому как Озирис иногда изображался с

тройным Фаллом для обозначения необычайности его производительной силы, точно также на многих памятниках находят двойные и тройные Фаллы, изображенные отдельно или на одном и том же человеческом теле. Такая фигура с отдельно изображенными фаллами существует во Франции, на Гарском мосту и в Ницце. В неаполитанской провинции и в Пезетии были найдены на камнях изображения Приапа с двойным фаллом, а в городе Трани тот же идол имеет тройной фалл. Наконец, фалл (так называемый Fascinum) мы находим иногда высеченным на вазах, на домашней утвари и на мебели. В собраниях древностей нередко встречаются итифаллические перстни, сосуды, медали и камни с резными фигурами. Французскому антикварию Де-Шадюк удалось собрать коллекцию из 300–400 экземпляров камней с крайне любопытными итифаллическими изображениями. Ру и Барре в своем художественном и высоко научном труде, «Геркуланум и Помпея», опубликовали большое количество относящихся сюда бронзовых изделий и мозаик. Здесь собрано много типов фаллических амулетов; имеется, между прочим, крылатый фалл с погремушками, который задней своей частью переходит в коня; конь, в свою очередь, имеет хвост с фаллическим кончиком и отросток также в виде Фалла, который помещается между двумя крыльями фантастического животного.

По поводу этого Фалла авторы делают следующие комментарии: «по-видимому, древние поставили себе правилом изображать как можно чаще ту фигуру, которой они приписывали чудесные свойства. Здесь крылья и нога лошади указывают на стремительность производительной мощи, олицетворенной в Фалле. Это та же мысль, о которой напоминает phale e peroumene psiiche, летающая душа, — определение, данное древними лексикографами и вполне согласующееся с мнением Аристотеля, который говорит, что человеческая душа потенциально существует в человеческом семени, состоящем из эфирной воды, или спирта. Крылья Фалла оправдывают его наименование Strouthos, воробей, как его называют иногда по причине сладострастного нрава этой птицы. Это наблюдение не могло не остаться неизвестным ученому комментатору Катуллу, который изучал особенности Лесбийского воробья. Другой амулет представляет собою просто итифаллическую руку; эта рука делает непристойный жест и оканчивается Фаллом. Эти амулеты древние навешивали на себя. Женщины и дети, но свидетельству Барре и Ру, носили для того, чтобы избежать дурного глазу, oculi venena maligni, потому что все уродливое считалось предохранительным средством против колдовства. Золотой или серебрянный Фалл был одновременно драгоценным украшением

и амулетом; он же фигурировал на бронзе ламп, вырезался из дерева или камня, ставился в полях и садах, как средство от воров и защита жатвы от дурной погоды.

Существует еще множество других доказательств наличности культа Приапа и религиозной проституции. С исчерпывающей полнотой доказывает это хотя бы изображение молодой женщины, которая одной рукой ухватилась за рога божества, а другой рукой старается облегчить себе путь к Фаллу статуи. Но впоследствии символ Приапа смешался с символом Меркурия посредством общего имени терм, которые, по словам Скалигера, своим направлением указывали путникам дорогу и охраняли их от опасности. Знаменитый филолог видел один из таких фаллических Гермесов во дворце одного кардинала в Риме. Камни с надписями, изданные д'Арканвилем[152], почти все относятся к эпохе Августа и и Тиверия. Здесь изображены термы Приапа, жертвоприношение богу Лампсаку, сатиры и нимфы, а также боги и богини, императоры и императрицы, отправляющие половой акт.

Из таблиц этого издания отметим NN 32 и 35. Обе они изображают с двух сторон один и тот же камень, который вместе с остатками коллекций барона Итоха перешел в руки короля прусского. На табл.32 изображена Мессалина, жена императора Клавдия, имя которой перешло в потомство, как имя особенно разнузданной распутницы; она сидит перед небольшим храмом Приапа с миртовой веткой в руке.

Табл.33 изображает круг, по окружности которого расположены семь приапов. Над кругом надпись: Messal… а под ним Claudi. Между каждыми двумя приапами имеется по одной букве; если прочесть их все слева направо, то получится слово Invicta. «Посредине круга, пишет д'Арканвиль, находится улитка, двуполое существо, вполне достойное быть предметом зависти Мессалины. Семь приапов, которые окружают улитку и склоняются перед ней — это слишком мало для того, чтобы дать понятие о ненасытном темпераменте этой женщины, портрет которой дан Ювеналом в следующем стихе: «Et lassata viris, nondum exsatiata recessit».

На табл.45 сцена жертвоприношения Приапу. Жрец, который при этой церемонии играет на двойной флейте, один из тех, которых Сидоний Апполинарий называет Maesti, так как они одновременно служат двум богам, Вакху и Приапу. Геродот называет их Phalliphores, фаллоносцы, так как во время процессии они носят символ лампсакского бога. Эти процессии обставляли очень пышно, и женщины ждали от них плодовитости. У Апулея можно прочесть о всех скандальных частностях этих

непристойных церемоний и гнусных обрядов, руководителями которых были жрецы сирийской богини. Здесь, как и в практических таинствах, от участников требовалось самое строгое соблюдение тайны. У Петрония Квартилла то и дело просит свидетелей своих оргий не говорить никому обо всем, что они видели. Эти ненасытные блудники развратничали как последние проститутки, и тем не менее, имели дерзость склоняться перед алтарем божества и обращаться к нему со своими гнусностями:

«Non te movere lumbos in crocotula
Prensis videbo altaribus».

Другое издание д'Арканвиля[153] дает нам понятие о необузданном разврате мужчин и женщин при Цезарях. Будучи в Риме, этот автор имел возможность изучить все археологические собрания и коллекции медалей и камней; его изыскания касаются, главным образом, нравов матрон. Если бы не несомненные фигуры, которые, в противоположность письменным документам, не подлежат спору и критике, не будь их, самое живое воображение отказалось бы представить себе подобные сцены. Пробегая таблицы книги д'Арканвиля, читатель проникается уверенностью в том, что проституция женщин из римской знати доходила до крайних пределов. С помощью золота Цезарь имел возможность удовлетворять свою склонность к противоестественным порокам и набирать себе наложниц из женщин высшего света. Эти женщины отдавались ему как простые куртизанки, которым платят за любовь. В свою очередь законная жена Цезаря, Помпея, привела однажды в храм Венеры-Урании юношу Клодия, своего любовника.

Об этом узнали, и Клодий был привлечен к суду. По приказу императора суд оправдал его, и Цезарь но этому поводу произнес свои знаменитые слова: «жена Цезаря выше всяких подозрений». Умный и тонкий политик сказался в этих словах.

Существует одна медаль, изученная д'Арканвилем, с изображением Клавдия, одетого в женское платье; юноша вместе с императрицей Постумией стоит перед треножником у алтаря богини.

Остановимся еще на камее Ареллия. Здесь изображен Октавий, отдающийся своему двоюродному брату Цезарю. Известно, что когда он однажды присутствовал на спектакле в театре, народ обратился к нему со следующим стихом:

«Videsne ut cinoedus orbe digito temeret». (Ты видишь, как над всем царствует развратник).

Таким образом здесь, как и везде, литературные данные

вполне подтверждаются вещественными памятниками старины.

К числу этих последних относится также камея Аполлония Сицонского, изображающая непристойную сцену между Августом и его дочерью Юлией, которую историки выставляют образцом ума, красоты и развращенности. На камее Артемона Родосского императрица Ливия предлагает двух молодых девушек своему мужу Августу, который особенно любил девственниц. Царственная супруга имела при этом чисто политическую цель: она искала власти над императором.

Другая камея Ареллия изображает, как жена Мецена отдается Августу в присутствии своего мужа, который притворяется спящим. А между тем этот Мецен был другом и покровителем Горация, Виргилия и всех знаменитых поэтов своего времени. Он поощрял и содействовал прогрессу римской науки и искусства. Медаль на 16-ой табл. изображает распутного Тиберия с целой толпой его проституток, мужчин и женщин. Об этом императоре хорошо говорит Тацит: «Отбросив стыд и боязнь, он очертя голову бросился в преступления и распутство и не руководился ничем, кроме своих влечений». In scelera simul ac dedecora prorupit postquam, remoto pudore et metu, suo tantum ingenio utebaur.

На таблице 17-ой воспроизведен рисунок с одной древней картины, которая изображает Тиберия в дворцовом саду; вокруг Тиберия гроты с мужчинами и женщинами, одетыми наподобие нимф и сатиров, которые услаждают его взоры различными непристойностями.

Камея Лизиаса воспроизводит занятие Тиберия содомией. Он присутствует при жертвоприношении перед статуей Приапа и пользуется этим случаем, чтобы изнасиловать двух молодых жрецов божества. Светоний рассказывает об этом в следующих выражениях Vix dum re divina peracta, ibidem statim seductum contupraret simulque fratrem ejus tibicinem. Едва служение было окончено, как он здесь же удовлетворил свою страсть над молодым служителем алтаря и вслед за тем сделал то же самое с флейтистом, братом этого последнего.

На камее Теренция Тиберий с тремя куртизанками предается самому разнузданному разврату. Медаль на табл.17 изображает сцену отвратительного разврата между знатной римлянкой Молонией и Тиберием. Табл.25 воспроизводит медаль с изображением разврата между женой Пизона и Калигулой, этим чудовищем, который заставлял своих сестер отдаваться ему и его приятелям. На табл.27 мы находим медаль с изображением блуда Калигулы, с мужчинами и женщинами; объяснения этой медали дает одна известная антология эпиграмм.

Камея Аполлодора Мессенского (28) изображает момент,

когда Кассий Хереа спрашивает у Калигулы пароль. Император с непристойным жестом протягивает ему руку и дает в качестве пароля — приап. Это было причиной смерти Кассия. Камея Питадоры Траллийской воспроизводит момент, когда Мессалина приносит Приапу в жертву четырнадцать миртовых венков, по числу побед, одержанных ею над четырнадцатью сильными атлетами.

На камее Эпитинкана — сцена между Нероном и весталкой, которую он принуждает отдаться ему (34). Камея Кратера изображает Нерона в женском платье, развратничающим с Дорифором, который ошеломлен капризом своего повелителя. На табл.36-ой изображена камея со сценой разврата между Нероном, одной женщиной и тремя наложниками. На табл.38-ой медаль с изображением еще одной сцены содомии между Нероном и Дорифоном, его официальным любовником.

Табл.40-ая также изображает сцену разврата и содомии между одной женщиной, Оттоном и Нероном; таблица воспроизводит одну афинскую камею.

Нет нужды описывать остальные таблицы, которые все изображают все те же сцены разврата мужчин и женщин.

Как мы уже упоминали в одной из предшествующих глав, празднества Венеры происходили в последние дни месяца марта и, как в Греции, Сирии и Египте, так и в Риме Венера символизировала собой половое чувство.

Римские женщины торжественным шествием подымались на Квиринальский холм, где находилась молельня Фаллуса, брали оттуда священный предмет, и затем вся торжественная процессия несла его в храм Венеры Эрицинской, расположенной за Колинскими воротами. Придя в храм богини любви, матроны вкладывали Фаллус в чрево Венеры. Объяснение этой церемонии дает нам другой древний камень, на котором выгравирована вся пышная церемония: триумфальная колесница везет род алтаря, на котором покоится колоссальных размеров Фаллус. Над этим изображением божество держит корону. Колесница, как и фигура духа, защищена широким четырехугольным балдахином, четыре конца которого поддерживают на заостренных палках четыре полунагих женщины. На быках и козлах, везущих колесницу, сидят верхом крылатые дети. Колеснице предшествует группа играющих на трубах женщин.

Далее, против колесницы, расположена характерной формы Sinus Veneris, обозначающая женский половой аппарат. Величина аппарата соответствует величине Фаллуса. Его также везут на колеснице и два божества, поддерживая его по сторонам, как бы показывают место, которое он должен занимать[154]. По

окончании этой церемонии римские женщины с почестями водворяют Фаллус обратно в молельню, которая сделалась знаменитой после того, как император Гелиогабал воздвиг вблизи нее огромное здание.

В этом-то здании он поместил свой «Сенат из женщин», занимавшийся разрешением всех вопросов, касавшихся любовных связей и разврата… Д'Арканвиль, вероятно, долго не мог решиться сделать достоянием общества свои рисунки с медалей и камней, изученных им в Италии.

Для этого нужна была храбрость истинного моралиста, который историческую правду ставит выше лицемерных мнений невежественных педантов. Поэтому-то он эпиграфом для своей книга выбрал следующее мудрое изречение Сенеки: «только развращенность оскорбляется картиной разврата». «Depictam semet adversatur pravitas». Ту же мысль выражает и Шаррон, говоря: «Философия должна говорить обо всем свободно; только тогда она может отыскать причину вещей, может составить о них суждение и классифицировать их».

С этой-то именно точки зрения мы и предлагаем вниманию читателей этот труд свой по общественной гигиене; мы имеем в виду главным образом читателей-медиков, которые, подобно нам, привыкли к виду различных явлений патологической анатомии человека, — физической и нравственной.

С другой стороны мы сочли существенно нужным дать здесь подробную историю проституции вместе с теми противоестественными эксцессами, к каким она приводила в древности.

Таким путем нетрудно выяснить этиологическую связь между сифилисом и остальными венерическими болезнями, связь, которая и составляет предмет нашей работы.

notes

Примечания

1

В музее Брока имеется очень много относящихся сюда анатомических препаратов; назовем некоторые из них: две женские tibiae с типичными сифилистическими экзостозами (по Брока, Царро, Лансеро и пр.) Они добыты при раскопках в Солютрэ, принадлежат женскому скелету и найдены среди стертого камня, относящегося к каменному периоду, как это показывают найденные здесь же реберные кости и отточенные куски кремня. Сифилитические экзостозы на обломке лобной кости из кургана в Меласси; множество экзостозов на внутреннем крае tibiae и на нижней artic. peronae-tibialis, детский череп с зубами, носящими следы детского сифилиса в виде горизонтальных борозд; правая половина затылочной кости с прободениями, образованными сифилитическим craniotabec; детская затылочная кость из Буйасака с многочисленными следами костного сифилиса и пр.

2

«Религия в древности с точки зрения символов и мифов» сочинение Крейцера и Гиньо, профес. истории в Нормальной школе.

3

Человек уже с давних пор поклонялся тайне размножения. Иногда мужской половой орган изображался на камне. В некоторых французских деревнях еще и до сих пор бесплодные женщины тайком прикладываются к таким камням. Существуют эти камни и в Полинезии, и на Мадагаскаре. Иногда предметом поклонения служило женское начало. Оно изображалось на камнях круглой формы, таков черный камень Каабы и Мекке, таковы многие другие камни, на которых совершались возлияния вина и крови в Сибири, у краснокожих и у индусов. Половое общение было также предметом поклонения, его изображали на стенах храмов Индии, в Тласкала. Культ Индусского Лингама является грубым воспроизведением общения полов.

4

Необычно грязные, почти нагие нищие или факиры тысячами бродили но всей Индии. Их посещение, говорит Страбон, делает женщин плодовитыми. Всюду их принимают с большими почестями, а мужская часть населении покидает свои дома, чтобы предоставить факирам свободное поле действий (Розенбаум).

5

Без особенной натяжки можно усмотреть здесь некоторую связь с учением о сифилисе.

6

Архив патологии Вирхова. Март 1883, стр. 448.

7

Мемуары академии надписей и искусств, т. 31, стр. 136. 17

8

Драгоценный документ, относящийся к культу Лингама, доставил мне Бюрти, который много работал по истории Индии. Это — индийская миниатюра с раскрашенным рисунком Лингама. Она предназначалась служить заглавным украшением для какого-то мистического романа и изображает сад с массой дичи, красного зверя и птицы. Знатный муж нагнулся и преследует вытянувшую шею змею. На террасе, перед белой молельней играют музыканты. Дверь туда открыта и под стрелков свода находится огромный Лингам из черного дерева, украшенный цветами красного лотоса, который поддерживает венок из белых цветов. Он лежит на чем-то вроде алтаря, сделанном из двух кубов белого камня, украшенных рисунками и золотом. Его сторожит сидящая черная обнаженная фигура с чем-то вроде тиары на голове; у ее ног извивается змея naja. Вокруг молельни, цельная кровля которой заканчивается золоченым трезубцем, идет раскрашенная красной краской баллюстрада; на баллюстраду ведет несколько ступенек.

Reynal, Histoire philosophique de Deux-indis.

10

Пример того, как религиозная проституция постепенно превращалась в проституцию легальную (общественную).

11

Путем целого ряда изменений брамины из идеи обожествления жизни и деторождения сделали самую сущность религии. В настоящее время индусы делятся на две большие секты; поклонники Сивы, которые носят на левой руке перстень с Lingam-yoni — род амулета, изображающего соитие мужского и женского органов (Verenda utriuspue sexus in actu copulationis), и поклонники Вишну, которые носят на лбу Hahman, нечто вроде трезубца, начинающегося от переносицы. Средняя вертикальная линия его красная и отображает менструальную жидкость. Боковые линии серо-пепельные и символизируют мужское семя. Индусская теология. Kama Soutra (перев. Ламерес).

12

В Камбодже ежегодно происходили церемонии в честь Чин-Тана, во время которых великий жрец лишал невинности девушек. Он получал за это даже определенное награждение. В Малабаре сам король был подчинен закону; три первые после свадьбы ночи королева принадлежала верховному жрецу. Tilleir (Lemariage).

13

Геродот. Гл. 1, 199.

14

Соннера в своем «Путешествии по Восточной Индии» — рассказывает, что король Калькутты дал своему верховному жрецу 500 экю, за то, что он развязал у его жены пояс Венеры.

15

Посвящение девушек в храмах Анаитис также описано у Страбона. Он говорит, что проституирование обязательно предшествовало замужеству, причем только знатные семьи посвящали своих дочерей богине.

16

Названия «Ischeih» и «Osireth» переделали в Изиду и Озириса греки.

17

По происхождению египтяне — азиаты. Их черты лица и язык сближают их с белыми народами Западной Азии. Масперо.

Savary, Voyage en Egyupte

19

Иоанн Креститель изобличал преступную связь Иродиады с ее двумя дядями.

20

«Рувим, — сказал перед смертью Яков своему старшему сыну, — ты ни в чем не будешь знать удачи, так как ты осквернил честь моего дома.»

21

Kama-Soutra или «искусство любить» цит. в Archeologie medicale Бенье.

22

Kedeschim — мужчины, посвященные таинствам Молоха.

23

Жена Авраама, Сарра отдалась фараону и в награду за это получила материальную возможность прекратить голод, свирепствовавший в городе Бетель, местожительстве патриарха. Но Сарра не предупредила Авимелеха о том, что она страдает влагалищным истечением, которое и Было причиной ее бесплодия, и царь Египта и весь дом его были поражены «большими ранами». Эти раны венерической природы заразили весь двор фараона и сделали бесплодными всех заболевших жен. Тогда Авраам помолился Иегове, и болезнь прошла у всех, даже у Сарры. «Предвечный исцелил Авимелеха, его жену и всех служанок.

24

Initiatus est Israel Bahhal-Pehhor. Y. Pentat. Храмы Bahhal-Pehhor были местом, где мужчины и женщины отдавались всем видам разврата и противоестественной любви и заболевали от этого венерическими болезнями, известными под названием «раны Bahhal-Pehhor».

25

Св. Павел в «Послании к коринфянам» X, 8 говорит: «Не предавайтесь блуду, как это делали некоторые из них и за что были в один день умерщвлены 23 000 человек.»

26

Билеам был волшебником при дворе Балака, царя моавитян. Когда израильтяне пришли из Египта и брали дань от всех народов, живших по их пути, Балак послал к нему Билеама, которому было поручено уничтожить их посредством колдовства, но он ограничился тем, что предложил им воспользоваться гостеприимством моавитских женщин, что должно было привести их к гибели.

27

Antiquites udaiques, lib. IV cap. 6.

28

Соломон поклонялся Астарте, богине Сидонской Камос, богу моавитян, и Молоху, богу аммонитян; на горе, перед Иерусалимом, он воздвиг всем этим божествам храмы, он курил им фимиам и приносил гнусные жертвы. Объектами этих жертв были его жены и наложницы. В эту эпоху проституция у евреев признавалась законами. Героинями знаменитого «суда Соломона» были две проститутки, meretrices (Дюфур).

29

У некоторых поражается даже язычок до самой небной кости, mekris osteon: поражается также и миндалина до корня языка и надгортанник. Аретей.

30

Qui juxta me erant de longe steterunt см.12. (Псалмы).

31

Putruerunt et corruptae sunt cicatrices meae a fainsipientiae meae…

32

Et lumen oculorum meorumeti psum non estmecum.

33

Страбон, кн. XIV, стр.657.

34

Павзаний, кн.2, гл.27.

35

См. дальше главу: «Венерические болезни у Греков и Римлян».

Этот вид проституции наблюдается у всех диких народов и представляет собой не что иное, как некоторое видоизменение проституции по долгу гостеприимства. Народы, придававшие так мало значения скромности и целомудрию женщин, не имели никаких моральных идей и обычаев, всего того, что приобретается на известном уровне общественной культуры. Среди некоторых племен на Камчатке, говорит Саббатье, мужчины, принимая своих друзей, считают обязательным долгом вежливости предложить ему обладание женами и дочерьми; отказаться от такой любезности значит нанести обиду хозяину. На берегах Гвинеи, на некоторых островах южных морей и в других местах земного шара, у жителей существует обычай предлагать за какой-нибудь незначительный подарок своих жен иностранцам, проезжающим через их страну. Лапландцы, стыдясь своего уродства, просят гостя родить ему более сильных и более красивых детей. Кук сообщает, что на острове Пасхи женщины проституировали одновременно с целой толпой матросов. У Salofi, Foulis, Madingos, у других народов Африки темнокожие считают большой честью для себя, когда белые вступают в связь с их женами, сестрами и дочерьми; они сами часто предлагают их офицерам европейских войск. В Juida посвящают девушек священной змее, т. е., вернее говоря, жрецам. Эти последние в некоторых случаях разрешали всеобщий разврат для умилостивления богов.

Первые обитатели Мексики жили свободно со всеми женщинами до брака.

Иллинойцы, Ирокезы и другие племена северной Америки не соблюдают никакой меры в сношениях с женщинами, которые отличаются у них большим сладострастием.

В Аравии, на больших дорогах можно встретить женщин, которые предлагают себя странникам, идущим в Мекку; по их мнению дети, происходящие от такого союза, носят печать святости (Сабатье).

Нет страны, в которой нравы были бы более распущенными, чем Таити.

Вот, что мы знаем об этой новой Цитере из красноречивых рассказов первых мореплавателей.

«Каждый день, рассказывает Бугенвилль, наши люди ходили по одиночке или маленькими отрядами по островам Таити. Их приглашали войти в дом: им давали поесть, но гостеприимство хозяев дома не ограничивалось легким ужином: им предлагали

еще молодых девушек. Хижина быстро наполнялась толпой любопытных женщин и мужчин, которые окружали гостя и молодую жертву гостеприимства. Землю покрывали листьями и цветами, а музыканты пели, под аккомпанемент флейты, радостный гимн».

Еще несколько лет тому назад, у некоторых племен существовал обычай предлагать жену гостю или другу; невесту должен был лишить невинности какой-нибудь мужчина (не муж) до свадьбы.

По Леббоку, проституция по долгу гостеприимства и до сих пор встречается у эскимосов, некоторых индейских племен, у Полинезийцев и Австралийцев, у Кафров, у Моголов, у Тюрков. Такой же обычай наблюдается, по Кноксу и Персифалю, у некоторых Сингалезцев, Бантусов и Манибуттунсов. Герера утверждает, что начальники куманасов, которые были многоженцами, предлагали самых красивых жен своих иностранцу гостю. Патагонцы также предоставляли своим гостям женщин на время их пребывания. Тоже наблюдалось и у океанических племен: согласно обычаю полагалось предложить свою жену tayo, т. е. другу, который пришел в гости.

Из всех этих данных, которые можно было бы легко умножить, можно вывести заключение, что проституция по долгу гостеприимства была общепринятым обычаем у первобытных народов.

37

Сочувственное отношение к регламентации проституции остается, разумеется, на совести автора. Современная общественная медицина и гигиена признает, напротив, что санкционирование проституции путем государственной регламентации не только не ослабляет развития проституции, но даже значительно усиливает ее; т. наз. аболиционистское движение из года в год охватывает все большие крути ученых и общества. *(Примеч. переводчика)*.

38

Наложницами были домашние слуги.

39

Между тем Абротонум, публичная женщина из Афинского диктериона, была матерью Фемистокла, начальника афинской армии, героя Марафона и победителя при Саламине. В поэме Амфикрата о великих людях ей посвящаются следующие стихи: Я Абротонум. Фракиянка по происхождению, я родила Великого Фемистокла Греции и горжусь этим.

Обвинение в осквернении божества было очень тяжкое и наказывалось по всей строгости закона. Закон не предусматривает всех признаков состава этого преступления и потому предоставляет полную возможность для предъявления обвинений, основанных на малоценных данных, которыми пользовались для сведения личных счетов.

41

В диалоге Платона, между Сократом и Феететом, Сократ, сын акушерки Фенареты, сообщает своему собеседнику, что акушерки могут при помощи чар и снадобий не только вызвать родовые схватки и облегчать их, принимать при родах, но и облегчать выкидыши, когда мать решила освободиться от плода. Пациентками их состояли, главным образом, куртизанки, в интересы которых не входили материнские обязанности. К гражданкам они приходили только для того, чтобы присутствовать при родах, давать им указания по гигиене беременности и мнимые, правда, средства для устранения бесплодия. Они также занимались лечением маточных болезней и заключением браков. Из имен дошедших до нас, упомянем Агнодису, занимавшуюся лечением женских болезней, Олимпию из Фив, изобретшую пессарии для устройства выкидышей, Аспазию (ее не следует смешивать с знаменитой гетерой), которая оставила несколько трудов, сохранившихся у Аэция в Tetrabiblon'e и посвященные главным образом вопросу о выкидышах; наконец, Элефантис, составившая книгу о плодогонных средствах и румянах и кроме того, книги непристойного содержания, которые с таким наслаждением перечитывал Тиверий.

42

Лукиан, Диалог куртизанок.

43

После того, как обвиненные в прелюбодеянии были предварительно высечены, рабы вонзали им огромную черную редиску в прямую кишку. Этот растительный кол причинял сильную боль, у толпы же вызывал только насмешки.

44

Это был сад в красивейшем квартале Афин; он принадлежал раньше некоему Академу и здесь-то была основана под именем «Академия» философская школа Платона. В саду был отдельный участок, где предавали земле граждан, с оружием в руках умерших за отечество.

45

Матроны при их приходе удалялись из залы, где происходило пиршество.

Эти танцы дышали всей необузданностью приапийцев; названия танцев следующие: Афродита, Апокин, Апозеит, Ктисмос, Бридалих, Эпифалл, Лампротера и пр.

Я. Амио, перев. из Плутарха.

48

Подобно многим другим куртизанкам, Фрина была в Афинах жрицей любви, о чем свидетельствуют две нижеприводимые надгробные надписи из антологии: «Здесь покоится хрупкое тело маленькой голубки Триферы, нежного цветка среди пышных гетер, блиставших на шумных празднествах, с их удовольствиями и веселой болтовней, на празднествах в святилище Цибеллы. Кто поклонялся матери всех богов, кто больше всех других любил оргии Киприды, — кто обладал прелестью и грацией Лаисы? О, мать земля, пусть на могиле вакханки произрастут не шипы и тернии, а нежные фиалки». Вторая эпитафия гласит: «Танцовщица Арестион с бубнами носилась среди сосен, танцуя с распущенными волосами, в честь Цибеллы; твоя флейта из лотоса доставляла своей мелодией очарование и радости, ты умела осушать одну за другой три чаши чистого вина. Здесь покоится она под лицами не испытывая любви, не ощущая сладкой истомы от ночного бдения. Прощайте навсегда, божественное исступление и оргии. Ты, покрытая всегда цветами и гирляндами — тебя скрывает теперь от нас холодный мрак». (Верон, Ист. религии).

Ammianus Marcellus. Rerum Gestarum lib.XIV, cap.1.

Physiognomicon, cap.3.

Physiognomicon, lib.II.

52

Проф. Бал в одной из своих клинических лекций говорит: «В древности педерастия считалась явлением вполне естественным, почти почетным. Несомненно, что педерастия уживается с самым здоровым умом и с самыми блестящими способностями. Мы видим, что Ганимед исполнял по отношению к Юпитеру такие обязанности, которые в настоящее время не были бы предметом восхваления. Мы привыкли смотреть на древний мир сквозь призму. В своем восхищении перед великими людьми, описанными у Плутарха, мы нередко забываем, что величайший по добродетели герой Греции, Эраминанд, был любовником своих солдат, и когда он пал на поле битвы при Матинее, два верных солдата, бывшие его любовники, от отчаяния пронзили свои тела мечом.

Даже сам Александр Великий любил только мужчин, и даже до такой степени, что было трудно заставить его принять меры предосторожности, необходимые для упрочнения его славы.

Однако, все это только проявление порока, а наша сфера — больные люди. К приведу вам интересный и почти исторический случай с графом С., сообщенный Каспером. Этот человек принадлежал к одному из лучших родов Пруссии и до тридцатидвухлетнего возраста сохранил почти абсолютную невинность; он оправдал слова Фридриха Великого: «Любовь — вероломная богиня: когда она отворачивает свое лицо, то оно показывает нам спину». Он основал общество педерастов, которым писал страстные письма и устраивал сцены измены и ревности; за это он подвергся преследованию и суду и был признан психически больным; приговор этот был вынесен, вероятно, не без влияния его семьи, имевшей большие связи.

Люди моего поколения помнят еще подобное общество, процветавшее в Париже в последние годы второй империи; в числе членов этого общества были величайшие люди Франции. Было установлено несколько видов высших должностей, между прочим должность парижского архиепископа, заключавшего браки. Это общество, долго существовавшее тайне, должно было прекратить существование под влиянием упорных расследовании, предпринятых со стороны префектуры.»

Pseudologist (Opera. Cap.VIII).

Acharn. 271. — Eguit. 1284. — Pax.885.

Lib.II tit.13, N 19.

De simpl. medic. temperam. ac facult. Lib.X cap.

Они появились на франц. языке в 1785 г., в издании аббата Ришара, а затем в издании П. Шоссара.

Овидий, описывая момент отчаяния Сафо, говорит ее устами:

At quanto melius jungi mea pectora tecum.

Quam poterant saxis praecipitanda dari!

Haec sunt illa, Phaon, quae tu laudare solebas,

Yisaque sunt foties ingeniosa tibi.

Насколько было бы лучше, если бы наши сердца были соединены теперь и передо мной не разверзалась бы мрачная бездна! Ты так гордился этим сердцем, Фаон, ты говорил, что оно природой создано лишь для любви.

59

Известно мнение Lelut о психическом состоянии Сократа: маниакальная эксцентричность философа находилась в связи с галлюцинациями слуха.

Athaen, bib.XIII.

61

История проституции. Дюфур.

Отдельно взятый Фаллус носил имя Мутуна, вместе же с Гермесом или термами он назывался Приапом.

Civil. Dei, lib.6, cap.9.

De falsa religione lib.1.

65

Lib.4. стр. 131.

Voti solutio
Cur pictum memori sit in tabella
Membrum quaeritis unde procreamur?
Cum penis mihi forte loesus essei,
Chirurgique manum miser timerem
Dui me legitimis, nimisque magnis
Ut phoebo puta, filioque Phoeoi
Curatam dare mentulam verebar,
Huic dixi: fer opem, Priape, parti,
Cupis tu, pater, ipse par videris:
Qua salva sine sectione facta,
Ponetur, tibi picta, quam levaris,
Parque, consimilisque, concolorque.
Promisit forte: mentulam movit
Pro nutu deus et rogata fecit.
Priaperesa n 37.

Flora, cum magnas opes ex arte meretricia guaesivisset, populum scripsit haeredlem, certamque pecuniam reliquit, cujus ex annuo foenere suus natalis dies celebraretur editione ludorum, quos appellant Floralia. Celebrautur cum omni iascivia. Nam praeter verborum licentiam, puibus obscoenitas omnis effunditur, exuuntur etiam vestibus populo flagitante meretrices quae tune mimarum funguntur officio et in conspectu populi, usque ad satietatem impudicorum hominum cum pudeudis motibus detinentur.

В тексте они названы pana, т. е. вакханалии, а не panem.

Dulaur, Les divinites generatrices ou le culte de Phallus. Paris. 1805.

Тит Ливий 4 т. кн.9.

71

Medicin et moeurs de Rome, d'apres les poetes latiins.

72

Чтобы избавить своих любовников от ответственности перед законом за прелюбодеяние, замужние женщины надевали знак, отличавший проститутку — белокурый парик.

В некоторых лупанариях имелся балкон, где собирались все обитательницы в кричащих туалетах, с венками из цветов на голове и с миртовой ветвью в руке.

Lib.II cap.2 tit.1.

Symphosianus. Histoire d'Apollonius de Tyr.

Petronius. Satyricon cap.VIII.

77

Сальпе, obstetrix, о которой говорит Плиний (кн.28) прописывала для устранения полового бессилия обмакнуть семь раз в кипящем масле половые органы осла и натирать себе потом этим маслом половые органы.

78

Жидкость, истекающая из половых органов кобылы после случки.

79

Eryngion campestre — растение из семейства зонтичных, известное в простонародии под именем левого синеголовника или чертополоха, форма его корня, по словам Плиния (кн.20). напоминает собой половые части мужчины и женщины. (Не смешивать эту Сафо с Сафо Митиленской).

I. Послание к римлянам.

81

Петроний. Сатирикон. Гл. CXXXVIII.

Sabatier, Legislation romaine. Terasson, Histoire de la jurisprudence romaine.

83

Жены сенаторов и всадников добились того, что их стали регистрировать в списках эдилов в качестве meretrices; это избавляло их от позора семьи и суровых наказаний и в то же время позволяло им вести нравившуюся им распутную жизнь. Вот что говорит по этому поводу Тацит, Анналы, lib.II, Cap.XXXV: «В этом году сенат принял решительные меры против распутства женщин. Занятие проституцией было воспрещено женщинам, которые имели деда, отца или мужа из сословия всадников; мера эта была вызвана тем, что Вестилия, принадлежащая к преторской семье, записалась у эдилов в списки публичных женщин. (Tam Vestilia praetoria familia genita, licentiam sturpi apud aediles vulgaverat); у предков наших был обычай, по которому женщина считалась достаточно наказанной уже тем, что ее позор объявлялся во всеобщее сведение. (More inter veteres recepto, qui satis poenarum adversum impudicas in ipsa professione flagitii credebant).

De ritu nupliarum, Lib.XXII, tit.2

85

Приказ о проститутках Домициана, как и приказы Августа и Тиберия, были ничем иным, как актами лицемерия. Эти коронованные чудовища, вступая на трон, старались принять наружно добродетельный вид, и казалось, исключительно были заняты наблюдением за чистотой нравов. В то же время сами они являли пример самых грязных проявлений чувственности… По этому поводу Сабатье говорит: «Какое влияние могут оказать законы на улучшение нравов, когда эти нравы явно оскорбляются теми самыми, кто создает законы?

Светоний, сар.4. Двенадцать Цезарей.

87

Светоний. Жизнь двенадцати Цезарей. Гл.1. XVIII след.

Гл. XLIII, XLIV, XLV.

89

Алоиза древности. От нее сохранились только цитаты у Марциала и в «Приапейях».

90

Непристойные сатиры похотливого свойства, исполнявшиеся в Ателле.

91

Светоний, жизнь Нерона, гл. XXVIII.

Анархарсис, стр.272.

Подобные наклонности могут довести до каннибализма и антропофагии. Один германский автор приводит случай с человеком, у которого половина груди была съедена страстной женщиной.

94

Дюпуи. Медицина и нравы Античного Рима по латинским поэтам.

95

Римлянин по имени Папирий был осужден за совершение акта педерастии над свободнорожденным (ingenu) Публицием; Публий почти так же был осужден за аналогичное деяние, совершенное им над другим ingenu. Моргус, военный трибун, был осужден за то, что не пощадил офицера легиона. Центурион Корнелий был проведен сквозь строй за изнасилование гражданина своего круга.

Петроний, Сатирикон, гл. VIII.

97

Сирия была постоянным очагом проказы и lues venera. (Озон. Эпиграмма 128).

Шатобриан. Исторические этюды.

Philo, de proemis et poenis.

100

Senec. epist. 95.

101

Ammien Marcelin (Perum gestarum libri).

102

Закон о рабстве, давая частным лицам возможность удовлетворять свои разнообразные желания, не выходя из своего дома, был причиной, вызвавшей проституцию, потому что распущенность слуг проникла в общество и заразила его. (Сабатье).

103

Сатирикон. Гл. LXVII

104

Клиническое руководство Неймана, т. VII, стр.88

105

Аретей. De signis et causis acutorum morborum, гл. IX.

De locis affect, lib.VI, cap.6.

107

De locis affect. Lib.XIV, cap.10.

De tumor. praeternat. cap.XIV.

De usu part. Lib.XIV. d.10.

111

Method, med. Lib.XIV. c.7.

Actuarius. Met. med. Lib.I, cap.22.

113

Met. med., Lib.XIV, cap.7.

De loc. affect., VI. cap.6.

115

De sanitate tuenda, Lib.VI, cap.14.

De morb. chron. Lib.II, cap.5.

117

De re Med. Lib.IV, cap.21.

Lib.IX, cap.9.

119

De finit. med. n.288.

120

De morb.chron. lib.II, cap.5.

121

Morb. chron. lib.V. cap.7.

De dioet. in acut.XV.

123

Lib.III, cap.54.

Galien, de nproost. ex puls, Lib.IV, cap.10.

125

Lib.VII, 18.

De semine, cap.15.

127

Гален.

128

Hyppocrate, Aph., t.III. В этих климатических условиях выделения кожи, сальных желез и складок влагалища становятся более многочисленными и более зловонными. Известное влияние имеют и эпидемии. Розенбаум.

Coac. praenot. т.1.

Lib.VI, cap.57.

Lib.VI, cap.18.

132

Tetrab. VI, 2 и 3.

133

Диоскорит назначает в своем труде по терапии, против злокачественных язв заднего прохода и других частей мазь из ладона и меда; против туберкул во влагалище и твердых опухолей в заднем проходе, а также шанкров и гнилостных язв — смесь из воска и жидкой смолы; против язв половых органов и заднего прохода у женщин масляную гущу; против язв рта, половых органов и изъеденных язв — гранатовый сок; против папул, трещин и кондилом — миртовое масло.

Zoe. cit.V.8.

135

Tetrab IV.4.

De loc. affect. lib.IV, cap.5.

137

De natura muliebri et de morb, mul.

Synopsis. Париж, 1647, стр.266.

139

Vita petrum. cap.CXLVIII.

Meth. med. ad Glaucum, lib.II, cap.I и lib.XIII, cap.V.

Aphorismes, t.III и De liguidorum usu, II.

Synops. med. sec. loc., lib.I, cap.8.

143

Serm.2, cap.15.

De net, mul., t.II.

Tetrab. IV, serm.IV.

Lib.IV, cap.28.

147

Meth. med. lib.VIII, cap.17.

148

На одном, найденном в Помпее камне, имеется следующая надпись, сделанная, вероятно, кем-нибудь, истощенным от разврата: Hic ego nunc futui formosam formae pusellam laudatama multis, sed lutu intus erat. (Я обладал девушкой с прекрасной фигурой, составлявшей предмет вожделений многих, но внутри ее был навоз). На стенах одного лупанария в Помпее имеется аналогичная надпись, но, вместо слова «lutus» здесь сказано «namae», которое не оставляет сомнения о истинном, нозологическом смысле этой надписи.

149

Религия в древности. Ф. Крейцер.

150

Тацит, рассказывая о возвращении Тита на восток, дает описание большого Пафосского храма Венеры. «Статуя богини, говорит Тацит, не имеет вида человека;: это округленная глыба, расширенная у основания и пирамидально суженная у верхушки. Смысл этой формы статуи мне неизвестен, Simulacrum deae non effigie humana; continus orbis latiore initio tenuem in ambitum, metae modo, exurgens; et ratio in obscuro». Тацит. Historiae, lib.II, cap.III.

151

Эта античная группа написана Нерсием.

152

Памятники тайного культа римских женщин, д'Арканвиль.

153

Monuments prives de la vie des XII Cesars.

154

Изображение этого древнего камня находится в собрании, называемом «Тайный культ римских женщин».